

ПАРМИЯ

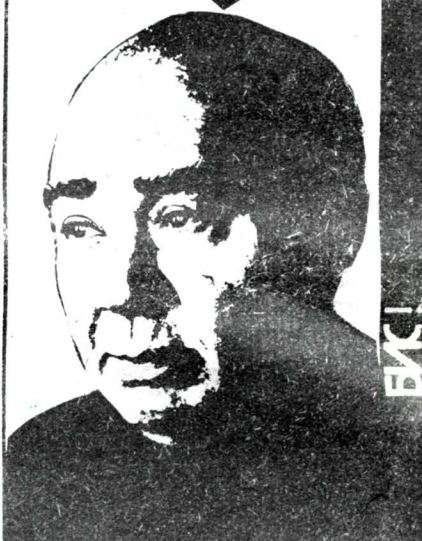
ВСЕРОССИЙСКИЙ И МЕЖДУНАРОДНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЕЖЕМЕСЯЧНИК ◆ ИЗДАЕТСЯ С АПРЕЛЯ 1990 ГОДА ◆ № 20

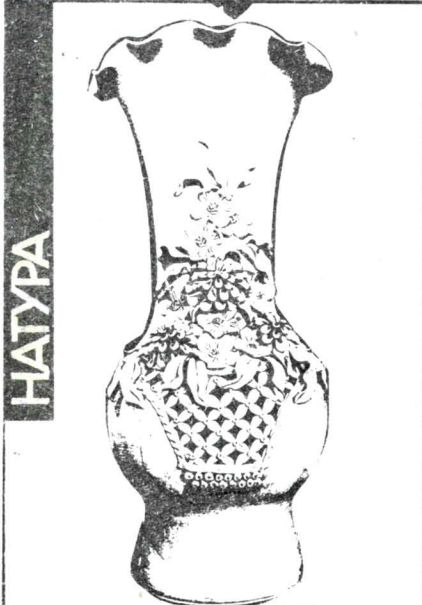
ИСТОЧНИК

*Алла Вербитская
Трибунь Деду Морозу*

*In Винни Veritas
Прок урока*

*Лепота
Пир таврический*

ОГОНЬ,

ЭПИ-
Г-
РА-
Ф-
Ы:

1. Если вы встретили на улице Пугачеву, то вы — в Лондоне. /Эссе/.
2. Корреспондент-уфолог спросил вопросом: «Вы верите в НЛО?» Пугачева ответила ответом: «Я сама оттуда. Но не могу на эту тему распространяться. Не велено». /Новость/.
3. «Смотри, звезда летит, летит звезда». /Песня/.

Смотрю, звезда «летит». В честь которой названы морской лайнер, озеро, духи, цветок. А японцы вписали ее имя золотыми буквами в книгу немеркнувшей славы Человечества /правда-правда!/. Звезда в желтом экстравагантном сарафане, с дежурной пачкой «Marlboro» и, как положено звезде, в ореоле звездной пыли /упаси Бог, здесь нет никаких намеков на Укупника, Кальянова и Челобанова/. Место посадки — Ростов-на-Дону. Бывшая дача бывшего первого. Корреспондент-уфолог представился:

— Меня зовут Гена. Звезда представилась со свойственным ей обаянием: «А меня Аллочка», что позволило уфологу и впредь обращаться к любимой певице со свойственным ему благоговейным трепетом.

Алла Борисовна, почти во всех интервью вы утверждаете, что у Пугачевой творческий кризис. Однако по количеству и качеству спетых вами песен трудно поставить рядом кого-либо. Но мысль о кризисе не уходит, поскольку увидеть вас на телевизионном экране — дело практически безнадежное. Почему?

— Я хотела, чтобы вообще не видели, но не получается. Когда я говорю — кризис, это я считаю, что кризис, и это не значит, что вы будете так считать. Просто самый большой критик для себя — я сама. Я не могу петь ноты и слова, пока не разберусь в жизненной ситуации, в своем мироощущении, которое, естественно, меняется с возрастом. Мне все-таки не 18, не 28 и не 38 даже. Мне пятый десяток. Мне нужно остановиться, разобраться в себе, полюбить себя, иначе — кто меня будет любить. Поэтому и решила отойти.

— Есть информация к размышлению, что на Российском

телевидении вам предложили телепрограмму.

— Ой, не знаю. Предложений очень много, и от ЦТ, и от независимых компаний. Но я всегда боялась быть членом жюри или, скажем, ведущей. Это уже когда ничего не можешь сделать как певица и актриса. А как это совместить, чтоб было интересно и мне, и другим — надо подумать.

ЗАЖЖЖЕННЫЙ

— Вы не пожелали участвовать в одной из самых популярных передач ЦТ среди людей старшего возраста «Песня года»?

— Терпеть не могу ее. Устроила на телевидении скандал, заявив, что эта программа купленная. Абсолютно.

— Алла Борисовна, песня «Фотограф» прекрасна. Вы сняли прекрасный видеоклип. Но стоило ли снимать, если его крутили всего два раза?!

— Что я могу сделать? Если заплатить, может, и покажут, но, думаю, есть песни, которые будут хороши и через год, и через два.

— В магазинах «Мелодия» пошли премьеры ваших магнитоальбомов и дисков. А чем был вызван столь не желательный для ваших поклонников перерыв в целых три года?

— Извините, если нет песен, так их нет. Когда появились, тогда и посыпались. Я ищу новые песни, новых композиторов, новых поэтов и, может быть, даже новый стиль, который сегодня присущ мне, Алле Пугачевой. А это довольно сложно. Тут надо делать выбор: или петь то, что нравится зрителям, или все-таки спеть то, что доставляет удовольствие тебе, как вывод из всего жизненного пути. Раньше это как-то умело сочеталось.

— На выпущенных вами пластинках много новых неизвестных имен, например, Зуйков, автор шикарного шлягера «Придумай что-нибудь».

— Зуйкова Кальянов мне притащил. Он тоже очень любит находить. Где ты его нашел? /Кальянову/.

— Он сам пришел на студию.

— У Зуйкова много песен. Он, безусловно, очень талантливый человек, но со своим смуром конечно. Вообще любой талантливый человек немножко сурну-

тый. Стопроцентно гарантирован сдвиг по фазе. Нормальный человек никогда не будет талантливым.

— Условно разделим творческий путь Пугачевой на палсовский, николаевский... А сейчас? Пугачевский?

— Композитор пока я. Но период все равно николаевский, потому что он пишет стихи, и замечательные стихи! Песни «Бог с тобой», «Анна Каренина» — музыка Аллы Пугачевой, а стихи Игоря Николаева. Но я ищу, ищу... Вот справа сидит композитор, слева композитор... Но писать для меня очень сложно.

— Алла Борисовна, дождемся ли премьеры в стенах Театра песни?

— На это я уже не надеюсь. Может быть, с приватизацией что-нибудь получится. Время работает на нас. Сейчас я занимаюсь своей сольной программой, поэтому больше всего думаю о ней.

— И что это будет за программа?

— Не скажу*.

— А когда она будет?

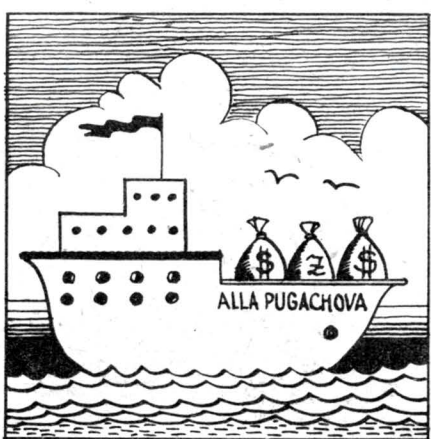
— Не скажу. Пусть будет хоть для кого-то сюрприз**.

— В театре сложилась «добрая» традиция: время от времени его покидает, скажем так, солист и начинает вас поливать. Солист Киркоров...

— Те, кто уходит сами, не поливают. Когда мы увидели, что у Филиппа обозначилась звездная болезнь, собрались вместе и объявили: «Теперь ты у нас звезда».

— И на «вы» стали звать /Кальянов/.

— А он вообще с ума сошел. «Ну, а коли ты звезда, ступай отсюда своим путем». Это уже совсем было невозможно. Я его с 11 лет знаю. Он вырос на моих глазах. Но бывает и такое. Может, перегорит когда-нибудь.

Этот процесс неизбежен.

— Должно пройти /Кальянов/.

— Алла Борисовна — самая свободная женщина страны, беспартийная, любимица народная, к тому же и доси не «народная».

— Я очень спокойно отношусь ко всяческим званиям. У меня всегда было абсолютное убеждение: самое главное звание — это любовь народа.

— Какие-нибудь официальные государственные награды?

* «45»: А почему?

** «45»: Например, для наших читателей.

— А что это такое?
— Ну, орден Ленина, Герой Соцтруда...

— У меня есть две звезды. А поскольку памятник мне поставлен в Швеции, я дважды Герой Капиталистического Труда.

— Серьезно?

17-й муж? Надо проверить...

— Еще бы! Песня «Две звезды».

— Сейчас на ниве нового жанра — песенных посвящений Алле Пугачевой — особенно плодотворно трудятся Барыкин, Крылов, Николаев, Пресняков-старший, Резник, Челобанов...

— Ну, знаете, это их личное дело. Просто у меня с этими людьми много связано, и, наверное, им захотелось спеть посвящение при жизни. Все вдруг вспомнили и посвятили. Но это, по-моему, лучше, чем когда я помру.

— А как вы относитесь к пародиям на себя?

— Когда хорошо пародируют, я — за. Еще один плюс к популярности. Человека непопулярного и несамобытного никогда пародировать не будут. Смысла нет. Но качество, как правило, отвратительное; напялят парик, балахон, обтягивающие колготки, включат «фанеру»...

— Кто, по вашему мнению, у нас «Певица номер два»?

— У звезд нет номеров. Величина разная. И на разный вкус. Для кого-то — Жанна Агузарова, Инна Желанная.

— Маша Распутина жалуется на горькую судьбу, якобы вы обещали взять ее в свой театр, она отложила важные гастроли...

— Меня совершенно не интересуют жалобы, просто уроды со мной не выдерживают. Я не считаю Машу такой уж уродиной. Ее уродуют плохие, пошлые тексты Дербенева. А она способна на большее, на красавицу с зерном, если б не пошла по наилегчайшему пути.

Поп-музыка всегда была отражением нашей действительности. Какая действительность разноликая, разноперая: и левые, и правые, и плохие, и хорошие, всеядность людей, которые не могут разобраться в нынешней ситуации. Все это, конечно, отражается на нашей попсе. Революционная ситуация всегда порождает беспризорников, я вытаскивала их из подвалов. У нас очень много беспризорников.

— Вы владеете иностранными языками?

перво ИСТОЧНИК

— А какое это имеет значение? Когда я жила с первым мужем в Литве, говорила по-литовски. И совершенно не понимаю языковой проблемы в Прибалтике. Если я приехала к людям, у которых свой язык, традиции, культура, то на каком еще языке я должна говорить? Необходимо также говорить по-английски. Это «эсперанто» мировое, и кто этого не понимает, тот человек, думаю, отсталый. Несколько лет назад я серьезно увлекалась переводами с немецкого.

— *Непроизвольно мы коснулись острой проблемы. Межнациональной. Похоже, и от вопроса о политике не удержаться?*

— У меня одно отношение к политике. Дайте жить нормально, помогайте, а не мешайте. Сделайте так, чтобы лучше было народу. Чтобы хоть раз не запретили, а разрешили, дали, а не забрали. Мое глубокое убеждение, что политику должны делать экономисты, когда они будут у власти, настоящие головы, тогда и будет политика.

— *У России должен быть свой путь? Или мы постоянно вынуждены подражать кому-то?*

— А хорошему Россия всегда подражала. Не считалось зазорным приглашать французских архитекторов, итальянских композиторов, торговать со всеми странами. Мы были частицей мира. Пока мы не поймем глобальности явления под названием «мир», обособляя постоянно себя от американцев или турок, у нас никогда не будет того самого мира. Мы всегда будем отщепенцами, которых будут бояться. Не должно быть этого шовинистического, великорусского начала. Величие тогда, когда ты скромнее, принимаешь всех как своих партнеров.

— *Алла Борисовна, народ не безмолвствует. Он молвит,*

Алла и Кристина. 1979 год. Мама, еще не ставшая бабушкой, и дочь, еще не ставшая мамой.

Фото Константина БАБАЛАРОВА /Пятигорск/. Публикуется впервые.

самым помогает и стране. Это было, есть и будет. И было у нас когда-то.

Благодарительность лично для меня всегда была спасением души.

— *Вас одолевают рэкетеры?*

— Кто это? А... Рэкетеры знают, кого одолевать. Моя милиция меня бережет.

— *Алла Борисовна, что вы читаете?*

— Как правило, по рекомендации. Раньше много читала, слишком даже много, а сейчас... не хочу загружать себя информацией. Больше перечитываю. Репарка все мы перечитываем.

— *Борисовна! Алла! /Простите за инверсию/. Цветы, ваши любимые, часом не аллы?*

— Нет, ну что вы?! Цветы я люб-

меня спрашивают: «Это ваш друг?» Я отвечаю: «Н-нет, собраты!» Пить тоже надо уметь. Теперь мы отношение к здоровью изменили. Чтобы быть в форме, надо не пить, стараться не курить, голодаем. Однажды вообще 14 дней не ела. Ужас какой-то!

— *Почему у вас нет подружек?*

— Женщинам тяжело со мной.

Я не знаю, о чем разговаривать с ними. Только одна тема идет. «Ну, а как у тебя с Михаилом?» — спрашиваю. «Ой, все мужики — сволочи!» А меня совершенно не волнует это, потому и нет подружек-женщин. Круг общения, интересов у меня совсем другой. Веселей мне с мальчиками, мужчинами. И потом, приятно быть одной женщи-

лю, особенно когда очередной букет въезжает в лицо. В запале концерта, разумеется. А вообще я люблю белые и желтые. И, желательнее, совсем простые, без изыска.

— *Как вы себя ощущаете в роли бабушки?*

— Да еще пока никак. В Лондоне у меня была всего неделя. Я думаю, пригложусь им позже.

— *«Алла Пугачева сменила своего 17-го мужа». На этот раз повезло Евгению Болдину?*

— Да? Надо проверить. Может, он сменил меня? Мы только что говорили по телефону.

— *Вы не собираетесь спеть дуэтом с Евгением Борисовичем?*

— Я бы — с удовольствием, ему некогда.

— *Алла Борисовна, «вы любите пить одна»?*

— Ни фиги себе! А что пить? Водку, что ли?

— Да!

— *Что ж я, алкашка, что ли, последняя? Нет. Сейчас я, правда, не пью, а то — с Кальяшей обычно. У*

ной. Я Овен, а там написано, если кто-то при мне сделает комплимент другой женщине, то это будет «ох». Я пытаюсь проникнуться их интересами, но не все мужики сволочи.

— *Вы верите в любовь?*

— Какой вы ответ ждете, Геннадий? Конечно, верю. Вообще все построено на любви! К сожалению, не в последнее время. На вражде ничего невозможно сделать. Когда мы научимся любить, мы научимся жить.

— *Вы счастливы?*

— А как же!?

Геннадий СОЛОХА.

Эксклюзивно для «45».

Ростов-на-Дону — Пугачевск — Ставрополь.

Алла Борисовна
29.11

ВЫИНИЛ

Эти фотокadres не взялась опубликовать ни одна из московских газет.

Надо сказать, что в этом что-то есть. Читателям «45» подозрительно везет — заряженная она, что ли? То выигрывают полторы тысячи рублевых сувениров в телеигре «Чертова дюжина». А то —! — и вообще...

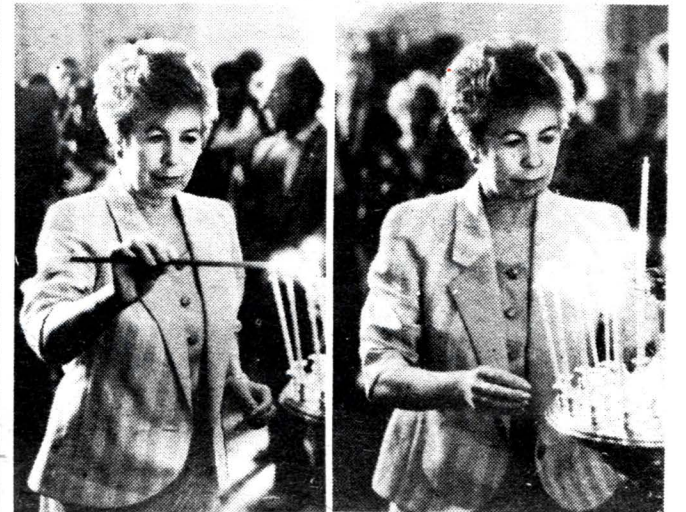
Из Сочи /раньше именованного всесоюзной здравницей/ вернулись кисловодчане. Сергей Пилоян и Алексей Цапик. Первый — активный читатель, второй — постоянный автор «45». Ездили они туда не морем любоваться /хотя и это успели/, а показать себя на I Всесоюзном фестивале сатиры и юмора. Показали. Оба стали лауреатами. Причем Сергей и раньше отличался склонностью к лауреатству: несколько лет назад победил во Всесоюзном конкурсе артистов разговорного жанра в Горьком, который теперь Нижний...

Вот так складываются судьбы некоторых почитателей всероссийского and — уже — международного ежемесячника. С чем мы их и...

Юрий САМОЙЛОВ, зорко следящий из Кисловодска за каждым, кто любит «45».

ВРЕМЯ ЗАЖИГАТЬ СВЕЧИ?..

До недавнего времени — правоверная коммунистка, специалист по марксистско-ленинской философии, супруга Генерального секретаря ЦК КПСС и Президента... Да, это она, Раиса Максимовна Горбачева — в Спасском соборе Спасо-Андроникова монастыря в Москве.

На аналое собора — икона с ликом великого россиянина, святого Русской Православной Церкви, преподобного Серафима Саровского. В древнейшем монастырском храме Москвы — расписанном еще самим Рублевым! — наконец-то снова проводятся богослужения. Монастырь в тот день, когда были сделаны эти по-своему уникальные снимки, еще не был возвращен Церкви. В его стенах — временно, конечно — музей древнерусского искусства имени Андрея Рублева.

Владислав ЗАПОРОЖЧЕНКО.

Сергей ХАРИТОНОВ.

Фото авторов.

P.S. Фотокadres, которые помещает «45», по нашим сведениям, не опубликованы ни в одной из московских газет, хотя люди, остановившие если не прекрасное, то парадоксальное мгновение, обивали пороги многих громких /и не очень!/ изданий...

ЛЕГКО ЛЮБИТЬ ВСЕ ЧЕЛОВЕЧЕСТВО...

Архипо-Осиповка. Август. Море. И...инвалид. Он сидит в дышащей на ладан коляске и читает «45-ю параллель». Наш собкор Борис Смоль, чьи глаза резанул неожиданный ракурс — бледный до прозрачности человек на фоне загорелых здоровых тел — подошел, представился. Разговорились...

Прогрессирующая мышечная дистрофия преследует Юрия Павловича Презмана буквально по пятам. Лекарства? Нужных — днем с огнем... Коляска? Да где ее взять...

В Пятигорске Борис отыскал необходимые препараты, отправил Юрию. А коляску, увы, раздобыть не смог. Однако на просьбу «45» откликнулся Орден милосердия и социальной защиты имени Сахарова. Сначала его директор Елена Юрьевна Поплавская, а затем сотрудник Юрий Владимирович Гиберман заверили, что помощь придет. Придет. Долетит. Так и случилось. Инвалидная коляска, сделанная в Германии, доставлена в Архипо-Осиповку.

Сергей СУТУЛОВ. Главный редактор «45».

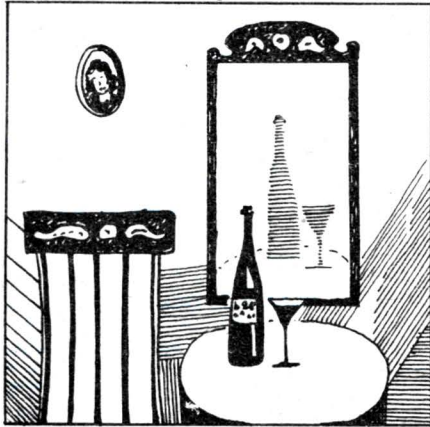
Да, это Раиса Максимовна Горбачева в Спасском соборе Спасо-Андроникова монастыря в Москве.

ВЫИНИЛ

ЗОДШАКОМ

что вы неслыханно богаты, прямо-таки весьма и весьма...

— Этот процесс неизбежен. Но нам еще нужен и средний класс — вкальывающий нормальный класс.

Чтобы быть в форме, надо не пить.

на котором весь мир держится. Не надо велосипед изобретать. Есть бедные, есть средние, есть богатые, но у каждого должен быть шанс стать богатым. Когда человек становится богатым, он помогает бедным, бедный переходит в средний класс, где вкальывает, обогащается и помогает бедным, а тем

Случай, как говорится, из жизни. Очередь в кафетерии. Подходит женщина с ребенком — без очереди. Инвалид Великой Отечественной войны — без очереди. Вполне благополучный с виду пожилой мужчина показывает какой-то документ продавцу — без очереди. Поворачивается и спрашивает остановившихся чуть поодаль спутниц: «Девочки, а вам что взять?» — и берет. Без очереди. Тут, естественно, апогей. А в очереди — дети. И мы их воспитываем. И таким образом — тоже.

Самое удивительное в том, что вроде бы права очередь — каждый спешит, у всех на пределе нервы и т. д., и т. п. Но прав и человек, купивший вне очереди, — у него есть документ, дающий ему право в этой самой очереди не стоять. Конфликт, существующий извечно: конфликт душевного такта и хамства, добра и зла, конфликт поколений — отцов и детей.

А что же стоит за ним в смысле биоэнергетики? В восточных традициях существует извечное единство и борьба двух влаждующих в мире начал — ян и инь, мужского и женского, светлого и темного, горячего и холодного. Все это одновременно присутствует во Вселенной и, следовательно, в человеке. От того, насколько эти силы находятся в равновесии, зависит здоровье человека. Но эти же силы действуют и в маленьком коллективе, именуемом «семья». А вы задумывались, почему семь — я? В идеале — это две бабушки, два дедушки, мама, папа и ребенок. Всего — семь. Женщина — носительница преимущественно инь-энергии: лунного, прохладного, темного; мужчина — носитель преимущественно ян-энергии: подвижного, жесткого, горячего, светлого начал. Если соблюдается «7-я», то силы находятся в равновесии и даются ребенку без преобладания одной какой-то энергии. Но существуют еще возрастные особенности. В детстве мы преимущественно «янские», то есть нам присущи энергия и неутомимость, дающиеся горячим Солнцем. С возрастом силы Солнца в нас убывают, и мы приближаемся к «иньской» энергии.

«Семь-я» также способствует уравновешиванию энергии для наибольшего благополучия ребенка, который рождается из любви родителей — слияния инь и ян-энергий. Зачатие новой жизни, приглашение ее в этот мир должны быть актом творчества. Необходимо планирование зачатия, подготовка тела и духа будущих родителей. Я имею в виду хорошее состояние здоровья, определенную диету, хороший эмоциональный настрой. Лучше, когда зачатие происходит на отдыхе, среди природы, когда у будущих родителей есть время взглянуть друг в друга, раствориться друг в друге, создавая новую жизнь.

По законам Кармы /причины-следст-

вия/ мы должны пройти определенный Путь, данный нам для эволюции, пройти серию уроков в жизни, сделав при этом не один раз свободный выбор, от которого, по сути, зависит наша дальнейшая судьба: деградируем мы в данном воплощении или нас ждет новая ступень эволюции? Человек рождается в определенном регионе Земли, в определенном городе, в определенное время, в определенной семье — и никто не в силах изменить начатое: Человек вступил в Поток жизни. Проходят годы. Судьбы людей сплетаются для добра и зла, и ничто не происходит случайно.

Из века в век передают друг другу люди эстафету Любви. Любовь матери к ребенку, мужчины и женщины, детей к родителям, любовь к Родине, любовь к делу, которому отдаешь себя, любовь к природе, любовь к прекрасному во всех его проявлениях... Любви! Все самое лучшее в жизни мы зовем Любовью. Мы посвящаем ей порывы души и подвиги, свершения и самоотверженность. И прав был поэт, сказавший, что любовь движет миром. Так проявляйте же ее щедрее. Вас обязательно услышат и поймут...

Все же мне хочется вернуться к началу нашего разговора. Почему не взорвалась очередь, когда подошли женщина с ребенком и инвалид? Да потому, что во всех нас, заматанных и издерганных, живет извечная любовь — преклонение перед материнством, уважение к подвигу и самопожертвованию, к старости, наконец. И это свято во все времена и у всех народов. Так важно в нашей повседневной жизни с ее вечной неустойчивостью сохранить эти прекрасные проявления человеческого в человеке. И тогда легче, мне кажется, решатся самые насущные, самые глобальные проблемы.

Не скрою, мне хотелось бы поговорить с читателями «45» о взаимоотношениях мужчины и женщины с точки зрения биоэнергетики, о проявлении космических сил в человеке в зависимости от возраста, поделить с умением саморегуляции энергетических потоков... Темы наших бесед во многом будут зависеть от вас. Если появились вопросы, пожелания, советы, прошу написать мне по адресу: Ставрополь, улица Доваторцев, 4, кв. 41, товарищество «Феникс», директору. Жду обратной связи, а сейчас предлагаю всем интересующимся разработанную мной методику видеоаутотренинга.

Наталья ЦЫБУЛЬКО.

Директор ставропольского товарищества «Феникс» по проблемам биоэнергетического обмена в природе, член-учредитель Санкт-Петербургской ассоциации прикладной парапсихологии.

ВИДЕОАУТОТРЕНИНГ

Защита 1. Если вы хотите:

- поправить здоровье;
- улучшить настроение, сделать его более стабильным;
- научиться управлять своим самочувствием;
- поставить надежную защиту от неблагоприятных психических воздействий, действуйте, воспользовавшись следующими советами.

Пристально всматривайтесь в контуры, отключитесь от влияния внешних раздражителей, расслабьтесь и позвольте рукам свободно двигаться без участия воли. Следите за возникающими легкими ощущениями в ладонях. Мы состоим из девяти тел: плотного или физического, эфирного, тела желаний, тел конкретной и абстрактной мысли, тел человеческого, жизненного и божественного Духа и тела Бога. Мысленно распространяйте ощущения с рук на все эти тела. Текст настроения можно записать своим голосом на магнитофон или выучить наизусть.

НАСТРОЙ. Сосредоточившись на рисунке, мысленно или вслух произнесите: «Я состою из девяти тел, взаимосвязанных и взаимопроникающих. Все они — это я. Я ощущаю пальцами, ладонями, всем телом все более тонкие субстанции:

- ощущаю физическое тело...
- ощущаю эфирное тело...
- ощущаю тело желаний, ощущаю энергетические вихри, вызванные чрезмерными желаниями. Вихри вредят моему здоровью, вызывают взаимодействия с сущностями, населяющими этот слой, стараюсь убрать вихри, гармонизировать тело желаний...
- ощущаю тело конкретной мысли —местилище мыслеобразов, очищаю его от образов неприятных и пугающих...
- ощущаю тело абстрактной мысли — свое творческое начало /здесь и в более

РИСУНОК ЗАРЯЖЕН!

тонких телах нет слов, образов, конкретных мыслей/, активизирую свое творческое начало...

— ощущаю тело человеческого духа — тонкую вечную субстанцию, остающуюся после человека и содержащую кармические причины всего происходящего со мной, пытаюсь понять и исправить причины моих невзгод и болезней...

— ощущаю тело жизненного Духа, содержащее информацию всех живых существ в прошлом и настоящем и причины, управляющие их развитием и взаимодействием...

— ощущаю прекрасную тончайшую субстанцию тела божественного Духа — последнюю дискретную и самую совершенную структуру...

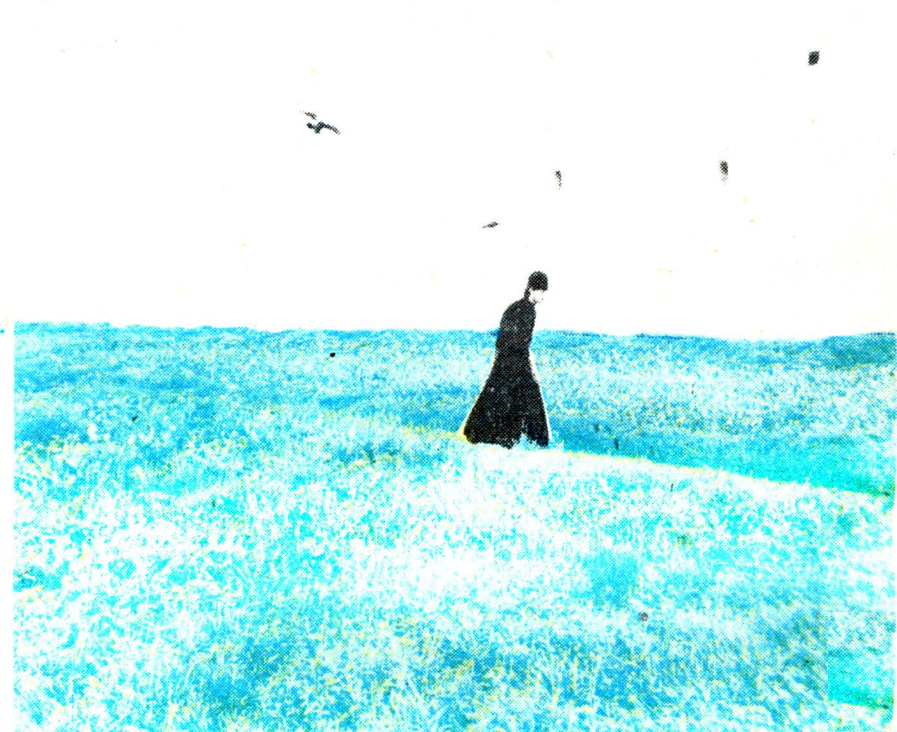
— растворяюсь, сливаюсь с телом Бога, единым, совершенным, прекрасным, бесконечным...

? время чаша ?

? время чаша ?

«Веселый geg» Александра Назарова /Пенза/.

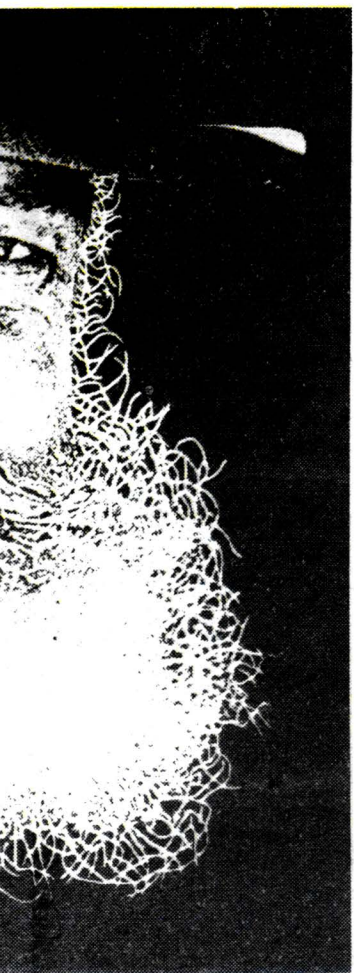

«Монастырская тропинка» Людмилы Ивановой /Ленинградская область/.

«Материнство» Андрея Устиновича /Феодосия/.

субъективный ОБЪЕКТИВ

В наш супертехнический век никого не озадачивает отображение на бумаге — без карандаша, кисти и красок — человека, жизненной ситуации, пейзажа. Таинство фотографии давно перешло в разряд вещей обыденных. Но показать настроение, внутренний мир героя, заставить зрителя задуматься о духовном начале, о своем месте на Земле — для этого нужны мысль и мастерство подлинного художника. К этой высшей когорте фотографической братии, безусловно, относится Юрий Рост. Художнический взгляд на действительность присущ и другим авторам публикуемых снимков. Впрочем, судите сами: их работы перед вами.

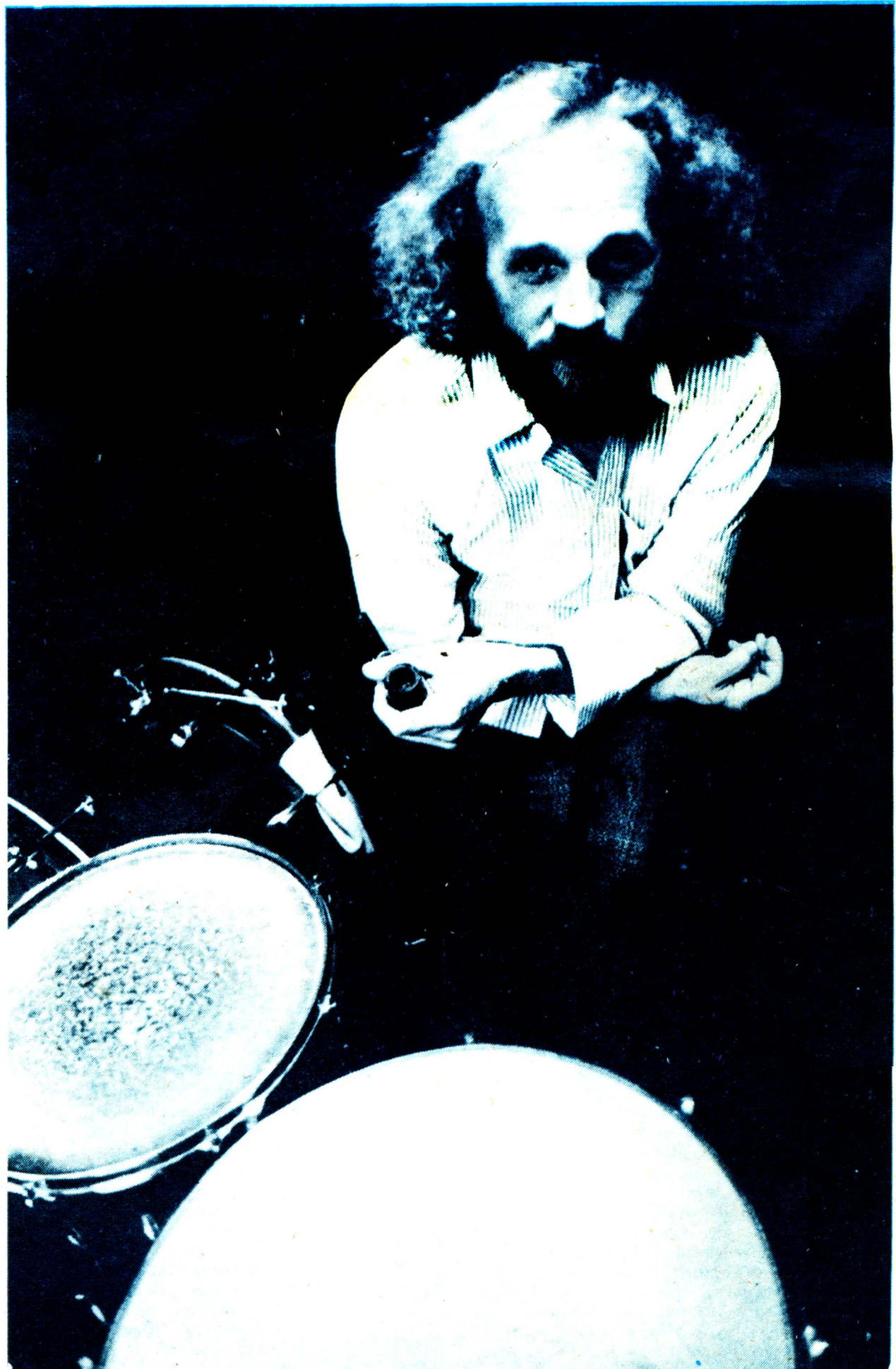
«Тридцать седьмой год» Сергея Донина /Вологда/.

«Внучка» Анзора Кочламазашвили /Тбилиси/.

«Природные формы» Павла Васильева /Ленинград/.

Юрий Рост /Москва/: «Знаменитый ударник Владимир Тарасов» /снимок публикуется впервые/.

«45»: Ознобистая проза. Метафора вырвалась неожиданно, когда этот материал готовился к печати и мы в редакции перечитывали — по кругу! — его произведения. Неожиданная метафора, но, на наш взгляд, удивительно точная. Действительно, знобит, когда читаешь исповедальные — на разрыв аорты! — строки.

Озноб, кажется, проберет и тех, кто внимательно познакомится с этим интервью, которое взял наш собкор у писателя Вячеслава Пьецуха.

— Любимое изречение, афоризм?

— Существует такая французская пословица: единственное несчастье — это собственная смерть.

— Что вы цените в людях?

— Вы знаете, тут слишком большой спектр... Вся масса качеств, которые отличают человека от зверя...

— А возможна ли иерархия этих качеств?

— Для меня понятие о чести нисколько не дороже самого элементарного милосердия. Милосердия, которое заставляет пятнадцатилетнюю девочку отдать нищему последние двадцать копеек... Так что никакой иерархии нет. Ценю весь свод качеств, которые составляют понятие человека.

— А что вы не принимаете в людях?

— Самое ненавистное для меня в существе, которое претендует на звание «хомо сапиенс», — это способность к насилию против личности. Это меня пугает в человеке больше всего, и прежде всего потому, что я считаю это отклонением от нормы — самым банальным отклонением от психической нормы. Наша психологическая наука — немного квелия — и ей не до проблем, которые на самом стыке этики и медицины. То, что людей, склонных к насилию, закон и общественное мнение продолжают считать «хомо сапиенс», меня пугает вдвойне.

Все отрицательные качества, воспитанные средой, для меня понятны и, отчасти, даже простительны. Но таинственные человеческие качества со знаком минус меня просто ужасают еще и потому, что они таинственны.

— Человеческие недостатки, которые вы склонны прощать?

— О, массу! Пугливость. Лживость. Я, разумеется, прежде всего говорю о своих недостатках! /Смех/ Нервозность в своих позициях: сегодня я, допустим, розовый, а завтра — красный.

Лев Николаевич Толстой говорил, что он не попугай, чтобы каждый день повторять одно и то же... Когда его укоряли, что вчера он говорил: буддизм — это плохо, а сегодня — хорошо.

Вообще, я склонен прощать все, что объясняется приводящими обстоятельствами человеческой жизни. Когда люди, что называется, невольники обстоятельств. А жизнь постоянно осуществляет насилие над личностью — что ж тут делать... Конечно, есть герои, но в громадном большинстве люди — достаточно слабые существа. И в их слабости я ничего страшного не вижу. Во всяком случае, цивилизации это не угрожает.

— А что вы не прощаете?

— Я прощаю все. Практически все. Я ведь не «головной» христианин, а христианин животом, кожей — и потому прощаю.

Конечно, я иногда злюсь, даже храню какое-то время в себе обиду, но потом она рассасывается. Причем достаточно скоро. Но даже по горячим следам мстить за обиду я не способен. Думаю, как и большинство психически здоровых людей.

Хотя к разрыву может привести любое неосторожное слово... Но наутро я думаю: а может быть, я сам это слово спровоцировал? А может быть, этого человека накануне бросила жена? То есть нормальные русские дела... Вот у Бальмонта есть такие очень интригующие строки: «Весь мир оправдан должен быть, чтоб можно было жить».

— Ваше любимое занятие?

— Литература. Это без комментариев. Но остался такой детский атавизм... Я рос не в самой бедной семье, но мне как-то очень не хватало игрушек. И до сих пор я с громадным удовольствием строю модели самолетов, кораблей... И даже могу взять самолетик и «вж-ж-ж-ж» — пройти по комнате. Семья уже перестала делать на это большие глаза... А остальное — работа.

— Это занятие в смысле отвлечения...

— Вы точно подметили — отвлечение. Еще отвлечение — это застолье, застолье — с друзьями. Ну, что еще? Бегаю, как сумасшедший, по утрам. Не всегда, правда, но примерно половину года бегаю...

— Главная черта вашего характера?

— Никогда об этом не думал. Может быть, аккуратность... Прилежание. Не знаю, черта ли это характера? Это складывается не только в том, что я шесть-семь раз переписываю каждый период, но и в том, например, что я никогда не опаздываю. Обязательно выполняю все обещания — до самых мелких и нелепых. Вот такая немецкая черта, которая, между прочим, очень мне мешает. И я себя не заставляю — это род какого-то помешательства... Как будто существует некий механизм во мне, заведующий этой пунктуальностью, не совсем даже и нужной.

— Что бы вы хотели изменить в себе?

— Я бы хотел быть отчаянно смелым человеком. Моя интеллигентность — не в смысле интеллекта и менталитета, а в смысле отстраненности и пугливости относительно окружающей меня действительности — эта интеллигентность представляется мне не совсем мужской. Я ее даже стесняюсь. Были же писатели, которые морду могли набить и при этом писали прекрасные вещи... А я морду набить решительно не в состоянии. Меня нужно довести до какого-то немислимого градуса ненависти, чтобы я смог кого-нибудь ударить. Но раз наша жизнь груба и грязна — я бы с удовольствием принял такую мужественность: тупую и злобную. А у меня ее нет...

— Но тогда вы были бы другим человеком...

— Вполне возможно.

— Что такое счастье?

— Труд. А это в сущности ведь — победа. Выбрать себе нишу, на которой чувствуешь себя более или менее работником, да еще, даст Бог, не в последних рядах — это же победа! Труд, равный победе, — вот что такое счастье.

— Ваше представление о несчастье?

— Когда не о чем писать. Хотя это бывает редко. В общем-то, я — графоман, в том смысле, что не могу не писать. Как настоящий работник, который силой обстоятельств не попал на работу, чувствует, что у него селезенку вынули — такое состояние и у меня, когда я почему-то не работаю. Для меня — это настоящее несчастье.

Я достаточно легкомысленно отношусь к тем несчастьям, которые признаны большинством человечества — к политическим пертурбациям, например. Хотя сегодняшний переворот вогнал меня в жуткую тоску. Но все-таки настоящее несчастье, когда я не могу писать.

— Событие, которое огорчило вас больше всего?

— Конечно, сегодняшний переворот!

— А радостное событие?

— Появление Горбачева. Хотя все эти годы, назло дуракам, мы все равно жили! Мы мыслили, мы общались, мы сочиняли, мы любили... Это была настоящая полнокровная жизнь. А тут еще добавилось отсутствие вражды со стороны государства. Это было уже полное счастье!

— Вы оптимист или пессимист?

— Как христианин, конечно, — оптимист. Хотя, в частности, все кончится очень плохо — собственной смертью. Но вообще я глубоко уверен, что развитие человеческого общества — это поступательное движение, которое в германских языках называется прогрессом. Все движется от худшего к лучшему — через оптимальное — это для меня вне сомнения. Не знаю, называется ли это оптимизмом?! Слово я не люблю, честно говоря, что-то в нем есть комсомольское...

— Как вы относитесь к смерти?

— С ужасом! С несказанным ужасом! Мысль о смерти преследует меня практически постоянно. Не бывает дня, чтобы я о ней не вспомнил — нет, чтобы я не пережил! — подготовки к ней! Я, человек наивный, думаю, что смогу как-то подготовить себя к смерти. Но не удается.

Но я полагаю, что жизнь устроена таким искренним образом, что уход не так тяжел, как мы представляем... Один раз я очень тяжело болел, и болел какой-то ерундой, по-моему, желтухой. Несколько дней держалась очень высокая температура. И вдруг появилось такое отстраненное, даже раздражительное отношение к жизни, что мне было совершенно наплевать на физическое существование. Абсолютно! Я еще не мыслил смерть, как освобождение от страданий — сильной боли у меня не было. Но слабость была страшная. И я был совершенно спокоен.

И тогда я подумал, что в каких-то случаях — не враждебных всемирному космосу — смерть, наверное, как-то сглаживается. Сглаживается какими-то специально организованными обстоятельствами. И, может быть, это не так мучительно и страшно, как мы думаем. А потом одна милая девушка сказала мне: «Слава, ну что ты боишься?! Когда есть ты — смерти нет, а когда есть смерть — тебя уже нет.» То есть нет предмета для страха.

— Какой смертью вы хотели бы умереть?

— В постели. И чтобы жена держала руку... Смертью туманной и немучительной. Знаете, у Ходасевича есть стихотворение, суть которого очень проста: я всю жизнь просил у Бога легкой жизни, а надо было просить легкой смерти. И я прошу у Господа легкой смерти и всеми силами буду стараться ее заслужить.

— А в загробную жизнь вы верите?

— Нет. В свою персональную, во всяком случае, не верю. Но что значит — верить в загробную жизнь? Я уже вообще не знаю, во что я верю, а во что нет. Совершенно потерял, позволю себе неологизм, веростный ориентир. На моих глазах колдуны исцеляли людей. А для меня это всегда было — мрак, обскурантизм, все, что угодно... Но людей-то исцеляли.

С другой стороны, я никогда не верил, что в этой стране могут восторжествовать элементарные понятия о праве, о чести, о свободе... Я думал, что так и умру в условиях тирании, пописывая себе, что называется, в стол. Ну, кое-что печатая, самые невинные вещи... И вдруг это произошло.

Я не верил, что произойдет этот переворот. Но, после того как эта банда саморазоблачилась, — не

может народ этого принять! Одним словом, со всякой верой немного сложно.

— Но то, что вы сделали, — останется?

— А я не знаю. К счастью, поверьте, я здесь нисколько не кокетничаю, мне это совершенно безразлично. И я этому рад, потому что вижу, каким терзаниям по этому поводу подвержены некоторые мои товарищи по перу. Для них это страшно важно: как они мучаются, как они завидуют... Это же тяжкий крест — думать об этом! К счастью, меня это не волнует... И почему это должно волновать? Мне выпал невероятный счастливый жребий: я делаю то, что хочу. Начал писать в 27 лет, уже взрослым мужиком: отцом, мужем со стажем... И все время пишу то, что хочу...

А вообще говоря, по поводу бессмертия у меня масса сомнений... Во-первых, я считаю, что человек во всем мироздании — существо беспрецедентное. И что в этом есть Божий промысел — тут тоже для меня никакого сомнения нет. А жизнь человеческая настолько прекрасна, что логически мне представляется немного странным: а зачем в ней должно быть еще какое-то продолжение? Тот объем счастья, который заготовил нам предоставлен, и тот объем, который мы сами можем организовать, — все это настолько громадно, что вечное бытие теряет, с моей точки зрения, всякий логический смысл.

Но с другой стороны... Я, существующее вне моей материальной оболочки, настолько энергетично и велико, что, возможно, какое-то странное бытие и существует после нашей смерти. Причем абсолютно недоступное нашему пониманию. Вероятно, как говорили еще в 70-х годах, наши «я» объединяются в какие-то энергетические поля... И мы тоже как-то влияем на нашу жизнь, на людей...

— А то, что вы написали, будет оказывать влияние на жизнь потом?

— Я бы очень хотел этого. Но я не думаю, что это так. Честно говоря, я никогда серьезно об этом не задумывался. Но если люди читают и, даст Бог, будут читать — значит, зачем-то им это нужно. Как те самые звезды, которые зажигают...

— Историческая эпоха, в которой вы хотели бы жить?

— Девятнадцатый век, вторая половина. Я, как мне кажется, человек не этого столетия, не этого времени...

Но меня страшно смущает отсутствие в девятнадцатом столетии ватерклозетов. И смущает до невероятности! Я понимаю, что это диковатая мысль... Но этот физиологический процесс и вся стилистика той жизни плюс моды той эпохи во мне вызывают немислимый диссонанс! Так что мне не всегда хочется жить в девятнадцатом веке.

— У вас никогда не было соблазна другой жизни?

— Нет. Может быть, я заблуждаюсь, но этот вариант моей жизни — это максимум того, что я бы мог сделать. Максимум. И громадным грехом было бы попытаться окунуться в другую жизнь.

Да мне это совершенно неинтересно. Причем до такой степени, что я бы не согласился прожить жизнь заново, скажем, с восемнадцати лет.

— Вы кому-нибудь завидуете?

— Я страшно завидую кавалерам французского ордена Почетного легиона. Мне почему-то страшно хочется быть кавалером этого ордена... Это я вам открыл свою самую сокровенную мечту. Может быть, не стоит об этом писать?!

— Ваши любимые писатели?

— Их много, разумеется. Последний выдающийся русский писатель, с моей точки зрения, — Шукшин. И вот, начиная с Шукшина и уходя в глубь — до протопопа Аввакума. Аввакума я считаю первым русским писателем. Считаю самым искренним образом и с восхищением перечитываю. И вот: все великие останки на этом пути, весь наш девятнадцатый век. А одного любимого?.. Ну, нет его у меня.

— Ваш круг общения?

— У меня еще остались друзья из первой молодости, их мало, но они есть. А круг теперешнего человеческого общения — это художественная Москва: писатели, кинорежиссеры, актеры... Причем это очень узкий круг, я ведь очень мало выхожу, что называется, в свет... Только один раз в неделю — в понедельник — все остальные дни сижу и работаю...

— Кем вы хотели бы стать, если бы не были Пьецухом?

— Неожиданный для меня вопрос... Даже не знаю. Вообще, ничто меня так не прельщает, как положение и труд литератора. Ничто. Ну а кем, собственно говоря? Монахом? — Нет. Монархом?..

— Вопрос, который вы хотели бы задать самому себе?

— Ты — безусловно порядочный человек? Ответ: нет.

— Насколько искренне вы отвечали?

— Абсолютно. Абсолютно! Вас это удивляет?.. Богом клянусь, абсолютно искренне.

Вопросы, сообразуясь с уже известной читателям «45» анкетой Достоевского, задавал Валерий ПЕРЕВОЗЧИКОВ.

Получились ли ответы — по гамбургскому счету! — судить вам.

19 августа 1991 года, с 15 до 16 часов.

Москва.

Мне выпал невероятно счастливый жребий: я делаю то, что хочу.

СЧЕТ
гамбургский

ТАЖ
ЛАКУР

Клау

Накануне Рождества мы удобно устроились в роскошной квартире мистера Пуаро на Шафтсбери-авеню. По радио передавали веселые песни, скудный свет бледного, незаметно подкрадывающегося вечера падал на тома, застывшие на книжных полках. Наш знаменитый детектив дремал в своем любимом кресле, в то время как я, находясь около камина, разгребал пышущие жаром угли.

Мистер Пуаро, оставив свою основную работу, был занят больше прежнего, и ему очень редко представлялась возможность вздремнуть. В это Рождество снег выглядел таким белым и идиллическим, что даже преступники большого размаха, причем столь большого, что на них мог обратить внимание сам мистер Пуаро, предпочитали не рисковать, совершая преступления под аккомпанемент церковной музыки и звон бубенчиков на санях.

Джордж, наш неповторимый слуга, заглянул украдкой в полуприкрытую дверь: можно ли ему побеспокоить Великого Человека. Нет, конечно, нет. Он решил обратиться к вашему покорному слуге.

— Извиняюсь, капитан, — начал он, — но только что пришла телеграмма для мистера Пуаро, и мне кажется, дельца может оказаться важной.

Выразив удовлетворение поведением благословитного молодого человека, я повернулся к мистеру Пуаро и легонько похлопал его по плечу.

Поворачиваясь, детектив обернулся, подкрутил великолепные усы и остановил на мне взгляд своих сверхумных глаз:

— Eh bien, mon ami¹. У вас есть что-то важное для меня?

— Да, вот эта телеграмма-молния, дело может оказаться очень важным!

Щеголеватый бельгиец, взвесив своими аристократическими пальцами голубой конверт и неожиданно вдохновившись, открыл его: «Зверское убийство совершено сегодня ночью в Друккард Кастле. Приезжайте немедленно. Леди Гвендолин Друккард».

— Вам что-либо говорит это сообщение? — спросил мистер Пуаро.

— Да! Ваше присутствие необходимо в Друккард Кастле в связи с убийством. — Eh bien.²

Друккард Кастл располагался на вершине холма... Его огромный, лунного цвета силуэт контрастировал со снегом и темно-синим небом — уже спустилась ночь, когда мы достигли пункта назначения. Это произошло отчасти из-за того, что сломалась машина, а главным образом потому, что мистер Пуаро останавливался в каждом придорожном кафе — выпить чашечку шоколада.

Все, за исключением трупа, собрались в холле для встречи знаменитого детектива. Хозяйка дома благосклонно осведомилась, не желаем ли мы выпить прохладительный напиток, прежде чем взяться за работу.

— Merci bien³, миледи, маленькую чашечку шоколада, если можно, — тут же оживился мистер Пуаро, учтиво целуя руку леди Гвендолин и в то же время стараясь не потревожить свои шикарные усы.

Проглотив свой аперитив, детектив обратился к леди Гвендолин:

— Enfin⁴, кто же убит, ваш супруг, я полагаю?

— Совершенно верно, дорогой мистер Пуаро. Он лежит в библиотеке с восточным кинжалом в спине. Сначала мы подумали, что это был Санта-Клаус. Затем мы поняли, что это его высочество переоделся в костюм Санта-Клауса, собираясь, и в этом нет сомнения, это была его традиция, раздать рождественские подарки слугам и жильцам. Местный инспектор полиции ждет вас в библиотеке... Он, естественно, сбит с толку. Его присутствие послужит лишь для того, чтобы оттенить вашу гениальность.

Инспектор Ханидью оказался добродушным толстяком, круглолицым, с

быстро бегающими глазками-пуговицами.

— Мистер Пуаро, — заявил он, — мне не нравится, как обстоят дела. Несомненно, старик был убит, но у нас есть единственная улика — послание, написанное жертвой своей собственной аристократической кровью вот на этом розовом коврике.

Инспектор Ханидью передал мистеру Пуаро тонкий свернутый коврик. Рассказав его на полу, мы прочитали: «Имею честь сообщить вам, что я был убит сегодня — —»

Лишь на мгновение по лицу Пуаро пробежала тень удивления. Прикоснувшись пальцем к кончику носа, он зажг

Лет десять назад мы получили симпатичную книжечку, частно напечатанную Таж Лакуром из Дании. В ней была пародия — стилизация, озаглавленная «Смерть Санта-Клауса» и написанная самим мистером Лакуром. Эта книжечка была прекрасно издана и проиллюстрирована. Рассказ, предлагаемый суду взыскательного читателя, по нашему мнению, является самой пронзительной пародией на Эркюля Пуаро, которую мы когда-либо читали. Предваряя его, позволим себе процитировать самого автора — мистера Лакура: «Эта маленькая стилизация впервые была опубликована в «Датской антологии» под названием «Смерть под Рождество», 1952, под псевдонимом Дональд Макгир. Рассказ написан мною в знак уважения к Агате Кристи и ее неподражаемому сыщику Эркюлю Пуаро, в течение многих лет занимающему почетное место среди наших любимых детективов. В эти рождественские дни мы — художники, переводчик на английский Поль Иб Либ и автор — думаем, что издание будет хорошим поздравлением нашим английским и американским друзьям».

ароматную сигарету и поинтересовался:

— Отпечатки пальцев?

— Нет, — ответил инспектор. — Злоумышленник достаточно хитер. Насколько я смог выяснить, он работал в перчатках или, учитывая время года, в рукавицах.

— Подозреваемые?

— Дело в том, что все слуги живут в самом дальнем флигеле замка, это около двух миль отсюда, все они уже спали, когда произошло убийство.

— Как вы узнали о времени трагедии?

— Думаю, все должно было произойти после семнадцати минут двенадцатого, именно в это время лорд Друккард вызвал своего сына для выяснения некоторых деталей. Насколько я понял, его высочество хотел в чем-то упрекнуть отпрыска. Речь шла, согласно показаниям мистера Этельреда, о 20 тысячах фунтов, проигранных в шашки непревзойденному мошеннику и аферисту мистеру Типтоу. Долгчесты должен был быть уплачен завтра до двенадцати часов, что послужило поводом для неприятных споров между ним и старым лордом. Но последний, согласно мистеру Этельреду, в конце концов выудил деньжата из сейфа, предварительно хорошенько прополоскав сыну мозги.

Старший наследник сейчас в Австралии, выращивает кроликов, что исключает его из круга подозреваемых. С другой стороны, дочь, леди Виолет, в настоящее время находится в замке. Она обручена с итальянским графом Альфонсо Комото: Этельред проговорился, что Виолет пыталась выпросить у отца 20 тысяч фунтов, чтобы она и граф, который, естественно, почти нищий, могли нормально жить и не голодать... На всякий случай я арестовал бродягу,

шатающегося поблизости. Семеро слуг имели когда-то тюремные сроки, мы просмотрели их досье, такие же объемные, как опросники департамента статистики. Серьезный противник его высочества сэр Арбутнат Пайнэпл находится в данный момент в замке в качестве гостя леди Гвендолин.

— Мерси, мистер Ханидью, — степенно отвечал непревзойденный Пуаро. — Думаю, у меня уже достаточно фактов, чтобы начать. Для остального нужны маленькие серые клетки. Да не для кроликов же! Те, что в мозгу! Почти уверен, мой капитан, что я смогу решить проблему в течение получаса, конечно, если вы мне принесете чашку шоколада.

дочный мистер Типтоу, выигравший у вашего брата 20 тысяч фунтов, одно и то же лицо. Стало быть, вы, леди, вовремя сообразили, что ваше будущее так или иначе обеспечено.

Мистер Пуаро сделал паузу. — Сэр Арбутнат, — продолжал он. — Так-с. Хорошо известно, что вы, молодой человек, ухаживали за леди Гвендолин. Однако с того момента, как я имел честь познакомиться с леди Гвендолин, во мне неизменным было убеждение, что у вас и у лорда Друккарда не было основательных причин для «столкновения».

Слуги также могут быть исключены из списка подозреваемых, потому что, по мнению моих уважаемых коллег Эллери Куина и Джона Диксона Кара, это нечестная игра — включать слуг в круг подозреваемых, когда в деле есть убитые. Это обманывает читателя.

— Что же касается вас, месье... — знаменитый детектив с легким кивком повернулся к бродяге, — могу ли я попросить вас снять ваш накладной нос, парик, фальшивую бороду и солнцезащитные очки?

Булавка упала на пол. Кто еще мог появиться перед нами, кроме наследника Друккарда Кастла, вернувшегося из Австралии?

— Но, Чарльз! — воскликнула леди Гвендолин. — Немедленно поднимись наверх и переоденься! Как ты объяснишь нам твоё появление здесь в этом тряпье и, более того, в тот день, когда был убит твой отец!

— Один момент, миледи! — мистер Пуаро нетерпеливо поднял руку. — Вы мне позволите продолжить? У лорда Друккарда будет достаточно времени, чтобы переодеться.

Согласно всем канонам, вы, милорд, должны быть убийцей, но такие простые дела не расследовал бы Эркюль Пуаро.

Итак, что же, явно бросающееся в глаза, можно выудить из этого дела? Конечно, имя убийцы! Теперь подумайте, кто бы еще мог заменить «то» имя тремя дурацкими тире?

Типографский наборщик, естественно? А почему? Потому что это его собственное имя!.. Причина? За тридцать лет бедняга был вынужден внимательно прочитать и набрать пятьдесят романов, где я был главным действующим лицом. Таким образом он уверовал, что достаточно умен, чтобы обвести вокруг пальца самого Эркюля Пуаро!

Знаменитый детектив поклонился аплодирующим обитателям Друккарда Кастла.

Нет, я никогда не буду сожалеть о том, что оставил многообещающую карьеру в Воздушных Силах Ее Величества для того, чтобы сопровождать моего действительно великого друга в его удивительных расследованиях, всегда базирующихся на точных логических рассуждениях.

Перевел с английского Вячеслав АВЬЮЦКИЙ.

/Копенгаген — Ставрополь/.

Тексты предисловия и пародии взяты из сборника «Эллери Куинз, 1966, Антология, Нью-Йорк».

«Зверское убийство совершено сегодня в Друккард Кастле».

Я позвал вас сюда, чтобы сообщить имя виновного.

ONLY for us

№ 20 • 45-я параллель

5 Мой друг /фр./

6 Хорошо /фр./

¹ Хорошо, мой друг /фр./

² Хорошо /фр./

³ Большое спасибо /фр./

⁴ В конце концов /фр./

научно –
производственное

АО

ПОЛИМЕР

РАБОТАЕМ

С adidas

БОЛЕЕ

ТОГО,

М
Ы

ХОТИМ

РАБОТАТЬ

С ВАМИ

- строительные отделочные материалы,
- кухонные аксессуары для туристов и авиаторов,
- синтетические ткани и полимерные покрытия,
- пластик-основа для спортивной обуви,
- супертур: «Достопримечательности древней земли Мангистау»,
- туристские геликоптеры,
- баварское пиво «Рейнхенстебот»,
- сафари на экзотических животных,
- диагностика и ремонт автомобилей всех марок.

КАЗАХСТАН,
МАНГИСТАУСКАЯ
ОБЛАСТЬ,
ШЕВЧЕНКО,
ТЕЛ. 6-17-92

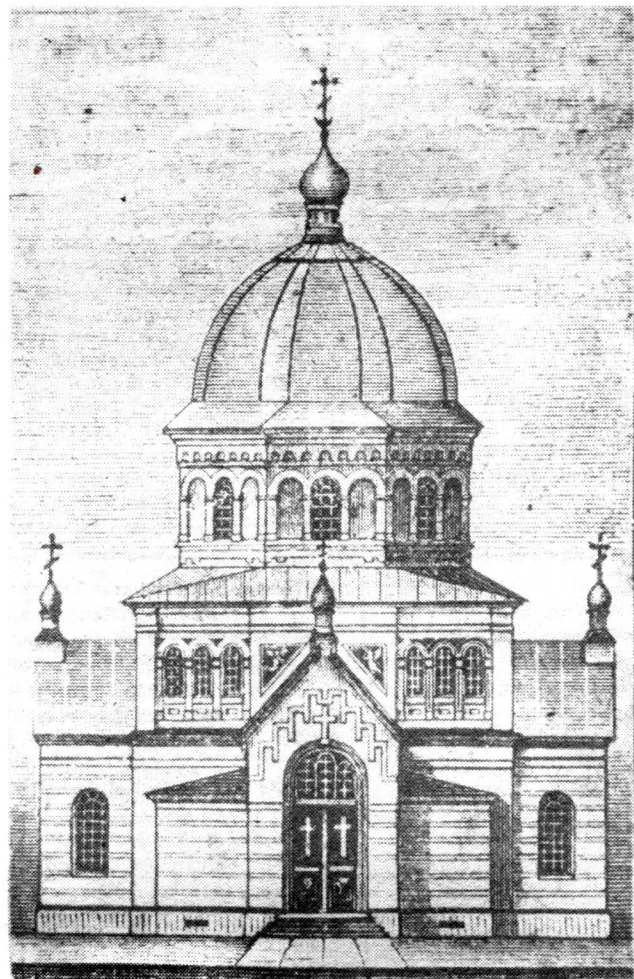
ОТ РАБОТЫ
ДО ОТДЫХА – ОДИН
ШАГ.
МЫ ЗНАЕМ
БОЛЕЕ КОРОТКИЙ
ПУТЬ.

И КРОВЬ, И СМЕРТЬ,

Свято-Киево-Печерский отшельник, преподобный Нестор, «заносивший в свою летопись не чернилами, а слезами и кровью описание страшных событий монгольского ига», описал и «великие подвиги, труды и муки Св. Благоверного Великого князя Михаила Ярославича Тверского», в память которого на Куме у древнего города Маджары в конце прошлого века был основан Воскресенский монастырь.

открытый АРХИВ

мятных дел Кавказской епархии — перенос из Твери в Воскресенский монастырь Святой иконы Михаила Тверского с частицей его мощей. Первоначально святыня была доставлена в Ставрополь. Здесь, в специально изготовленной вызолоченной киоте, она была помещена в Архиерейской домовою Сергие-Германской церкви вплоть до торжеств, посвященных 900-летию крещения на Руси. И лишь в июле 1888 года, после торжественной литургии и молебна в храме Святого Апостола Андрея Первозванного, святая икона с мощами крестным ходом, длившемся полтора месяца, была доставлена в Воскресенский монастырь.

В том же 1888 году уже при настоятеле монастыря иеромонахе Платоне принимается решение построить новый храм в честь Преображения Господня. Проект храма, «представляющий собой смесь византийского и готического стилей», стоимостью в 200.000 рублей серебром, был выполнен известным ставропольским архитектором Н. Марченко. Стройка велась под наблюдением не менее известного губернского инженера Ф. Кнорре.

1 марта 1900 года, через 12 лет после закладки первого камня, храм был освящен в акте приема известным ставропольским архитектором и инженером Григорием Кусковым:

«Сложен из жженого кирпича пополам с камнем высотой в 60 аршин. Внутри храм производит чрезвычайно приятное впечатление своей законченностью и соразмерностью всех частей, обилием света, отсутствием каких-либо загромождений в форме пилонов, препятствующих молящимся видеть алтарную часть. Арки и колонны, на которых покоится главный купол весом в 21.750 пудов, легки и эффектны. Размеры храма от западных врат до восточной алтарной

И СВЯТОТВОРСТВО

Князь Михаил Ярославич, потомок рода Киевского князя Владимира, боролся за Великокняжеский Владимирский престол со своим племянником, Московским князем Юрием, постоянно проживавшим в стане татарского хана на Куме. Женившись на родной сестре хана Кончака, Юрий получил право на Владимирский престол, а обогатившийся Михаил Ярославич был вызван в Орду на суд. 22 ноября 1319 года у города Дедакова (Тетякова), вблизи современного Дербента, произошло, по описанию Нестора, вот что: «После зверской, варварской потехи и надругательства над несчастным, жесточайших истязаний, лютейший всех Романец широким ножом ударил Михаила в левую сторону груди, повернул его и не успев страдалец крикнуть, как злодей вырвал из груди горячее трепещущее сердце...»

Из ставки Ордынского хана тело князя Михаила его слугами повезено было через Маджары на Русь. «Купцы Маджар, — пишет тот же Нестор, — знавшие князя при жизни, хотели покрыть его тело дорогими коврами и поставить в свою церковь, но люди Юрия не дали им и посмотреть на замученного, с бранью поставив тело в хлеву, над которым в ту ночь многие видели огненный столп».

Михаил Ярославич был погребен в Спасском монастыре Москвы, а уже затем его святые мощи были перенесены в Тверь в Соборный храм Спаса Преображения Господня...

С начала покорения Кавказа русскими и возникновения у древних Маджар города Святого Креста, как сообщает предание, на месте нахождения убитого князя была устроена небольшая деревянная часовенка. Так бы и осталась она малоприметным знаком одной из трагических страниц истории Отечества нашего, если бы не события 2 апреля 1879 года. В тот день народолюбцы во главе с Софьей Перовской совершили покушение на Александра II. Большинство народа восприняло это как злодейство против царя. Тогда же преосвященный Герман, епископ Кавказский и Екатеринодарский с кафедрой в Ставрополе, «желая ознаменовать чудо милости Божьей, явленной России в спасе-

нии Государя, решил построить монастырь».

«Для избрания места под монастырь, — сообщает архивный документ, — был послан иеромонах архиерейского дома отец Рувим. При этом Владыка выразил желание, чтобы обитель была устроена по возможности ближе к границам земель кочующих инородцев Ставропольской губернии, и видах просветительного и христианского воздействия на мусульман и буддистов...»

В июне 1879 года отец Рувим прибыл в район заштатного города Святого Креста, осмотрев древние Мамайские Маджары, где некогда находилось тело Великого князя Михаила Тверского. Отсюда он доносит Преосвященному Герману: «Учреждение православного монастыря у древних Мамайских Маджар на месте, освященном кровью Благоверного князя-мученика, в воспоминание чудесного избавления Его Величества от угрожающей опасности, послужило бы одним из лучших средств к упрочению и распространению православной веры и народности в окрестностях и соседних степях...»

Архипастырь Герман на донесении отца Рувима сделал приписку: «Если Господь поможет осуществить намерение это, то устроенный монастырь посвятить во славу Живоносного Воскресения Христова, да будет он в память грядущим временам о дивном спасении Царя нашего от руки злодея».

1 марта 1881 года народолюбцами было совершено новое покушение на царя, закончившееся его гибелью. В связи с этим будущий монастырь должен был быть «...в память деяний и мученичества Великого князя Михаила Тверского и Императора Александра Николаевича Романова».

Первым настоятелем и строителем обители был иеромонах отец Рувим. При нем строится небольшая деревянная церковь во славу Живоносного Креста, каменная церковь во имя Святого Михаила Тверского, корпус с кельями, хозяйственные постройки... Все это живописно раскинулось на равнинном берегу Кумы.

Новый настоятель иеромонах Конон управлял обителью более шести лет. При нем свершилось одно из самых па-

стен 44 аршина, от южных дверей до северных — 34... Громадный, троеступный, идущий ломаной линией иконостас — работы местных мастеров, крупной рельефной резьбы, с изящными колоннами, почти сплошь покрыт червонным золотом. Он имеет пять ярусов с 81 иконой хорошей работы. Все иконы заключены в вызолоченные рамы. Вызолочены и многочисленные люстры храма, заклирские киоты, лампы, подсвечники... Поистине Дом Божий и Врата Небесные!»

Водном из приделов собора, посвященного имени князя Стратотерпа, находилась икона Святого Благоверного князя Михаила Тверского с частицей его мощей, что привлекало в обитель массу богомольцев со всей России. Второй придел храма был посвящен «страдальцу земли русской Царю-мученику Александру II».

«В первые годы после революции, — писал исследователь истории Буденновска* Н. Петровский, — монастырь еще существовал как обычная церковь. Затем закрыли, разместив здесь больницу. Перед этим были вскрыты «нетленные мощи» князя Михаила Тверского. «Под большим количеством покровов, — записано в акте, — была обнаружена схема белого цвета, и в ней в беспорядочном виде кости...» В середине 30-х годов Воскресенский храм был разобран...

Думается, что возрождение памяти о прошлом нашей Отчизны невозможно и без восстановления Воскресенского Мамай-Маджарского монастыря, некогда воздвигнутого в честь Михаила Тверского и в память о кровавых событиях на Руси в период татаро-монгольского нашествия.

Герман БЕЛИКОВ.

Старинная гравюра Воскресенского Соборного храма. Фоторепродукция Сергея РЯБЧЕНКО. Публикуется впервые.

*Увы, благозвучное — Маджары — не по нраву пришлось тем, кто пытался заново начать отсчет времени на Ставрополье.

ЯИНИИ

Ваша ночная рубашка из шелка? Вы исключительны в любви!

ДА ЗДРАВСТВУЕТ ШЕЛК!

Казалось бы, о чем может рассказать ночная рубашка? Однако американский психолог доктор Сюзен Фридей считает, что о многом. Вы облачаетесь на ночь в рубашку из трикотажа? Очевидно, вам не хватает уверенности, вы нуждаетесь в защите и покровительстве. Предпочитаете какое-нибудь очаровательное замысловатое ночное белье? Хотите, чтобы партнер обратил на вас внимание, вам кажется, что он несколько охладил к вам? Ваша ночная рубашка из шелка? Вы исключительны в любви! Ну, а если вы предпочли спать обнаженной? Это значит, вы жаждете целиком насладиться ночным отдыхом.

«Ева»

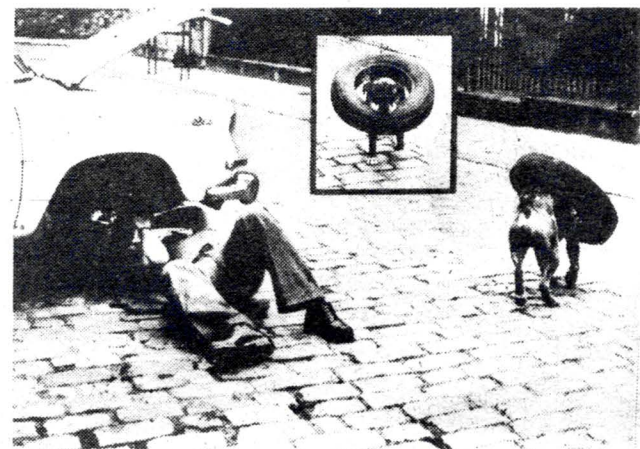
В ФУТБОЛ ИГРАЕТ... ЭВМ

Команды по американскому футболу в Штатах пользуются компьютерами, сохраняющими в памяти данные о соперниках и их последних четырех матчах. Если тренер хочет узнать, как вели себя его воспитанники в определенном моменте атаки, как играют будущие противники, ему помогает ЭВМ. Она находит в своей памяти необходимые данные, анализирует их. И, кроме того, дает точный рецепт, как следует отвечать на атаку конкретного соперника, пробовать его защиту.

«Поан»

ПОМОЩНИК ВЕРНЫЙ И НЕПЬЮЩИЙ

Нельзя не позавидовать автомобилисту: какого надежного, безотказного, толкового, как говорится, на все руки — нет, извините, ноги! — нашел «шеф» себе помощника.

Увидел все это, запечатлел и вот делится со всеми передовым опытом фоторепортер Зенон Жибуртович. Он весьма известен у себя в Польше. «Верный помощник» и другие его новеллы радовали всех, кто побывал на выставке «Фотомастера польской прессы». Эта выставка пользовалась успехом в Москве и других городах России.

Ну а герою снимка, пожалуй, не знающему досконально творчество Евгения Евтушенко, «45» дарит строчку поэта: «Мой милый пес, ты всем хорош, вот только жаль, что ты не пьешь...»

«45» — «Гектор Букс»

Мой милый пес, ты всем хорош, вот только жаль, что ты не пьешь...

ГОЛОВОМОЙКА ПО МАРКСУ

Новейшим хитом парикмахерских салонов, имеющих веское слово в моде, стало предложение вообще не мыть голову. Фены — на свалку. Стиль идет из Лондона, где люди искусства и музыканты уже соревнуются в том, кто дольше выдержит без головомойки. Айван Маркс — руководитель парикмахерской школы — гордится сыном, в последний раз мывшим кудри 18 месяцев назад! Полтора года без воды и мыла!

По мнению профессора антропологии и фольклора Алана Дендиса /США/, жирные волосы как мода несут анималистический посыл: чистые волосы — чистый или скучный секс, грязные — похотливый, секс «с выдумкой». Тот, кто не хочет полностью отказываться от привычной гигиены, может при определенных усилиях приобрести модную «грязную» внешность, оставаясь чистым. Некоторые манекенщики французского поп-модельера Жан-Поля Готье пользуются специальными жирными шампунями для волос.

«Шпигель»

УКРАШЕНИЕ ПОД ЮБКОЙ

Чтобы доставить удовольствие своей подруге, мужчина обычно дарит цветы или конфеты. Если отношения более близкие, а намерения — серьезные, для подарка неплохо выбрать что-то подороже — бижутерию, например. Сегодня принято украшать не только руки, шею, уши. Последний «писк» — бриллиантовые подвязки для чулок. Тому, кто решится преподнести столь неожиданный сюрприз женщине, вероятно, не останется ничего другого, кроме как приподнять ей юбку. Очень фривольно!

«Интервью»

Подборку подготовили Диана НЕРСЕОВА /Краснодар/ и Владислав ЗАПОРОЖЧЕНКО /Москва/.

ЯИНИИ

Поэта представляет главный редактор «45» Сергей Сутулов.

— Стихами интересуетесь? Завтра принесу!
«Готово. Очередной. Александр Сергеевич? Или Михаил Юрьевич?»
— Лучше по почте. Никаких гарантий. Рукописи не...
— В свое время Тарковский не советовал мне спешить с публикациями. Но... Сейчас время пришло.
«Определенно: крыша — набекрень. В лучшем случае — графоман. В худшем — сумасшедший».
— На вахте пакет оставьте. Заберу.
— Давайте все-таки встретимся. Хотите, уникальную книжку переводов Тарковского захвачу...
— Хорошо!.. Только книгу Арсения Александровича не забудьте.

РЫБАК

Море холодной свивается плетью,
Гнев свой гася на пожарище звезд,
Если рыбак укрывается сетью,
Мокрой спиной ощущая нора-ост.

Древняя грозность камней угловатых
Душу воды уязвляет собой
Возле скалы, где детишек щербатых,
Как валуны, кувыркает прибор.

А по ночам огнеперые рыбы
Гонят с постели жену рыбака:
Как раскрошить угловатые глыбы,
Детских следов не смывая с песка?

— А в каком жанре, если не секрет, пишете?
— Псалмы. Верлибры. Сонеты. Есть и Венок. Любовная лирика. Философская. Гекзаметры. Но даже самые невинные из них были когда-то крамольны. Арсений Александрович в свое время мой Венок молитвенных сонетов прятал меж книг, на полке.

ВРЕМЯ:

— Тащишь ношу непомерную
Ты чужую, как свою...
Я же вервью землемерною
Измеряю жизнь твою.

Что мне ты! Твое видение
Снится тающему льду!..
Я же легким дуновением
За звездой гашу звезду.

Как амёбное деление,
Как движенье сквозняка,
Я несущи жизнь, и тление
Во Вселенной. И пока

Кругосветными скитальцами
Стрелки меряют свой срок,
Я меж собственными пальцами
Просыпаюсь, как песок...

Прилетают лебеди и гуси
Целовать изнеженные гусли.
И седому старому оврагу
Подливают в сок росяный брагу.
Нипочем им будущая выюга:
Заласкают до смерти друг друга.
И поэт вернется со свирелью
На чужом пиру лечить похмелье.
А вдали звезда — расплаты семя —
Снежной искрой обжигает время,
И несут бураны к звездной доле
Шар Земной, как перекасти-поле...

— Стихи давно пишете?
— Настоящие? Не очень. Словоблудил до тех пор, пока во сне не явилась Дева Мария. Она-то и научила истинному стихосложению. А до того даже филфак ставропольский не помогал.
— И что? Ни разу не публиковались?
— Самую малость. В многотиражке. Под псевдонимом.
— А выступали?
— Было дело. И во ВГИКе — тоже...

СОНЕТ К МУЗЕ (В храме)

Ты — дочь уединенного кристалла,
И там, за роговицей бытия,
Ты каждой гранью для меня блистала,
И лучевая гнула ось твою.

Началом оси был набат металла
Старинного Российского литья,
Другой конец ее ты упирала
У Царских врат, где ставил свечку я.

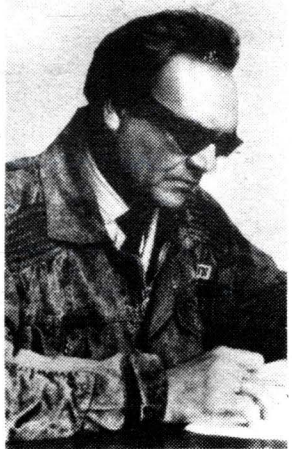
Ты дни мои все знаешь поименно.
А я пою коленопреклоненно,
Пока свеча моя передожжет.

Ни смерти, ни бессмертия не трушу:
Что заронил горячий купол в душу —
Холодный камень пола охладит.

«...Пора цветенья началась.»
(А. А. Блок.)

Земля любви, земля изгнанья!
Какую песню мне пропеть,
Чтоб снова крестные страданья
Корнями ей преодолеть?

Как тяжело по ветру клониться
Народу сильному ее,
Пока крылатым пальцем Жница
Серпа ласкает острие!

Евгений
ЗОЛОТАРЕВСКИЙ

Мерцают капли
Эридана
на платиновом
крыле.

(Ответ Девы
Марии через
ясновидящую
герою на Венок
его сонетов)

— Евгений. Можно — Иоанн. Золотаревский.
Вариант — Рутенин.
«Безнадежен... Полдня — коту под хвост...»
— Оч-чень. Ну — чрезвычайно. Польщен!
Книжку Тарковского, наверное, забыли...
— Отчего же? Вот.
Читаю на титуле:
«Дорогому Евгению Золотаревскому — с любовью к его поэзии, Арсений Тарковский».

Неужели далекие страны
Охладели любовью ко мне?
Сладко как зарастают бурьяном
Жилы белых межзвездных коней!

Дым в ноздрях скакунов не клубится,
Уши чутко не вспрынут в тиши.
В гривах гнезда устроили птицы,
И из глаз проросли камыши.

Гул земной в раменах, как заклятье,
На устах замерзает родник,
Или снова витает проклятье
На челе переходящих калек?

Гроз ночных прозорливому слову
Поле хлебное верить должно,
Что навеки ему Куликовым
Быть теперь уже не суждено.

— А невеста-то, братцы, рябая!

Кони с пеной грызут удила:
«Никогда здесь трава голубая
Меж камней золотых не росла!»

— Боялся, говорите, но чего?
— Андрей — за границей. Тарковского-старшего оживили, перестали печатать. А тут какой-то провинциал с Венком сонетов, предрекающих участь России. По-моему, Арсению Александровичу было чего опасаться.

То с песней Руси, то со стоном
Бурлацкой неволи труда,
Как баржу под флагом зеленым
Судьбу мою тянут года.

Ведут они бранные речи,
Ступая во тьму наугад,
И жалко костлявые плечи
Под жесткою лямкой торчат.

Но, дух набирая свободный,
Покорно идут до поры,
Пока среди ночи холодной
Они не раздуют костры.

А баржа? Здесь воля иная:
По палубе франты снуют,
И, пробками в небо стреляя,
На фраки шампанское льют.

Как ленивый сон монотонный
Сквозь плач и сквозь смех, невпопад,
Под сильный оркестр похоронный
Там бальные платья шуршат...

Вяжет солнышко на спицах
Мир, в котором мы живем.
Я хочу себе присниться
Мерно тающим клубком.
Над полями дым струится
В тихоглазый водоем...
Разговаривают птицы
Человечьим языком...

В тот день Евгений выложил ряд тезисов: о Деве Марии, о фильмах Андрея Тарковского, а также о минус-судьбоносном предназначении Блока.

— Стихи-то когда принесете?
— Через денек-другой, как отпечатаю.
Золотаревский исчез на месяц...

Я все грехи свои оплачу
Пред Богом будущего дня.
И что я, раб ничтожный, значу,
Что Ты помилуешь меня?

Забывши наши прегрешенья,
Не помня злого ничего,
Ты посылаешь в утешенье
Святого Духа Своего.

Душа моя Твой свет летит
Во дни сомнений и тревог.
... Кто нас еще простить сумеет,
Как не Один лишь только Бог?

МАЛЬЧИШКА

Когда добрезжит хилая лучина,
Опередив последнюю звезду,
Я складываю ножик перочинный
И в свой карман залатанный кладу.

За пазухой — молитвенника книжка,
И мой черед как будто не настал,
И я пойду, болезненный мальчишка,
Слоняться на базар и на вокзал.

Я нищ, босой.
В отцовской старой кепке...
И вы подумать даже не могли,
Что это я вам выстрел из щепки
Космические ваши корабли!..

Весьма хотелось увидеть свое лицо в зеркале в тот момент... Весьма.
— М-да-а... Тарковский слов на ветер не бросал... Где же рукопись?
— Стихи-то бишь? Они в крайнем беспорядке. Сегодня не принес. Отпечатаю как-нибудь.
«С ближайшей полочки куплю зеркало. И напротив стола повешу!»

ЛЕСНОЙ ПРУД (У картины Буше «Купание Дианы»)

Я судьбою тоске не обучен,
Пруд лесной, и отрада моя
Красноперкой плывет от излучин
Серебрящего душу ручья.

С крыльев звезд осыпается пудра.
Ждать купанья Дианы невмочь...
Позади — стрекотинное утро,
Впереди — воробьиная ночь!

Сколько света в придуманной муке!
И качает кувшинки волна,
Будто чьи-то зовущие руки
Тихо душу колыхнут со сна.

БЕРЕЗА

Непалящий, непалимый,
Словно новый мир в луче,
Свет вместились невместимый
В самой маленькой свече.
Чтобы днес и чтобы присно
Освятит от всяких зол
Лик ее иконописный
Новых знаний ореол.
К ней ребенок безмятежный
Клонит голову с крыльца.
...Каплет сок березы нежный
С возбужденного сосца.

А я начал опасаться за свой рассудок.
— Евгений — отличное имя. Фамилия тоже не из завалищих. Почему Иоанн, да еще Рутенин?
— Иоанн — Благодать Божия. Рутенин — от Рутении, иначе говоря, России. Псевдоним расшифровывается вполне доступно.

Мыслей нарушив привычную связь,
Нежным крылом серафима
Вяжет в тетрадке славянскую вязь
Гений из пепла и дыма.

И в ореоле высокого лба
Мысли священной натуга;
И освященная эта судьба —
Шаг из адамова круга.

Но в самом сердце земной суеты
Малого ангела пенье,
Что преступление каждой черты
Это и есть преступленье...

Твоя судьба пришла в движенье,
Не безучастная, как впрямь,
Когда старался я скользенья
С крутой горы преодолеть.

Но снам, казалось, не подвластны
Слова участливой любви,
И лишь предчувствий звук согласный
Иглой к их сердцу плыл в крови.

Как деревья, они молчали,
Держа сожженных звезд ларец,
И судьбы горло им сжимали
Петлею годовых колец.

— Принес. У нас, художников, дел порой по горло.
— ?!!
— Группа, которой я руковожу, росписью стен занимается.
— Понятно! В храмах?
— В санаториях, в основном. Пятигорск. Кисловодск. Плюс гостиницы. Интуристовские. Это — чтоб на хлеб зарабатывать. А стихи — для души. Держите!
«Вот сейчас все рухнет! Полный бенз, переходящий в глубочайшее разочарование. Тарковский? Кто не ошибался!»
Страница. Еще одна. И...
— В одно прекрасное утро вы проснетесь знаменитым. «45» печатает вас!

ОСЕННЯЯ ПЕСЕНКА ПРЯЖИ

«И ласточки снуют, как пальцы пряжи.»
(А. А. Тарковский.)

Заламывает руки пламя свечки,
Как будто холод зреет смутно в нем.
И закрывает худенькие плечи
Голубка-пряха шалью, как крылом.

Не поклоняюсь идолам печали,
Но лишь хочу, чтоб, заставляя жить,
Как пальцы, десять ласточек сновали,
Перебирая солнечную нить;

И в небесах сентябрьской России
Застыла, как след, последний взмах крыла,
И зиму всю за пазухой носила
Земля остаток птичьего тепла;

Чтоб день сиял, в надоблаче летя,
И опуская долу рукава.

...Не порвалась бы нитка золотая,
Была бы пряжа старая жива...

НЕОКОНЧЕННАЯ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Иванов Николай Алексеевич, неприменный член по крестьянским делам присутствия.

Анна Петровна, его жена, урожденная Сара Абрамсон.

Шабельский Матвей Семенович, граф, его дядя по матери.

Львов Евгений Константинович, молодой земской врач.

Боркин Михаил Михайлович, дальний родственник Ивановы и управляющий его имением.

Лебедев Павел Кириллович, председатель земской управы.

Саша, дочь Лебедевых, 20 лет.

Леонов Евгений Павлович, народный артист СССР, лауреат всяческих премий.

Тонкопрядченко Александр Васильевич, собственный корреспондент «45-й параллели».

Иванов. Мне жаль, что от вас водкой пахнет. Это, Миша, противно.

Боркин (смеется). Разве пахнет? Удивительное дело... Впрочем, тут нет ничего удивительного. В Плесниках я встретил следователя, и мы, признавшись, с ним по рюмок восьми стукнули. В сущности говоря, пить очень вредно. Послушайте, ведь вредно? А? Вредно?

Тонкопрядченко. А? Вредно? Евгений Павлович?

Леонов. Черт его знает. Может, вреднее, когда хочется позарез, а нету. Но пахнет она действительно противно. Как-то выхожу из магазина. С авоськой. А один мне в лицо так — «хы-ы-ы!», как перегаркнет! И спрашивает: «Ты че, Леонов, что ли?» — Я ему: «Он-он!» Тогда тот: «Пойдем-ка трахнем по маленькой!» Я ему: «Не пью!» А он: «С такой мордой и не пьешь? А че ж ты все алкашей играешь, людей смущаешь?» Еле, знаете ли, отбилась... Тем более мне и нельзя совсем. Врачи запретили...

Шабельский (выходя со Львовым из дома). Доктора — те же адвокаты, с той только разницей, что адвокаты только грабят, а доктора и грабят, и убивают... Может быть, в какой-нибудь Аркадии попадаются исключения из общего правила, но... я в свою жизнь пролечил тысячу двадцать и не встретил ни одного доктора, который не казался бы мне патентованным мошенником.

Тонкопрядченко. Аркадия — это Гамбург?

Леонов. Для меня сей германский город — это еще и место моего рождения. Второго. Прозвучит это, может, и странно, но мне повезло, наверное, что инфаркт обрушился на меня в Гамбурге. Клиническая смерть — и тамошний врач буквально вытащил меня с того света, вырезав у меня кусок вены из ноги и вшив его в сердце. А потом сказал моему сыну: если хочешь, чтобы отец твой вернулся — сядь с ним рядом и не уходи, пока он не придет в себя. Говори ему что-нибудь, пой, зови его... Он должен слышать, должен знать, что позарез нужен кому-то здесь, чтобы вырваться оттуда. Ну и мой Андрюха восемь суток убеждал меня, что земля без меня опустеет. Что я нужен на ней, просто необходимо. Убедил-таки...

Иванов. С тяжелою головой, с ленивою душой, утомленный, надорванный, надломленный, без веры, без любви, без цели, как тень, сплываю я среди людей и не знаю: кто я, зачем живу, чего хочу?

Боркин (быстро выходит с букетом. Он во фраке, с шаферским цветком). Уф! Где же он? (Иванову) Вас в церкви давно ждут, а вы тут философию разводите. Вот комик! Ей-богу, комик!

Тонкопрядченко. Вы — комик. Во всяком случае таково ваше амплуа в кино. Что это такое — комик?

Леонов. Всегда должен быть человек, который хуже всех. Ну, глупее, некрасивее, нелепее. Над которым каждый, самый жалкий и униженный, может посмеяться. И приподняться в собственных глазах. Это и есть комик — тот, кто, принижая себя, помогает приподняться другому...

Львов (входит, Иванову). А, вы здесь? (Громко) Николай Алексеевич Иванов, объявляю во всеуслышание, что вы — подлец!

Иванов (холодно). Покорнейше благодарю. Он меня ужасно утомил, но все-таки мне симпатичен. В нем много искренности.

Шабельский. Хороша искренность! Подходит вчера ко мне вечером и ни с того ни с сего: «Вы, граф, мне глубоко несимпатичны!» Покорнейше благодарю! И все это не просто, а с тенденцией: и голос дрожит, и глаза горят, и поджилки трясются... Черт бы побрал эту деревянную искренность. Ну, я противен ему, гадок, это естественно... я и сам

сознаю, но к чему говорить это в лицо? Я — дрянной человек, но ведь у меня, как бы то ни было, есть седые волосы... Бездарная, безжалостная честность! Так честен, так честен, что всего распирает от честности. Места себе не находит. Я даже боюсь его...

Тонкопрядченко. А вы, Евгений Павлович?

Леонов. Я тоже. Встречал таких людей. Даже письмо от одного пришло, после того как я выкарабкался с того света. Писем много было. Все писали в том духе, что это меня Бог спас, значит, свое предначертание на Земле я еще не выполнил. А один прямо и честно написал: «Ничего тебе все нейдет, Леонов? Ну, умер — так умер. Нет же — вылез опять на солнышко. Ну хоть шел бы тогда на пенсию. Так нет, все чего-то из себя изображаешь, все побольше денег хануть хочешь. Куды тебе еще...»

Боркин. Ах, да! Чуть было не забыл... Пожалуйте 82 рубля!..

Иванов. У меня сегодня ничего нет. Подождите до первого числа, когда жалование получу.

Тонкопрядченко. Говорят, актеры богатые люди. Шикарно живут. На жалованье?

Леонов. Меня уже один правдоискатель спрашивал об этом. «Ну ты, — говорит, — Пуговкин (почему-то эта фамилия показалась ему более подходящей ко мне, что ли), ты богатый, наверное, зараза. На иномарках, поди, ездешь, валюту в швейцарских банках хранишь». — «Да нет, — отвечаю, — валюты не имею, и иномарки тоже. Хотя, в общем, человек обеспеченный». — «Ну-у-у, — режет тут он мне, — это свое «в общем» ты можешь засунуть себе в задницу...»

Анна Петровна. Скажите, какой тон... Квам этот тон совсем не идет. Если хотите, чтобы вас любили женщины, то никогда при них не сердитесь и не солидничайте... (Мужу) Николай, давайте на сене кувиркаться!..

Тонкопрядченко. Вишь, какая цаца, тон ей не нравится. А ежели бы кто ее матерком угостил, коим нынче принято в широких кругах объясняться с дамами. Либо Анне Петровне литературы современной почитать, успешно доказывающей, что непечатных слов не бывает. Или фильму посмотреть, где кувиркаются в натуральном, так сказать, виде не токмо что на сене, а на чем угодно, вплоть до ящиков с мылом на железнодорожном складе или на токарно-фрезерно-расточных станках? Как вы вообще относитесь к полной свободе современной литературы и кинематографии от каких бы то ни было ограничений в этих щекотливых делах?

Леонов. Скверно. Я хоть и могу себя смело назвать родоначальником отечественного порнографического фильма — в «Полосатом рейсе» впервые в истории отечественного кинематографа была показана голая... гм, голые ягодички, которые сыграл, скажем так, я, но ежели в картине ничего, кроме голых задниц и таких же бюстов нет, а в книжку для связки слов в предложении вводят обороты, списанные с заборов, то это, мне кажется, просто художественная беспомощность.

Как-то недавно меня пригласили авторы на просмотр фильма с таким интригующим названием «Бля». Так я не пошел. И не потому, что ретроград или от возраста стал нелюбопытен. Просто я знал, что там будет. Много наркотиков, много проституток, совокупляющиеся промеж себя мальчики и девочки...

Лебедев. Молодые люди все с норовом. У меня дядя гегельянец был... так тот, бывало, соберет к себе гостей полон дом, выпьет, станет вот этак на стул и начинает: «Вы — невежды! Вы — мрачная сила! Заря новой жизни!» Та-та, та-та, та-та... Уж он отчитывает-отчитывает...

Фото Александра ШВАРЕВА (Шевченко).

Саша. А гости что же?

Лебедев. А ничего... Слушают — да пьют себе. Раз, впрочем, я его на дуэль вызвал... дядю-то родного. Из-за Бэкона вышло...

Тонкопрядченко. Нынешние молодые люди не менее горячи. Если не более. А уж обличать мастера... Но дуэли сегодня запрещены...

Леонов. Да уж. Сейчас очень любят задавать такой вопрос, очень громко и публично: «А где ты, такой-сякой, был 19 августа?» Как раньше спрашивали: «А что ты делал до Октябрьской революции?» Меня тоже спросили, да еще с такой многозначительной ухмылкой. Так я на дуэль не вызвал, а просто послал их... В места не столь отдаленные, если так позволительно будет выразиться.

Иванов (после паузы). Лишние люди, лишние слова, необходимость отвечать на глупые вопросы...

Тонкопрядченко. Евгений Павлович, сейчас вы будете иметь возможность послать в те же места и меня. Так где же вы все-таки были 19 августа?

Леонов (после паузы). Дома. Больше всего боялся не за себя, за сына. Позвонил ему — он, конечно, дома не усидел. Потом мне позвонили. Из «Независимой газеты». Предложили сделать заявление для печати. Я сделал. Разумеется, против ГКЧП. И хотя «Независимая газета» в те дни не вышла, но какие-то листовки выпустила, которые на московских улицах шли нарасхват. Что-то там и из моего заявления осталось. Ну, а на баррикады я не пошел. Никто не позвал. Позвали, может, и пошел бы. Впрочем, я не герой...

Иванов. Ну-с, а я ничем не замечателен и ничем не жертвовал.

Тонкопрядченко. Однако, как известно, искусство требует жертв, Евгений

А когда, кстати, «Кин-Дза-Дза!» снимали в туркменских песках, тоже история произошла. Обокрали меня в гостинице в Небит-Даге до трусов. Так что домой чуть ли не заматанным в полотенце пришлось лететь...

Боркин (сердито). Да кто же станет шутить в серьезных делах?

Тонкопрядченко (осторожно). А если серьезно, Евгений Павлович, чем все же жертвуют для искусства?

Леонов (после паузы). Всем. Я начинал во МХАТе, учился у великих режиссеров и актеров: Немировича-Данченко, Яншина, Масальского, Хмелева, Грибова, Добронравова. Это был поразительно глубокий, человецкий театр. Это был даже не театр — сама жизнь. И если Хмелев в 41 год умер прямо на сцене от инфаркта, в прямом смысле слова разорвав для людей свое сердце, то какой еще более высокой жертвы может потребовать искусство?

Каждая роль — это рубец на сердце. И на моем сердце есть рубцы, оставленные стариком Ванюшиным из пьесы «Дети Ванюшина», царем Кривоном из «Антигоны», Лариосиком из «Дней Турбиных»... Кстати, Лариосика в «Турбиных» играл до меня великий Яншин. Это было еще до запрета спектакля, в конце двадцатых годов, и сам «лучший друг советских актеров» лично смотрел его 17 раз. Боже, как они играли! Когда Соколова кричала — «Алешу убили!» — в зале была истерика, рыдания, зрители падали в обморок. Ибо это был не спектакль, а их жизни, их боль, горе, их трагедия.

И если я в пьесе Чехова «Иванов» в финальном эпизоде стреляю себе в сердце, то разве это только игра, разве я не умираю в это мгновение вместе с этим несчастным, умным, честным и добрым, но никому не нужным человеком?..

Иванов. Человек — такая простая и немудреная машина... Нет, доктор, в каждом из нас слишком много колес, винтов и клапанов, чтобы мы могли судить друг о друге по первому впечатлению или по двум-трем внешним признакам. Я не понимаю вас, вы меня не понимаете, и сами мы себя не понимаем.

Тонкопрядченко. А вы, Евгений Павлович? Вы понимаете себя? Какой вы? Умный или.., честный или.., смелый или.., добрый или..

Леонов. Стоп! Вот на этом мы остановимся. Могу о себе сказать с некоторой долей уверенности, единственное, что я, пожалуй, добрый. И качество это, доброту, больше всего ценю в людях. За свою жизнь я, не будучи ни депутатом, ни каким-то крупным руководителем, помог десяткам людей. Кому квартиру выбить, кому лекарство дефицитное достать, кого пристроить в элитарную больницу.

Тонкопрядченко. Нынче в Москве и Петербурге, говорят, вновь создается Дворянское собрание. Радиостанция «Свобода» по этому поводу высказалась так: откуда, мол, в России дворяне? Дескать, дворянская каста всегда честь ставила превыше всего. Даже — жизни. А все те, кто сегодня называет себя потомками дворян и претендует на дворянство, о чести имеют самое смутное представление. Ведь все они в свое время отреклись от своих предков и только поэтому выжили...

Леонов. Это, знаете ли, какое-то иезуитство. Те, кто выжил, не могут претендовать на звание дворянина. А те, кто могут — давно мертвы. Так что же, неужели все, кто выжил в наше страшное безвременье, — бесчестные люди? Нет уж, знаете ли, безвременье безвременьем, среда средой и пьеса Чехова «Иванов» — само собой, глубочайшее литературное произведение, но жизнь есть жизнь. И, стиснув зубы, надо жить, растить детей, возделывать землю... И смеяться. Нередко для этого нужно подставить грудь под пулю. Свою или чужую.

Несколько лет назад Евгений Леонов сыграл главную роль в спектакле «Иванов», поставленном по одноименной пьесе Чехова театром имени Ленкома. Но — без почему-то! — снова и снова возвращается память к своему герою, его трагической жизни, его горьким и желчным монологам. «Безвременье» — так определяется Чеховым эпоха, в которую жил Иванов. «Безвременье» — не наша ли это сегодняшняя жизнь? В общем, читатель, Евгений Павлович Леонов просил передать вам: «Читайте Чехова!»

Павлович. Чем пожертвовали вы для него?

Леонов. Широкий зритель знает меня как киношного актера-комика. Помню, как-то на приеме каком-то в Венгрии пристроился я у двери, взял со стола бутерброд Сикрой. Вдруг входит Янош Кадар и сопровождающие его лица. Увидел меня венгерский вождь и заулыбался: «О-о-о», — говорит, и тычет пальцем в мою сторону. Все поворачиваются ко мне. Я думаю, вот сейчас начнется разговор. Об искусстве. Неудобно как-то с бутербродом-то. Положил я его на крайшек стола. Приготовился. Янош присел, руки растопырил и говорит: «Ку!» Это как раз недавно на экраны фильм вышел «Кин-Дза-Дза!» Я тоже присел и тоже ему: «Ку!». Но тут сопровождающие лица что-то Яношу на ухо нашептали, мол, что вы, дескать, как можно, это не та персона, с которой стоит вступать в беседу. И они ушли. Я, конечно, тут же за бутерброд. С икрой. А его уже нету. Кто-то из соседей подмел...

Нью-Йорк считают городом миллионеров. Вильнюс же еще недавно слыл городом милиционеров. Но вот синяя диагональ в городе и республике уступила морской волне, спецавтомобили взамен романтического аквамарина приобрели окрас крутого детектива — черный с белым. Пока, возможно, рановато судить о том, насколько новая окраска эффективнее прежней. Но светоотражательные значки и полоски, поставленные полиции Литовской республики одной из американских фирм, как здесь с гордостью говорят, в десяток раз эффективнее отечественных аналогов. Нынче все правоохранительное в Литве различимо на расстоянии не менее полукилометра и ночью. Прежде чем после наружного наблюдения внедриться в высшие эшелоны республиканской полиции, ваш корреспондент решил отправиться в одно из тех мест, «где честь безмолвствует и добродетель плачет».

«ЛЮДИ С ВОЗВЫШЕННОСТИ»
В ПИВБАРЕ «АУКШТАЙЧЮ»

Известный персонаж Исаака Бабеля даже среди биндюжников слыл грубияном. Это определение годится к пивбару, который, впрочем, никогда не считался «чего-то особенного». Сэр Гиннесс вряд ли обратит сюда свои взоры. Еще несколько лет назад заведующий, обитатели окрестных пятиэтажных спален, ходили сюда едва ли не в том, что при желании можно назвать и пижамой. Все здесь выглядело как-то по-домашнему, по-доброму, по-аукштайтйски. А надо вам сказать, что «Аукштайчю», в отличие, скажем, от «Жемайчю», в неточном, но довольно приближенном переводе трактуется как «люди с возвышенности». И особенно справедлива такая трактовка начиная с трех-пяти (кружек).
Даже во времена самой возвышенной борьбы с пьянством и алкоголизмом морды друг другу здесь чистили тоже как-то по-семеиному, как и водится среди своих.
Вообще все здесь было своим. Свои скамьи, столы, своя буфетчица. Своя рыбка, соленый сыр и ржаные сухарики. Свое пиво. И уж, разумеется, свои милицейские наряды. Они торчали здесь постоянно. Народы и наряды были едины, как очередь в туалете.
Прошли годы. Наступил конец рабочего дня. И вот ваш корреспондент снова здесь. За своим столом. На своей лавке. Себе на уме. Со своей парой пива. На душе у вашего корреспондента осень. Вам интересно, почему? Вот уже полкружки он размышляет, что бы это значило: а) отсутствие вышибалы; б) присутствие уверенности, что пиво внезапно не кончится; в) отсутствие очереди; г) присутствие... чего бы это еще присутствие? Вот! Именно что космически полное присутствие отсутствия людей в форме!
А ведь напротив наливается, зреет классический для «Аукштайчю» сюжет. В компании за своим, само собой, столом, со своим пивом и своей дамой, со своими словечками, солеными достаточны, чтобы не тратиться на дивную скумбрию холодного копчения.
На каждой из двух основательных лавок, вдоль каждого стола в «Аукштайчю» уместается до пяти человек. И увязав штаты заполнены. В каждом из сидельцев, как отметит любой наметанный глаз, сидит уже от пяти до семи кружек. Вот разве что в даме пока не более двух. Молодые джентльмены одеты далеко не кое-как. Мочевые пузыри у них, похоже, тоже фирменного производства. Однако и эти устройства имеют предел объявленной емкости.

Собственный к
Этим материя
новым

Все дальнейшее происшествие, не то — и то, и другое, мощный, накаченный. Возвращаясь, обрушившись мильонно-таки порядочный и этого не слышно. За это время можно быть, приходит к выводу, шемся никто из присутствующих дам, свидетельницей не была... Как?
Два! Костюм встает, ваш корреспондент и вы, и ет дубовый станок для сидения, где только что отдыхалось, пришлось читать эту скудную мысль флотком пива, подобно глотку, снова в дружески похлопав по спине цианта.
Три! В пивбар входят два человека, ном снаряжении. Особенно лицо, или то, что называю к описанию Петра во всем А. С. «Полтава»: «Лик его весь, как Божия гроза...»
— Встать! — командует генным столом. — Освобо Барстихае. Компания, нув головы, собирает по...
Едва он встает, чтобы идти, бый торс, направленный ч тает в воздух. И, описав опускается плащом на скамью. Товарищи без лишнее тело и несут его на са...
Бар пуст. Ваш корреспондент отороп, бросается вслед след простыл.
Комментариев не будет.

ПРИЗНАНИЯ КОМИССАРА

ПОЛИЦИИ,

дин главный комиссар, слово «главный» предполагает наличие и неглавного, наконец, просто младшего комиссара... Кроме того, существует лицо и повыше вас... Понас Любертас, к примеру. Он ведь, простите за резкость, генеральный комиссар? А «генеральный», как мы с вами об этом знаем, — то еще слово. Покруче «главного». Нет, уж не обессудьте, но без начальников нам никак нельзя. Как можно без начальников?! Ведь это черт знает что может слу...

В этот момент, как бы подтверждающая страстную, горячую, неординарную, но вслух так и не высказанную мысль, в кабинетас, извините, в кабинет входит сам понас Любертас, собственной, если можно так выразиться, персоной — генеральный комиссар Департамента полиции Литовской республики. Тот самый понас Любертас, за которым ваш корреспондент вел правильную охоту в течение недели, минувшей после событий в «Аукштайчю». Тот самый, о котором до сих пор было известно только то, что «господин генеральный комиссар в данный момент находится на заседании правительства», тот самый, который... впрочем, это место мы лучше опустим.

«Тот самый» оказывается молодым человеком, примерно одних лет с моим собеседником. И такой же примерно внешности, при виде которой не возникает желания интересоваться спортивными разрядами ее владельца или прочей общефизической подготовкой — до такой степени все и так налицо.

Понас Любертас в прекрасном расположении духа. Такое ощущение, действительно, что в кабинет главного комиссара не начальник двинулся, а заглянул на минутку старый школьный товарищ. При этом господин генеральный комиссар кажется весьма довольным, что ему удалось — как это будет по-русски? — смыться. Да-да, умыться руки, увильнуть от встречи с очередным корреспондентом, никого не обидев при этом... Похоже, что понас Любертас весьма не прочь прихватить понаса Василюскаса с собой... свежие новости из Правительства? Вот-вот, похоже, свежайшие. Пальчики оближешь. Эти новости расскажут вечером, по каналу Литовского ТВ.

КРУШИТЬ БОКА ИЗ МЕСТИ НЕ РЕЗОН

Обменявшись рукопожатием с понасом Василюскасом и вашим корреспондентом, понас Любертас исчезает.

Между тем утверждение об отсутствии институции начальников в данном департаменте все еще висит в воздухе.

— Что ж, — заключает Лютураус Василюскас, — сегодня Любертас — генеральный комиссар, а завтра, избави Бог, — младший инспектор! То же — и все мы, грешные. Мы ведь — демилитаризованная специальная гражданская служба. Главное действующее лицо в ней — как раз этот самый младший инспектор. Тот самый, который...

«Лик его ужасен... Он прекрасен... Он весь, как Божия гроза...»

В этом месте, со свойственной вашему корреспонденту любовью к истине, стоит упомянуть, что он в компании с господином главным комиссаром уже минут пять как пьет кофе.

— Вы нарисовали идеальную картину, — говорит между тем понас Василюскас, комментируя аукштайтйские впечатления. — Она пока достигается далеко не всегда. Но именно так — быстро, решительно и оперативно — должна действовать полиция самоуправления. Но вот насчет того, что он ему... как вы говорите?

— Да по морде врезал, понас Василюскас! Может быть,

для дальнотойности впечатления? Профилактика?..

— М-м-м... — Меж бровей господина главного комиссара впервые пролегла вертикальная морщинка, которая ему, впрочем, идет.

— Врезал, говорите? В принципе это не воспрещено, полицейские наделены довольно широкими полномочиями. Но если он сделал это с целью возмездия, мести... такое в принципе никому не нужно. Видите ли, наш брат воспринимает все происходящее, как любой человек. Но действовать-то он должен как полицейский. То есть если следует воспрепятствовать совершению преступления — то это одно. А если... то это другое.

Вот еще капля прозы. Еще в «Аукштайчю» ваш корреспондент предположил, что деятельность полицейских оценивается республикой несколько, скажем так, выше, чем услуги их предшественников. Насколько верно такое предположение?

— Вопрос архисложный, — признает господин главный комиссар.

Выясняется, что в полиции республики ныне насчитывают до двадцати уровней зарплаты. Оперативный работник получает, скажем, по-инному, чем полицейский чиновник. И так далее. В качестве иллюстрации мой собеседник не скрыл, что его собственный ежемесячный оклад — 1100 рублей. Плюс тридцать процентов от этой суммы — за выслугу лет. Плюс еще двадцать пять процентов — за первую (она считается самой высокой) категорию.

Полагаю, работники МВД России оценят эту информацию. Профессионалам следует платить. Если, конечно, мы хотим спокойно пить свое пиво за своим столиком наедине со своими мыслями.

ПАМЯТКА ДЛЯ ТЕХ, КТО ЕЩЕ НИ РАЗУ НЕ РОЖАЛ НА БРОДВЕЕ

А теперь — «Кто это сделал, лорды?» Вопрос Макбета из одноименной трагедии Шекспира (W.) ваш корреспондент переадресовывает своему собеседнику.

Оказывается, прежде чем дойти до жизни такой, в республике тщательно изучили опыт передовых коллективов правоохранительных органов многих стран мира.

— Приезжали к нам в Литву, между прочим, и американские полицейские, — оживляется понас Василюскас. — Выставили против наших баскетбольную команду из своих... Сыграли матч...

Короче, литовские капы сравнительно легко «кинули» американских собратьев.

А как насчет всего остального? Помощь при родах, к примеру. Это не морду бить. Доводилось слышать, что американский участковый, помимо прочего, обязан обладать медицинскими, в частности акушерскими, навыками едва ли не на уровне сельского фельдшера...

О, понас Василюскас полагает, что это есть миф. Сродни другим мифам того же сорта. Звучит, конечно, красиво, но... У полицейских, считает господин главный комиссар, хватает пыльной работенки и без услуг при родовспоможении. Тем более — в Америке, где уровень медицины,

сеть соответствующих учреждений все еще не соответствует стандартам здравоохранения в нашем бывшем отечестве.

Жаль, думает про себя ваш корреспондент. Сюжетного рассказа о том, как участковый нью-йоркский ГУВД принял роды у бездомной четы советских студентов прямо на панели, скажем, 45-й авеню, увял на...
— Единственное отличие, правда, весьма существенное... — понас Василюскас явно тускнеет, и ваш корреспонденту кажется, что над дверью кабинета загорелось табло с надписью, как в метро, «НЕТ ВХОДА», что у них все доводят до конца! Что положено по автомобилю, средства спецсвязи, компьютеры, и т.д. — вот оно! Руководитель ничего не просит!

Последнюю фразу Лютураус произносит громким гическим шепотом. Возможно, потому, что и сам не знает, что такое возможно. А может, потому, что знает, пока не поверит никто. Юмор, говорят, он и в юмор. Однако даже в Африке не понимают наших шуток на подобные темы (см. последний абзац).

Литовская полиция, не повторяя автоматически из зарубежных образцов, выработала свой собственный стиль в качестве идеала, к которому следует стремиться (см. последний абзац).

— У датчан, — волнуется понас Василюскас, — полицейских округов подчас не совпадают с границами территориальных! Это уникально! Такого нет нигде! Нет такого пока и у нас...

Причина восхищения господина главного комиссара понятна только на первый взгляд. На второй — все объясняется пареной репы.

Вспоминаются первые митинги в российской прессе. Скажем, на родине первого Президента СССР и зовывал Народный фронт, а противостояли, есте парторганизации разного уровня. Разумеется, не посредством все той же милиции. Разгоняя привез Ельцина, многие милиционеры сочувствовали «флам».

— Сергей, — говаривал один из офицеров милиции в оцеплении, — я лично ничего против вас не имею, наоборот, «за». Но что это вы, мать вашу, тут дились митинговать именно в нашем районе? В других мест нет? Идите к соседям! Мы тогда здесь вас и пальцем не шелохнем!

И, если не ошибаюсь, сразу после этой фразы автор отдал команду: «Расчленить толпу!»

Было это полтора года назад...

— Ну, деполитизацию, — понас Василюскас восторженно, — и департизацию мы у себя провели еще в 1989 году.

Сейчас — совершенно замечательные контакты решим главой союзного МВД Бараниковым. Хоть и отношений с ним господин главный комиссар не имеет американским: все, о чем стороны договариваются, реализуется практически мгновенно.

— Величайшей глупостью, — вовсю открывает господин главный комиссар, — было бы порвать с нами связями. Их необходимо сохранить, разумным образом, в новом качестве, как отношения равных.

УЛЫБНЕМСЯ ЖЕ АНГЕЛУ-ХРАНИТЕЛЮ ЛИТОВСКОЙ ПОЛИЦИИ

Полиция республики очень молода. Молоды и люди. В таком возрасте улыбка так и рвется наружу, подавляемая суровостью, впрочем, не всегда напуганными отношениями здоровья, силы и власти у этой молодежи.

ИЛИ

ПРОРОК УРОДА
РЕСПУБЛИКИ

Корреспондент «45» приступил к работе в Прибалтике. Слом начинаем серию сообщений из государств региона — членов Организации Объединенных Наций.

В течение секунд тридцати. Сделает попытку не то встать, не то сесть вместе. Паренек он довольно молодой, поэтому его джинсовый костюм между столами, производит до-шум. Секунду-другую отходя-емя содержимое костюма, дол-году, что, как ни жаль, в случив-шихся не виновен. Но перед на-данием, следует реабилитиро-

Сделает пустую лавку перед столом, опишет его полукруг, обрушива-еия в то место между столами, там. Еще чуть-чуть, и вам бы не-шную повесть. Не успеваю за-пить как лавка уже на месте, костюм, скидывается в челюсть компании, и не подбежавшего на шум офи-

ое. При знаках различия, в полно-го громаден один из двоих. Его т лицом... Впрочем, отсылаю вас иро известной поэме Пушкина го жасен... Он прекрасен... Он

«Петр», нависнув над кримино-одить помещение!

моментам протрезвел и при-ки. Не духарится и «костюм». и вместе со всеми, как его несп-угным кулаком «Петра», взле-уж знакомую нам траекторию, т самую многострадальную шших слов окружают бездыхан-ежий воздух.

ондент, преодолев мгновенную заполицейскими. Увы! Их уже и

ВАШ КОРРЕСПОНДЕНТ ПЬЕТ КОФЕ С ГЛАВНЫМ КОМИССАРОМ И УЗНАЕТ ТЬМУ НЕВЕРОЯТНОГО

Первое из признаний, которое удается получить у главного комиссара республиканской полиции Литовской республики господина Лютаураса Василяускаса, заключается в том, что ваш корреспондент — девятый за день журналист, добившийся у него аудиенции. До этого здесь уже побывали французы, англичане, американцы, кое-кто из Москвы... Пресс-центр при департаменте только создается. Вот и приходится главному комиссару самому не разглагольствовать оперативные тайны.

Узнаю, что полиция Литовской республики делится на две части — республиканскую, самоуправления (слово «муниципальная» понаас Василяускаса просит вынести за скобки) и пять видов: криминальная, наружная, транспортная (вокзалы, морские, речные и аэропорты), дорожная (бывшая ГАИ) и, наконец, та самая муниципальная, представители которой столь решительно действовали в «Аукштайчу».

Следствие выведено в самостоятельный департамент. Господин главный комиссар признает, что такая практика, принятая в цивилизованных странах, создает полиции известные трудности. Ведь отныне вся работа по сбору улик, доказательств и т. п. перегружена на полицейских.

Впрочем, все это цветочки. А вот... В департаменте полиции Литовской республики отсутствует институт начальников!

Будучи произнесено, это утверждение как бы материализуется. Не до такой степени, правда, чтобы с грохотом упасть между нами. Но и не так призрачно, чтобы дымком вылететь в форточку. Оно повисает, это утверждение господина главного комиссара, между полом и потолком кабинета в здании старой постройки на Кафедральной площади, где мы беседуем. Оно повисает в воздухе, чтобы дать возможность полюбоваться собой.

— Нет начальников? Но ведь, если не ошибаюсь, госпо-

ВЯННИЛ

ВТОРОЕ КРЕЩЕНИЕ ЯЗЫЧНИКОВ

Событие, которое ваш корреспондент сравнил бы со вторым крещением язычников, состоялось 2 октября в Вильнюсе.

Узнайте, что литовская полиция была создана еще в 1918 году, с обретением республиканской государственности. А с 1921-го, второго октября (у католиков День ангела-хранителя), стали отмечать и День полиции. До 1940-го, когда ангел-хранитель не уберег Литву... И вот спустя более чем полвека новенькое темно-зеленое с бело-золотым знамя литовской полиции (автор — художник М. Чяпукене) внесли на Кафедральную площадь перед праздничной колонной полицейских с духовым оркестром впереди.

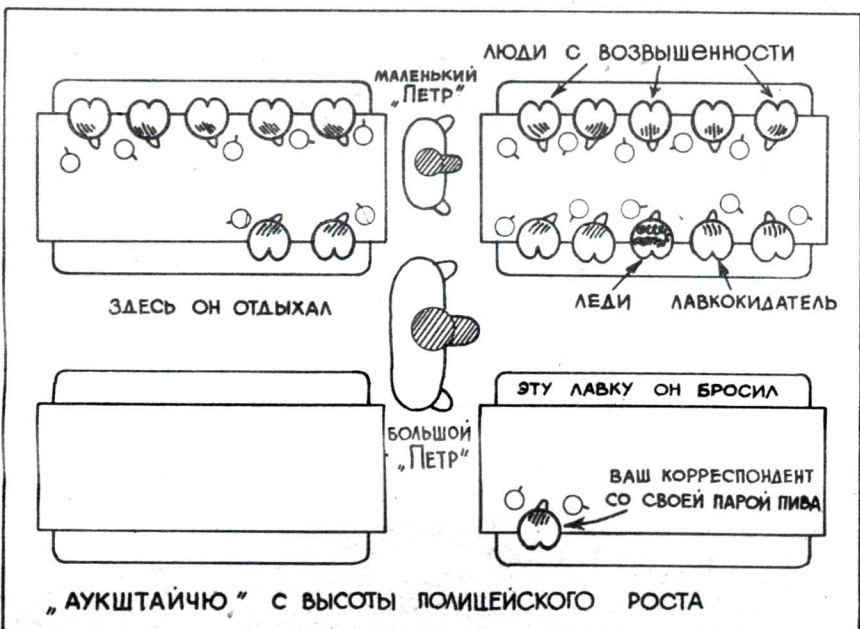
— Боже, храни это знамя как символ служения родине, — скажет чуть позже, на торжественной

службе в Вильнюсском кафедральном соборе епископ И. Тунай-тис. И, судя по тому, что в службе принял участие председатель парламента республики В. Ландсбергис с супругой, возрожденному празднику придан действительно если не божественный, то самый высокий официальный статус.

Служба, естественно, шла на литовском. Среди полицейских, заполнивших собор, были, и это тоже естественно, и литовцы, и поляки, и русские. Не подкрепляя свои слова официальным анализом кадров, с уверенностью могу сказать, что были среди них и татары (крымских татар призвал на служение Литве еще князь Витаутас, их конники были при Грюнвальде, и мусульманская религия, до сих пор третья по влиянию среди местных конфессий).

Очаровательная супруга господина Председателя оказалась более демократичной. Первая дама Литвы опускалась прямо на пол.

порядке. Полагаю, насчет биографии князя Гедимина (Гедиминаса, говорят здесь) демилитаризованные потомки осведомлены тоже неплохо. А вот как насчет того, что так называемые демократы называют общей культурой, духовностью?

Господин главный комиссар и здесь ничего не скрывает. Козырей в этой сфере у литовской полиции пока нет. До института капелланов Департамент еще не дозрел, но... здесь видят необходимость... в создании службы, профессиональной... как это? Этики, да, и... это... социальной защиты...

Должно быть, вашему корреспонденту не удастся под пристальным взором профессионала первой категории скрыть выражение вежливой скуки, осенившей его в этом эпизоде. Господин главный комиссар, заметив это, с видимым удовольствием оставляет ученые речи и с воодушевлением говорит:

— Да что там! Второго октября в 10.30 на Кафедральной площади литовская полиция празднует День своего ангела — приходите! Мы приглашаем вас!

Ваш корреспондент говорит напоследок:

— Понаас Василяускас, доводилось слышать, что наиболее передовые и сознательные датские полицейские, раз уж о них зашла речь, не менее общефизической подготовки и значков ворoshiловского стрелка ценят добрую шутку. Если это не очередной миф, то «45» обращается к вам с традиционной заключительной просьбой: ваш любимый анекдот?

Понаас Василяускас смеется. Похоже, просьба кажется ему неожиданной. Потом задумывается. Потом, улыбаясь чему-то внутри себя, говорит в том смысле, что есть, мол, один, но... это так, шутка, в народе так говорят, и для издания Фонда культуры...

Ваш корреспондент настаивает, и господин главный комиссар колеблется в последний раз:

— Приезжает канадский фермер на стажировку в «наш» колхоз. Проходит время, председатель интересуется... это... рекомендациями? Впечатлением, да. Канадец отвечает: «Дисциплина у вас ни к черту!» Председатель обеспокоен: «Что, не соблюдают сроки сева?» — «О, нет! Я вьеть всю эту неделю только на машдворе и был. Так вот: там все друг дружку посылают. И вьеть за всю неделю никто никуда так и не пошел!»

Литовского Каттани, отказавшегося от переводчика, колот Марк ШКЛЯР. Собкор «45». Фото Рамунаса ГУЙГИ.

ПОМОЖ свободный

№ 20 • 45-я параллель • 12-13

Сложнее предположить, что среди этих недавних работников милиции случились иудеи, из тех семи тысяч, которые, по слухам, еще остались в республике.

Так или иначе, ваш корреспондент, предусмотрительно обзаведясь собственным толмачом, не оказался глухим на этом празднике Закона:

«Там, где нет порядка, там теряется свобода и независимость...»

«Если не станете, как дети, не войдете в Царствие Небесное...»

«Защищают не столько государство, сколько народ...»

«Те, милиционеры выходили в кепках со звездой... мы смотрели на них и не знали — защитники ли они наши...»

«Мы молимся и просим, чтобы вы были такими, какими вас хочет видеть Бог...»

«Защити и спаси нас...»

Председатель парламента здесь не сказал ни слова. Он и его супруга молились (вместе со всеми), преклоняли колена (вместе со всеми), пели национальный гимн (вместе со всеми)...

Немногое отличало высокого гостя: присутствие внушительных парней в штатском в разных концах храма да специальный столик-скамеечка, обитый красным бархатом, устройство, предусмотрен-

ное для такого рода случаев. Несомненно, тезке упомянутого князя было комфортнее преклонять колена. Однако очаровательная супруга господина Председателя, уж пусть нам простят такую вездливую наблюдательность, оказалась намного более демократичной. Поскольку, подобно старушкам в притворе; первая дама Литвы опускалась прямо на пол.

Наивно, конечно, было утверждать, что смена мундира, знамени и обряда моментально, на манер электрического выключателя, сменит картину преступности в регионе с минуса на плюс. Пока, как недавно писала об этом местная независимая и весьма популярная «Республика», в Литве отмечен случай людоедства, и газета поместила интервью с самим людоедом... судя по фамилии, литовцем. И все же вера и надежда на Закон выглядят в Литве, по крайней мере внешне, несколько, скажем так, профессиональней и конкретней, чем мы можем покамест наблюдать это в России.

Марк ШКЛЯР. Собкор «45».

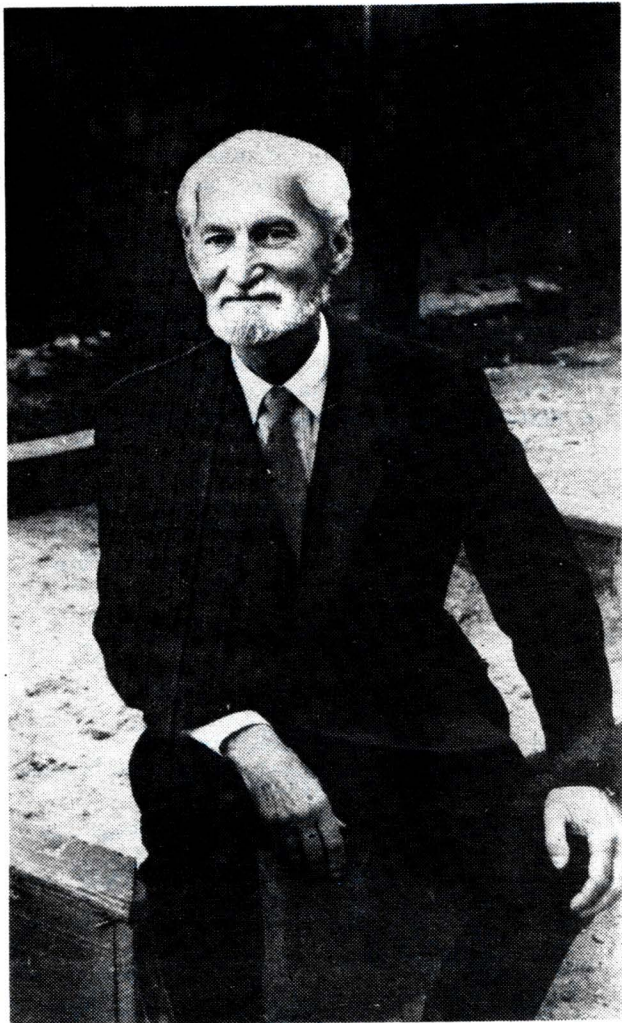
На снимке: фрагмент праздника.

Фото Рамунаса ГУЙГИ

ВЯННИЛ

«Блаженно государство, говорят, если в нем царствует тишина и устройство... Блаженно называют его, когда далеко простирает власть оружия своего и властвует оно вне себя не токмо силою своею, но и словом своим над мнением других. Но все сии блаженства можно назвать внешними, мгновенными, частными и мысленными».

А. Н. РАДИЩЕВ.
«Путешествие...»

биографии

ДАКТ

Войны зарождаются в умах людей, и преграды им надо воздвигать также в умах.

Каковы же эти идеи, не дающие покоя «русскому парижанину»? Они просты, как велосипед. Поэтому Георгий Антонович не пытается их заново изобретать, а элементарно аранжирует в яркую и запоминающуюся мелодию собственной убежденности и, извините, энтузиазма.

«Не призывать к миру и добрым чувствам, — считает Красовский, нисколько не боясь возможного окрика из Советского Фонда мира. — Все эти замысленные слова, все эти проходящие мимо души предложения — мусор, с которым есть смысл проститься если не навсегда, то надолго. Не надо звать на улицы и площади бороться с маразмом супервооружений, не надо и дальше «галочковыми» мероприятиями дискредитировать светлую мысль свободы от оружейных лабиринтов».

Площади и так полны возбужденных идей. И Красовский предлагает почти наоборот: «индивидуальный подход», а проще — индивидуальный протест. Вот выдержка из релиза, распространенного по этому поводу: «В предисловии к акту создания ЮНЕСКО сказано: «Войны зарождаются в умах людей и, чтобы им воспрепятствовать, надо воздвигнуть преграды также в умах».

Как же у нас, в мирке, избалованном всеми и всяческими акциями, маршами, митингами и просто выходками психопатов, заставить думать еще и о разоружении? Красовский свято верит, что в каждом человеке живо и сильно здоровое начало. Но вот достать его могут немногие вещи.

Прежде всего массовая информация — газеты, радио, ТВ. Он подключил всевозможные источники. Источники отзывались с интересом. Один человек, пожилой, не подозревающий о нашей «специфике», сумел феноменально много. Почему? Пусть меня переедет самый тяжелый велосипед, но я уверен — он не усложняет жизнь, в чем все мы так отличаемся. Он берет ее такой, какая она есть. И... слегка улучшает ее своим вариантом Международной недели за разоружение, проходившей во всем мире в конце октября по инициативе и под эгидой ООН.

Каждый из семи дней Недели разоружения Красовский предложил посвятить какому-нибудь проявлению

«персональной» гуманности. 24-е — день вежливости, 27-е — день семейной гармонии, 30-е — день примирения и добрососедских отношений. Еще цитата: «Каждый из этих дней имеет смысл, над которым следует задуматься и постараться самому найти, как отметить этот день и словом, и делом». Есть и готовый символ, который сыграл свою роль в идее Георгия Антоновича — это пацифистский круг с отриском лапки голубя внутри. «У каждого есть лист бумаги. У каждого есть свое окно. Вывесить на нем (или на стекле витрин, автомобилей) эмблему мира и разоружения — этого уже будет достаточно для наилучшего доказательства того, что большинство людей — за мир, за уважение к жизни и к достоинству каждого человека» — и с этими словами парижанина трудно не согласиться.

Странно, не правда ли, — чтобы убедить нас в сокровенности, безусловной ценности нашей же жизни, человек приезжает из-за тридевяти капиталистических земель. Тратит свое время и силы, чтобы убедить нас в том, что мы не так уж плохи и бесперспективны в общественном смысле, как твердо в то уверовали. Что наконец мы достойны того, чтобы заявить свой персональный протест по надоевшему, хуже банного листа, поводу. Странно, не правда ли? Да оторвитесь же от своих заморочек, господа... Неужели «завтра опять будет хотеться в Париж?» Меня, например, уверили, что так хочется в Отечество. Всю жизнь.

«Я не на чьей стороне. Я на стороне человека. Я даже отказался от французского гражданства и прожил без него всю жизнь, с 1920 года, когда я с родителями в пятилетнем возрасте переехал в Париж... У меня в России гораздо больше друзей, чем в Париже... Я вернусь туда и снова затоскую по русским куполам, по лицам да-да, вашим лицам, по речи».

А еще Георгий Антонович твердо уверен: все худшее у нашего отечества позади.

Неужели мы будем удивляться и этому?

Александр БЫСТРЫХ.
Фото **Сергея МАШИНСКОГО**
(Ставрополь).

В свои семьдесят шесть он подвижен, доброжелателен, разговорчив. Капля парижской руты на раскаленной сковороде Отечества. Он редактирует и выпускает газету «Ле Нувель Гуманизм» и этого (по здравому раскладу) ему бы хватило, чтобы со всем основанием считать свои преклонные годы не выключенными из общественной жизни Франции. Но... Не благодаря, а вопреки своему основному занятию Георгий Антонович из года в год, начиная с 1975-го, в буквальном смысле не сидит на месте. Он организовал и благополучно провел (без всякой спонсорской помощи, что было подчеркнута осо-

бо!) международные пробеги велосипедистов, проходившие под миротворческими лозунгами. Одна маленькая важность — в «Тур де Франс» Красовского участвовали исключительно пенсионеры, исключительно старше шестидесяти лет.

Весной этого года, 23 апреля, стартовал велопробег по «горячим точкам» кавказских республик и стран Ближнего Востока. 100 дней — 6.000 километров. Из Баку в Александрию. Путешествие должно было включить очевидцев пробега в идеи Красовского. Как писала пресса «велопробегнутых» стран, в большинстве случаев это удавалось.

ВОЛОГОДСКИЙ УНИКУМ

Старший научный сотрудник так и остался при восьмиклассном образовании.

биографии

ДАКТ

Вы где-нибудь встречали старшего научного сотрудника, за плечами которого лишь восемь классов обыкновенной вечерней школы? Нет? Знакомьтесь: Николай Иванович Федышин. Занимает именно эту престижную должность в Вологодском историко-архитектурном музее-заповеднике. Его знания, профессионализм и громадный авторитет даже у самых известных специалистов никто и никогда не подвергал сомнениям.

Уникальный человек Николай Иванович! Еще в 1967 году он заткнул за пояс целую команду ученых-историков местного педагогического института и столичных спецов, доказав действительную дату росписи фресок Дионисия Ферапонтовского. Сопоставив время правления русских князей, он пришел к выводу: работа проводилась в 1502 году, за один сезон, в августе-сентябре, и длилась всего 34 дня. До этого ученые называли совсем другие сроки, но вынуждены были согласиться с Федышиным.

Он потомственный художник-реставратор, всю свою жизнь посвятивший Вологодскому кремлю. Здесь жили и работали его родители, здесь он сам родился, здесь родились двое его сыновей, которые тоже трудятся вместе с отцом.

— Вон в тех кельях мы жили до недавнего времени. Сколько дров сжигали за зиму... Ни воды, ни канализации. Моя семья последней переехала из кремля в современную квартиру. Да вот только выделили далековато, на самой окраине, не привыкну никак толкаться в автобусах, столько лет работа и дом были рядом...

Если даже просто полвека прожить в музее, невольно будешь знать его историю и запомнишь все экспонаты. А Федышин ведь рабо-

тал. И учился. Педагогами у него были известные личности. Например, археолог А. Я. Брюсов, брат знаменитого поэта. Он знал 12 языков; два сезона вел здесь раскопки. И тогда еще юный Николай ему помогал. Был учеником у местного очень известного реставратора А. И. Брагина. Хорошо знаком с московским искусствоведом Н. А. Деминой. Изучал архивы, познавая историю вологодской иконописи. Вот только дипломов ему никто не давал, так и остался при своем сверхскромном свидетельстве о неполном среднем...

На вопрос, почему же при его таланте не поступил в институт, махнул рукой. Мол, некогда было. Семья, дети, работа. Надо было спасать кремль, а не гоняться за дипломами.

— И спасли?

— Как видишь, стоит целехонький, хотя и перестроенный кое-где на иной лад. Смотри, вот та крыша: совсем не такой она была в старину, но как ни доказывали строителям, те сделали по-своему, лишь бы полегче.

Порыв ветра шевельнул язык колокола, у которого мы вели разговор, и Николай Иванович заговорил об этих творениях русских и заморских мастеров. Здесь 24 колокола — одна из самых богатых звонниц на Руси. Любопытная деталь: ни один колокол за всю историю кремля, какие бы ветры революции и социальных потрясений ни бушевали вокруг, не был сброшен с этой колокольни. Ни в 1701 году, когда по указу Петра Первого четвертая часть церковной меди должна была отправиться на пушечный двор, ни в годы послеоктябрьских перемен не отдали вологодцы свои колокола.

Федышин гладит шершавую медь Большого Лебеда, отлитого Иваном Моториным, тем самым, который начинал знаменитый царь-колокол. А потом переходит к самому большо-

му, весом в 400 пудов и родом от 1678 года...

— Сколько поколений пережил! — восклицает Николай Иванович, — а сколько еще переживет!

Вдруг наверху что-то заскрипело, натянулись тонкие тросики, и под самым ухом малые колокола начали отбивать полдень. Далеко внизу остановилась группа экскурсантов и, задрав головы, слушала перезвон.

Время отбивало часы, дни, годы, века...

Александр ВОЛКОВ.
Спецкор «45».
На снимке: художник-реставратор
Н. И. ФЕДЫШИН.
Фото **Сергея ДОНИНА.**

В КОМПАНИИ «ГЕКТОР БУКС» ПРЕДСТАВЛЯЮТ

Автор сценария и режиссер — «Гектор Букс»
Художник-оператор — «Гектор Букс»
Грим-продюсер — «Гектор Букс»
Синхронный перевод — «Гектор Букс»
Старринг: ОСЕЛОК ОСТРЯКОВ в форме

«ПОБЕГ ИЗ УМОЗАКЛЮЧЕНИЯ»

Наступило темно. Песочные часы «Клепсидра» стояли. Но шел дождь. Телевизор показывал «М-М-М» и глухонемую суку Алису. Муха делала «Ж-Ж-Ж». О. Остряков похнынул рукой, дело закрыл и так же пошел, как и дождь.

А дождь шел, как бык на красный свет, а роза ветров увяла, и в этом смысле был штиль.

Темно. Улица. Фонарь. Красный.

«ПИГАЛЬ ЖАН-БАТИСТ.
СКУЛЬПТОР-КЛАССИЦИСТ».

Табличкой ниже стояло с удовольствием его собственное имя. Отчество не стояло: «ОСЕЛОК ОСТРЯКОВ»

«А как народ?» — вспомня, пронеслось в Оселке.

А народ не безмолвствовал и не бездействовал, а делал ноги в сторону финиша, на финишной ленточке которого призывно зияло:

КАССА

В «45» тучи над городом встали. Писем. И пошел-таки писемский дождь в фонд Фирменного Казуса /ФФК/. Как со стороны Ставрополя, так и с иных сторон света. Гнали многие, и очень гнали. А капли падали на альпийский лужок, где был наш «НЕЖНЫЙ ЧЕЛОВЕК».

Своей водички в дождевую массу подлили местные ставропольцы Н. Ткачев /«Архаровец» и кое-что еще/, В. Ампилогов /«За бугром оденусь...» и кое-что еще/. Ливень усилили Е. /не путать с Беллой/ Руденко из Изобильного /«Отобедав в кабаке» и кое-что еще/, Б. Добровольский из Новоалександров-

«КРАСНОЕ САФАРИ»

Тур

Донесся рык льва, но это про другое. Не признав ни в одном близнеце крупного

«КРАСНОЕ САФАРИ»

Тур

Внимание! Иностранцы, озабоченные туристские фирмы, деловые и просто люди! Красное сафари. Тур. Вот вам несколько позиций:

1. Скверный сквер. Вы одиноки. И вы ищите двоих. За 102 \$ вам их в сквер.
2. Вам хочется в лицо. Всего 207 \$.
3. 114 \$. И — «Получите, дубль 2».
4. Аренда медвытрезвителя — 509 \$.
5. Суточные /15 штук в оригинальной упаковке/ — дорого, но надо.
6. Товарищеский /профкомовский/ суд имени Линча — см. позицию 2.

«Грандиозный скандал в австралийском Гринписе»

Правительство страны до поры, но не безуспешно, скрывало от мировой общественности факт массовой гибели сапропеля.

Заваруха осложнена тем, что под будущий урожай заключены контракты. Среди получателей фигурируют серьезные заказчики.

«Зеленые» высказали предположение, что внутренние трудности в С. Союзе вынудят правительство

«И де я? Пляс /танец/ Пигаль?» — минутка молчания.

«Пигаль. Парнас. Бордель. Разврат. И девочка на шару», — произвел Остряков недолгое дедуктивное шерше, равнул вход на себя. Вход скрипнул, и опять наступило тихо.

Острякова встречал немногословный, но обнаженный Вольтер. На его табличке было:

«Жертва перестройки» и вроде бы еще/, А. Михно из... /нет, Гуляй-Поле неправильно — из полезного города Железноводска /«После таможенного досмотра» и еще очень мало/, Ю. Самойлов из Кисловодска /«Голография» и еще невыносимо много/, М. Лермонтов из «Беглеца» /«Гарун бежал быстрее лани...»/, неблагодарные афиняне из V века н. э. /«Тимон»/, анонимный автор из кино /«А акваланги на дне...»/ и пр., пр. др.

Первой смяла финишную ленточку по имени «Касса» пара единоутробных ступней /размер 41-42/ Ю. САМОЙЛОВА, овладевшего смежной профессией стайера, пришедших со словом

ГОЛОГРАФИЯ.

А левый конец ленточки финишной держала рука голой статуи одноименного грека.

«Блеск, но ницета» — пронеслось в Остряке, уставившемся в нижний центр композиции и почему-то думавшем: «Дефлоракис». И еще почему-то: «А наш Грек был Феофан».

Умно заключив, Остряков уперся частью лба в тапок балетно-гимнастического происхождения, удумал клич: «...С ЛИЦА ВОДЫ НЕ ПИТЬ» и кинул его в массы, вместе с заодно с фото Геннадия Усоева из Москвы.

Экспонаты продолжались. На единственной смуглой груди Чанга и Энга ни к месту случилась табличка:

«Блеск, но ницета» — пронеслось в Остряке, уставившемся в нижний центр композиции и почему-то думавшем: «Дефлоракис». И еще почему-то: «А наш Грек был Феофан».

Умно заключив, Остряков уперся частью лба в тапок балетно-гимнастического происхождения, удумал клич: «...С ЛИЦА ВОДЫ НЕ ПИТЬ» и кинул его в массы, вместе с заодно с фото Геннадия Усоева из Москвы.

Экспонаты продолжались. На единственной смуглой груди Чанга и Энга ни к месту случилась табличка:

рогатого скота, Остряков приступил к читке.

7. Посещение возле общественного туалета 11 \$.

8. Городской транспорт /за час в час пик/ 29 \$.

9. Сувениры:
а. пионерский галстук за 1 /один/ а — 0,5 \$.

б. буденовка. Любого сайз — один прайз. 17 \$.

10. Возвращение в пенаты /ритуальные услуги/ — по прейскуранту + 1000 \$ /взятка/. Ждем.

«Не при валюте мы нынче» — пронеслось в Оселке, и он ждять не стал.

Портрет возник. Тартко I имел в руках азбуку, раскрытую на страничке номер «Юмор в санкулогах». Наспех пробежав: «Не называйте меня Чиппи! С уважением. Ваш Дейл Карнеги», Оселок шаркнул газетой. Газета прошамкнула:

последнего завалить внешний рынок стратегическим резервом сапропеля. Сюжет этот может иметь развитие. Между С. Союзом и Австралией уже идут разговоры на высоком уровне. Комментаторы не исключают возможность бартера: советский сапропель — австралийская баранина или свинина /неликвиды/.

«НЕТ КОНСЕНСУСА»

«Зеленая лига «Америка Севера» отозвала двум совместным музыкальным коллективам в проведении благотвори-

тельного концерта на испытательном полигоне в Неваде. Официальный представитель лиги мотивировал на пресс-

конференции нежеланием господина «стать звеном в порочной цепи шоу-бизнеса и большой политической игры» /конец цитаты/.

Менеджер же проекта «Не Вада»

Д. Юран намекнул, что, поскольку господин ведет себя глупо, это может привести «Не Ваду» в Совдеп. А именно, на совполигон, где уже тоже есть на что не на что смотреть.

«ЛУЧШЕ ОДИН РАЗ УВИДЕТЬ»

Большой успех легендарного хора «сверчков» закончился галаконцертом. Отзыв прессы зафиксировал шоковое состояние венской публики, ведь только на костюмы и декор хор выжал из Вены без малого немалую сумму.

Блистательный «Внутривенный вальс» покажут везде, кроме как в Белокаменной, по обильной причине собственных тараканов и борьбы с наркоманией.

/По материалам информационного агентства ПРИМА-ПРЕСС./

Отдельной колонкой было пристегнуто:

«СТАРОСТИ ИЗ ЛИВЕРПУЛЯ»

В тетином доме молодой Джон Леннон разводил каламбуры. Вот и два аргумента из его собственной книги «От себя писатель».

«ПИСЬ МО»

Послушай, Редактор.

Скоро вы начнете писать о нашей любимой онсамбле «Роллинг Бойз Сибиса»? Там тридцать девять классных рибят, мы от них просто балдеем и вы тоже.

Арестованным конвертом смажкой перешлите где они поют и с волосами пашлите нам.

От имени и фамилии группы фонатов.

Фонат.

«ПРОИСШЕСТВИЕ ПРОИСШЕДШЕЕ С МИСТЕРОМ ДАФИЛД»

Среди многих случаев в моей заливной книжке примечательна за-

пись о даже дливом дне, что стоял в городке Гастроно графства Вшир в конце Кошмарга одна тысяча восьмисот девяносто второго года. Мы сидели за обе дом, как вдруг Шерлок Хамс получает телемаму. Он смолзчал, но я заметил, что брови его нахмырились, лицо поселеззело. Сглотив текст, он обратился ко мне, хитро дядя прищученными глазами.

«Комплиментарно, Ваксон, — резко икнул он, — угадайте-ка, кто сбежал из замозаклучения?»

Я принялся вспоминать всех предстатников, недавно сбежавших или сбежавших из-за решки.

«Эрик Морли! — он помысал головой.

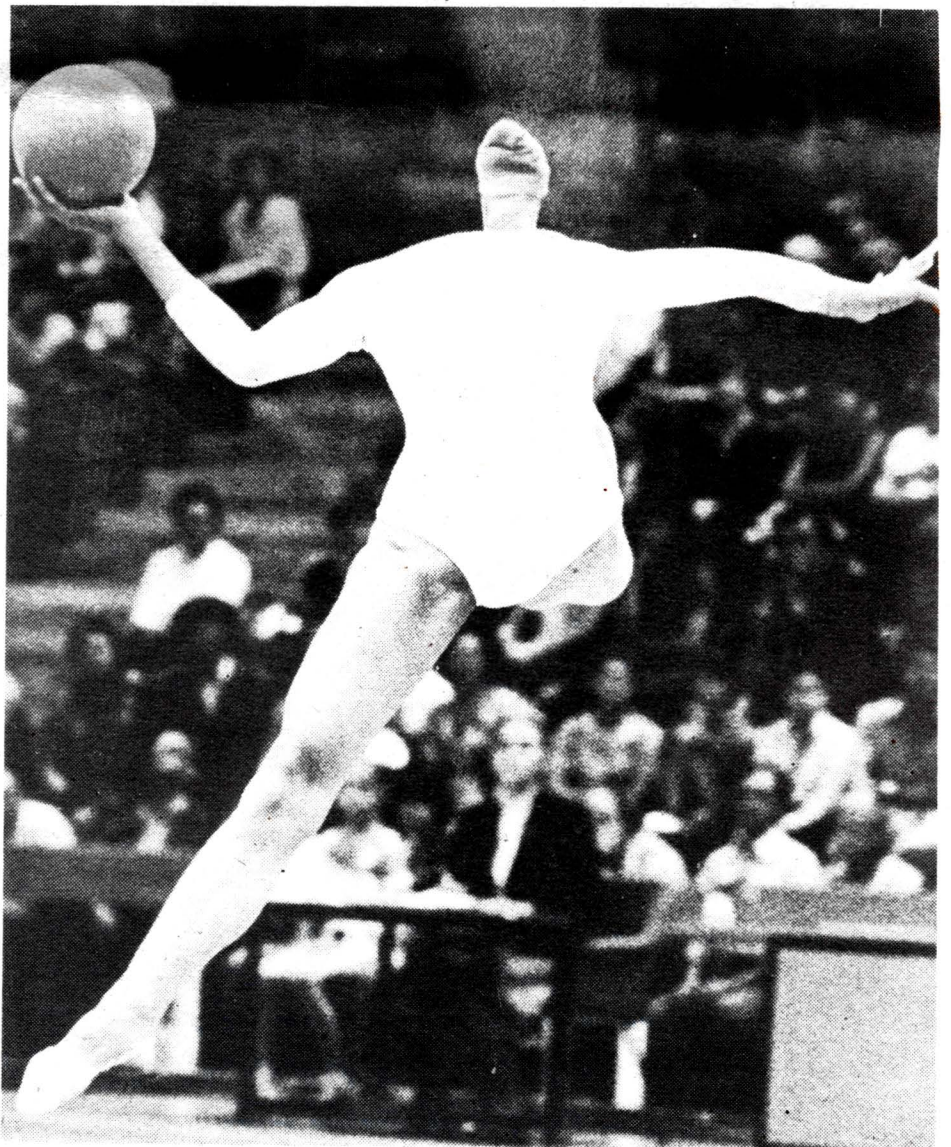
«Оксо Витни?» — пред лажил я. Никаких реакция.

«Риго Харгрейвх?»

«Нет, Навигатсон, не угадале! Оксо Витни, вот кто!» — крикнул он мне на другую сторону улицы, хотя я был на этой.

«Хамс, как вы догадались?» — подраженно шепнул я.

Итак, начало поставлено: «С лица воды не пить». А откуда лучше?

КАЗУС
и фирменный

№ 20
• 45-я параллель
• 15 —

«Алиментарно, Позватсон!»
В этот фермент в тверь постучал высокий, странно худой, высокий странный человек.

«Ухватсон, это он!»

«Хамс, ради дога объясните, откуда Вы знаете», — ухнула я, падая со стула в кресло.

(* Ответственность за соответствие перевода оригиналу Ф. Урнов взял на себя: "Так завещал великий Леннон!")

«Во мне что-то есть!» — нескромно пронеслось в Оселке. Проглоченная загодя кокосовая косточка, пустив из корня ствол и формируя крону, совершила еще единственный побег из умозаклучения.

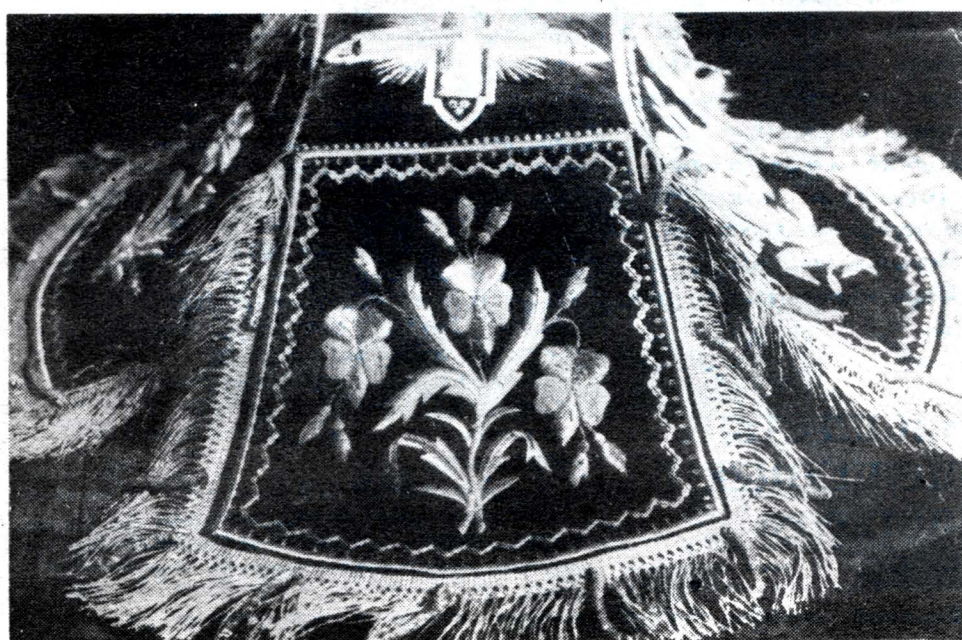
Дом Острякова ждала молодая повестка в оселковский совет. Маятник «Клипсидры» качнулся в сторону «ГЕКТОР БУКС».

«Ориентально, Кваксон», — брыкнул Хамс, выстукивая трупку о костыль. И тут в комнату ввалился — кто бы вы думали? — Оксо Витни собственной перцовою.

Хамс попал в дочку.

Перевод с он глийского: Ф. УРНОВ.*

ВО БЛЕСКЕ СЕРЕБРА И ЗЛАТА

Издревле щедра Русь на таланты. Иконопись, скань, финифть восхищают всякого, кому довелось любоваться творениями лучших умельцев. Нет предела славе русских мастериц шитья золотом по бархату и парче. Еще в средние века иноземцы отмечали: «Лучшее, что умеют здесь женщины, — это хорошо шить и прекрасно вышивать шелком и золотом». Тянется из прошлого в настоящее, не обрывается золотая связующая нить.

Уникальную коллекцию

«ЗОЛОТОЕ ШИТЬЕ В ОБИХОДЕ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ»

собрал Тульский краеведческий музей. Побывала она в Белгороде и Брянске, а сейчас свои «богатые одежды» открыла взору посетителей Ставропольского музея имени Г. К. Праве.

Не упустите случая полюбоваться рукотворным чудом. Золото по бархату. Золото веры смягчит ваш взгляд и отогреет душу.

Адрес музея: Ставрополь, улица Дзержинского, 135.

„ФЕНИКС“, „WESTEX“

далее — везде

Широко известная в деловых кругах брокерская фирма «ФЕНИКС» предлагает свои услуги на ведущих биржах Северного Кавказа. Мы имеем свои представительства в акционерных обществах, где руку дружбы вам протянут:

- РОССИЙСКАЯ ТОВАРНО-СЫРЬЕВАЯ БИРЖА;
- МОСКОВСКАЯ ТОВАРНО-СЫРЬЕВАЯ БИРЖА;
- ПРИВОЛЖСКАЯ ТОВАРНО-СЫРЬЕВАЯ БИРЖА;
- ЛЕСНАЯ БИРЖА;
- СИБИРСКАЯ БИРЖА.

«Феникс» обслужит вас на максимально выгодных условиях. Вы забудете о своих проблемах, позвонив по телефону 3-55-70.

НАШ АДРЕС: СТАВРОПОЛЬ, УЛИЦА МАЯКОВСКОГО, 9.
КОНТАКТНЫЕ ТЕЛЕФОНЫ: 5-19-04, 3-55-70.
ТЕЛЕФАКС: 5-19-04 (865-22).

ВСЕМИРНО ИЗВЕСТНАЯ ФИРМА «WESTEX», СПЕЦИАЛИЗИРУЮЩАЯСЯ НА ТРУДОУСТРОЙСТВЕ ИНОСТРАНЦЕВ В РАЗВИТЫХ СТРАНАХ, ОТКРЫЛА СВОЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО НА КAVKAZE.

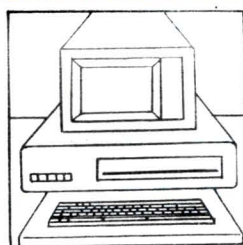
Интересы фирмы в регионе представляет отдел международного сотрудничества, действующий при фирме «Феникс».

ТЕПЕРЬ ДЛЯ ТОГО, ЧТОБЫ ПОЛУЧИТЬ НЕОБХОДИМУЮ ИНФОРМАЦИЮ ПО ВОПРОСАМ ТРУДОУСТРОЙСТВА ЗА РУБЕЖОМ, ВАМ СОВСЕМ НЕ ОБЯЗАТЕЛЬНО ПИСАТЬ В МОСКВУ, ГДЕ ТАКЖЕ ЕСТЬ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО «WESTEX», ОЖИДАЯ ОТВЕТА ПО НЕКОЛЬКО МЕСЯЦЕВ.

Достаточно позвонить в Ставрополе по телефону 5-19-04 или зайти по адресу: Ставрополь, ул. Добролюбова, 18.

Здесь вы сможете оформить документы для поиска работы за рубежом, получить адреса Службы международного знакомства фирмы «Westex». Торопитесь! «Западный экспресс» отходит строго по расписанию!

Адрес для писем: 355000, Ставрополь, улица Маяковского, 9

В США — «СТАРЧ»,
В АНГЛИИ — «БРЭД»,
В СССР — «СР-ТТС»

Максимум эффективности и минимум расходов обеспечит при проведении рекламных кампаний периодический справочник фирмы

ИНФОРКОМ

«СРЕДСТВА РЕКЛАМЫ — ТИРАЖИ, ТАРИФЫ, СРОКИ»

Все регионы страны, более двух тысяч газет, журналов, редакций радио и ТВ. Поставка в виде базы данных для IBM — совместимых компьютеров или в распечатке. Содержит названия, адреса, телефоны, тиражи, стоимость рекламы и сроки публикации. Возможность мгновенного выбора, поиска и сортировки по любому параметру или их совокупности. Ваши затраты многократно окупятся в первой же рекламной кампании. Наш справочник — это то, что вы всегда хотели иметь под рукой! Зарегистрированные пользователи справочника смогут в 1992 году получать обновленные и дополненные версии со значительной скидкой.

Для получения подробной информации пишите нам не откладывая:
107241, Москва, Б-241, а/я 37, «ИНФОРКОМ».

РЕКЛАМЕ-РЕКЛАМУ!

Продолжается прием заявок от редакций, издательств и рекламных агентств на включение в справочник.

Никогда не будет покрыто пылью забвения имя этой маленькой, поистине великой женщины, вечного ребенка, о которой Жан Кокто сказал: «Эдит птичка: ее голос будет волновать мир еще много лет».

Будущая Пиаф, известная всем, родилась 19 декабря 1915 года. Ее отец был акробатом, давал уличные представления, мать-итальянка продавала конфеты и пела в дешевых кафе. Единственный подарок — но какой! — она смогла дать своей дочери Эдит — природный голос.

Ее жизнь началась как мрачный роман, будто вышедший из-под пера Диккенса, она была полна чудес и превратностей, была отмечена проклятием рока и туманом алкоголя и наркотиков, чтобы завершиться рыданиями.

О первых годах Эдит написано много и особенно о времени, когда она, 15-летняя, начала петь на улицах, в кино, дансингах, когда ее открыл владелец известного парижского кафе «Жерни» Луи Лепле, придумавший ей артистическое имя, переводящееся примерно так — «Воробышек». Вспомним лучше те чудесные неповторимые годы, когда Эдит уже была на вершине славы, а ее голос носился над миром, приводя в восторг миллионы ценителей французской песни.

Прочитируем Кокто, который был одним из тех, кто писал о Пиаф наиболее проникновенно: «Когда она пела, любой сказал бы, что она делала это, вкладывая всю душу, до последней

Последние шестнадцать лет Жан Марэ живет в Валори, где занимается живописью и гончарным ремеслом. Накануне фестиваля театра Валори-Гольф-Жуан, который теперь носит его имя, он открыл дверь своего дома и своей мастерской, наполненных воспоминаниями о Жане Кокто, для «Пари-матч».

— Чем вы занимаетесь с тех пор, как поселились в Валори?

— Работаю. Я занимаюсь живописью, это мое давнее увлечение. Еще пацаном я украл коробку красок. В тот день начал писать. Однако после знакомства с Кокто уже не осмеливался брать в руки кисть. Неожиданно для себя я, невежа, оказался в другой Вселенной.

Я открыл Барка и Пикассо, и мне стало стыдно за то, что я делал.

— Значит, это вы привили Кокто вкус к занятиям живописью?

— Думаю, да. Он рисовал, но не писал. Однажды, в 1950 году, он увидел, как я занимаюсь этим в Сен-Жан-Кап-Ферра. Его задело то, что сам он не пишет. И он написал свое первое полотно с меня, в то время как я сам писал картину. Позже, когда мы были на отдыхе в Аркашоне, тайком от Жана я написал мертвые деревья посреди цветущей природы. Я не хотел, чтобы он увидел эту картину. Он все же нашел ее. И повесил у себя в комнате, сказав мне, что она красива. Я не верил в это до того дня, когда Пикассо, обнаружив ее, не заявил, что, если бы он увидел ее в галерее, то непременно купил бы. Это вдохновило меня.

капли. Посмотрите на это хрупкое существо с руками ящерицы среди руин. Посмотрите на этот лоб Бонапарта, на эти слепые, невидящие глаза, которые прозревают будущее. Как она будет петь? Неужели из этой узкой груди возникнут глубокие ночные жалобы? Она начинает петь. Или, скорее, как соловей в апреле, пробует начать петь свою любовную песню. Знаете ли вы, чего это стоит соловью? Он мучается, сомневается, издает какие-то звуки до тех пор, пока наконец не решится. Исполняет свой вокализ, ищет ноту...

Эдит Пиаф прощупывает публику, саму себя, чтобы найти свою песню. И внезапно вырывается голос. Он заполняет ее с головы до пят, вырастает и спускается, как огромная черная бархатная волна. Это геплая волна покрывает нас, пронизывает нас, проникает в нас. Эдит Пиаф, подобно невидимому соловью, замершему на своей ветке, делается невидимой. В этот миг от нее остается только взгляд, ее бледные руки, ее восковой лик, притягивающий свет, и этот голос, напор которого, усиливаясь постепенно, замещает ее, голос, который растет, как тень на стене. С этого момента гений Эдит Пиаф становится осязаем, и каждый понимает это. Она превосходит саму себя, превосходит свои песни и этим опережает и музыку, и слова. Она опережает всех нас. Душа улицы обращается к домам, которые ее окружают. Душа улицы проникает во все квартиры города. Это уже не Эдит Пиаф, которая поет, это — дождь, это — ветер, это — лунный свет, окутавший все своим покрывалом...

Когда она впервые появилась перед публикой и на киноэкране в качестве партнерши Ива Монтана в картине

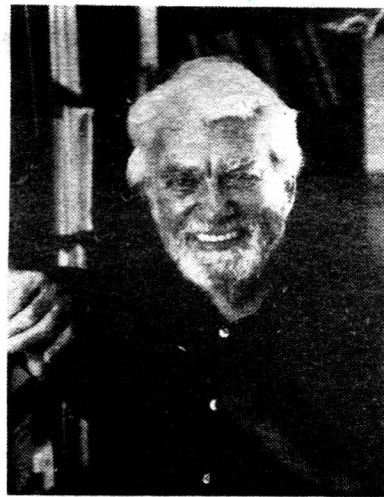
«Звезда без света» режиссера Марселя Бленстена, во Франции это вызвало настоящий фурор. Два уже всемирно известных певца были молоды, красивы и влюблены, а с момента окончания второй мировой прошло уже целых два года. Картина эта была снята специально для Эдит. Романтический сюжет вращался вокруг ее песен «Свадьба», «Прощай, сердце мое», «Прекрасно», «Это была любовь».

Всю жизнь, до последнего часа, эта женщина верила, или, скорее, хотела верить в счастье. На протяжении всей своей невероятно трудной, драматической жизни сохраняла в себе отчаянную ностальгию и огромную необходимость в радости. Она говорила:

Это — дождь, это — ветер, это — лунный свет... Жан Кокто

ПАРИЖСКИЕ ТАЙНЫ

Жан Марэ

Кокто был моим творцом и остается моим Богом.

Еще я занимаюсь гончарным делом. У меня уже была такая мысль, когда переехал в эти места.

— Как вы считаете, заниматься живописью или гончарным делом на Юге — это лучше или хуже, чем быть актером?

— Мне трудно сравнивать эти разные ремесла. Я просто развлекаюсь. И удача сопутствует мне. Когда пишу, то делаю это медленно. Когда играю, то не считаю, что я — хороший актер. Но мне радостно, и я чувствую себя ребенком.

— Вы считаете себя художником?

— Ни за что на свете! Что я рядом с Микеланджело или Утрилло? Пустое место.

— Что заставляет вас работать?

— Я испытываю в этом потребность. Некоторые занимаются спортом. Что касается меня, я играю. И делаю то, что мне нравится.

— Когда из ваших рук выходит какая-нибудь вещь, испытываете ли вы хоть малейшее желание создать что-то вечное?

— Конечно, нет. Мне наплевать, что будет потом, за пределами того, что можно представить себе. Я в это совершенно не верю. Для Кокто, да. Для меня — нет. К тому же возраст совсем не даст мне права принимать себя всерьез.

— Когда вас спрашивают о вашей карьере или о знаменитых героях, которых вы создали, это вас раздражает или развлекает?

— Это трогает меня. Но, положив руку на сердце, я не думаю, что оставил след в прожитых мною годах. В кино — точно нет. В театре, может быть. Несмотря на свои недостатки и связанные со мною скандалы.

— Что вы подразумеваете под своими недостатками?

— Основная идея доброй половины критиков и публики в том, что меня следовало дублировать хорошим актером и связать руки за спиной. В театре себя не видишь. А на экране твои недостатки возрастают стократно, как, например, моя манера говорить и ходить. Но я счастлив, что у меня есть недостатки. Если бы я был совершенством, жизнь была бы скучна. А так — всегда пытаюсь стать лучше.

— Но есть одна область, в которой вы не сможете найти изъянов. Это изящество и внешность. Нравится вам это или нет, но вы были воплощение земной Красоты.

— Не думайте, что я кокетничаю — никогда не считал себя красивым парнем.

Люди часто создают себе проблемы из ничего. Я думаю, что надо научиться иметь одну линию поведения. Сам я научился этому. Я скавал себе, раз и навсегда, что у меня есть желание нравиться. Причем хочу нравиться больше внутренне, чем внешне.

— Для этого необходимо быть откровенным?

— Да. Я всегда был откровенен. Я написал книгу «История моей жизни», искреннюю и правдивую, в которой рассказал, что моя мать была клеptomанкой, что вначале мною двигало стремление сделать карьеру и что я был гомосексуалистом. Можно ли быть более откровенным?

— Да, действительно.

— Это Кокто научил меня никогда не жульничать.

— Я не спрашиваю вас о Кокто, а вы его все время упоминаете.

— Потому что до сих пор все вокруг

«Смех — часто единственный кусочек счастья для людей, которые несчастливы».

Была ли счастлива она? Нет. Но ей всегда удавалось противопоставить какой-нибудь пируэт — тоске, насмешку — тревоге, вальсовый такт — горю.

Вечером 28 октября 1949-го, когда пришло первое несчастье — погиб ее любимый известный боксер Марсель Сердан, Эдит Пиаф пела в Нью-Йорке. В финале концерта все в зале встало. Никто не аплодировал. Никто не проронил ни слова. Они продолжали стоять и молчать даже тогда, когда упал занавес и погас свет. И бесшумно покинули зал, выражая свое уважение к горю сломленной женщины, плачущей за опущенным занавесом...

Ее исполнение всегда волновало и будет продолжать волновать, потому что душа ее была душой человека из народа, потому что песни ее брали свое начало прямо на улице, потому что голос ее был голосом боли. Эдит, которая так любила смеяться, была для публики трагическим образом. Ее легендарная судьба была подарена ей мостовой. И даже в блеске крупнейшего мюзик-холлов она оставалась до конца уличной певицей, певицей страдания. Ее голос неповторим, единственный.

По материалам «Дерниер Йор» подготовила Диана НЕРСЕЦОВА (Краснодар, 45° с. ш.).

напоминает мне о нем. Он сделал для меня столько, что трудно даже представить. Он меня всему научил. Все дал. Он был моим творцом и остается моим Богом.

— И все же, в первый раз, когда он сказал, что влюблен в вас, вы ответили ему, что испытываете те же чувства, но вы лгали...

— С нашей первой встречи я думал лишь об успехе. Я ведь уже сказал, что был карьеристом. А потом любил его, так как его невозможно было не любить.

— Нет ли у вас сейчас чувства, что вы живете с привидением?

— Конечно, нет. Жан был поэтом, и он бессмертен.

— Вы думаете, что когда-нибудь вновь обретете его?

— Да, самые ужасные минуты, которые можно испытать в жизни, те, когда мы теряем любимых.

— Не кажется ли вам, что на вашу долю выпало много горя?

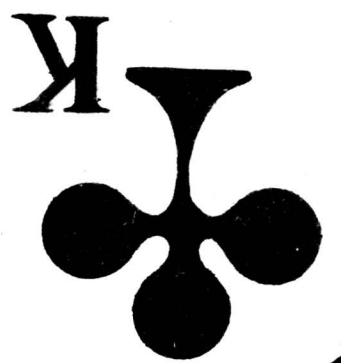
— По сравнению с другими людьми я — счастливчик. Я обязан этим тому факту, что большой эгоист и думал только о себе. Только о своем счастье.

— Каково ваше душевное состояние?

— Я всегда думал, что настоящий успех состоит в том, чтобы чувствовать себя счастливым. Сегодня, в 78 лет, я не чувствую себя горемыкой. Это уже счастье...

Анри-Жан СЕРВЬЕ («Пари-матч»).
Перевод Виталия БЕРЕЖНОГО (Пятигорск, 44° с. ш.).

«45» благодарит сотрудницу Ставропольской краевой библиотеки им. М. Ю. Лермонтова Зинанду Доллину за раскрытие одной из парижских тайн.

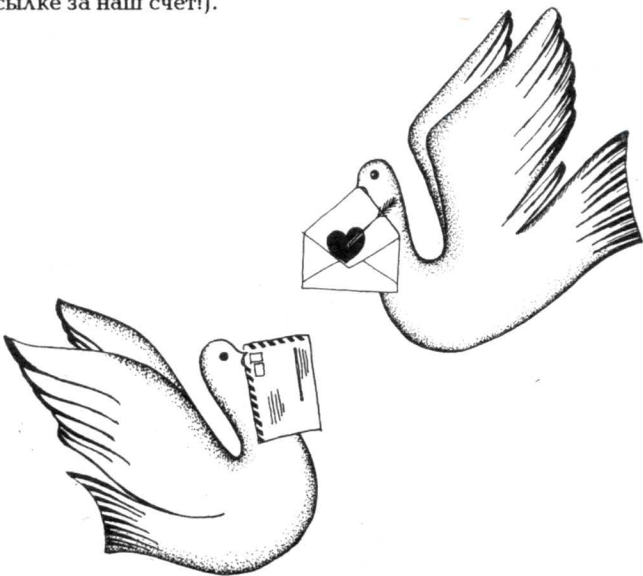
КОМПЛИМЕНТ

ИЗВЛЕЧЕНИЕ ИЗ ПРАВИЛ

Может, в порядке исключения, разрешите индивидуальную подписку на 1992 год?!» — вопрошая, восклицает редактор газеты «Молодежная орбита» из города Прохладного, расположенного в Кабардино-Балкарии, Игорь Воробец. Увы, коллега, увы! Одно исключение, другое. И... Ну, вы и сами догадались. Нет ничего более, чем менее... Лучше мы для жаждущих подписки, а их число измеряется, сами понимаете, не десятками и даже не сотнями, приведем извлечение из правил. Отвечаем Алексею Молокову из Москвы, Владимиру Зубкову из Усть-Илимска, Инессе Егорычевой из Шахт, Ярославу Поддубному из Киева, Елене Коштовой из Санкт-Петербурга и всем всем интересующимся.

Индивидуальную подписку «45» пока не объявляет! Зато всячески поощряет коллективную. Организация либо частное лицо вправе получить не менее 100 и не более 500 экземпляров изданий ежемесячно. Со значительной торговой скидкой. Это значит, что 100 экземпляров «45» и приложения (по цене один и два рубля соответственно) обойдутся вам не в 300 рублей, а в 250, сюда включаются расходы по пересылке за наш счет!).

Нет ничего более, чем менее...

Реклама — это ваш шанс!

Подписка пойдет после получения квитанции о переводе из расчета — минимум 250 рублей в месяц за сто экземпляров и максимум 1.250 — за 500. Возможен и вариант отправки искомой суммы на счет № 609822 в Промкомбанке Ставрополя, МФО 231211. Напоминаем адрес: 355045, Ставрополь, ул. Суворова, 1, «45-я параллель».

Нетрудно прикинуть, что организаторы коллективной подписки смогут иметь своеобразную премию в виде торговой скидки.

Завершим же извлечение из правил вот этим криком души:

«Приобрету или возьму в обмен на книги сентябрьский номер ежемесячника «45-я параллель» за 1990 год, а также литературные приложения к нему за апрель-сентябрь 1990 года.

С предложениями обращаться: 480129, Алма-Ата, пос. Кирово, ул. Звездная, 8, Бабкову С. Г.»

ДАЙДЖЕСТ КУРАНТЫ

Новые возможности для вас — это реклама ваших товаров и услуг в еженедельнике

«ДАЙДЖЕСТ-КУРАНТЫ»

Высокая популярность «Курантов» плюс всесоюзное распространение «Дайджеста» — это залог ваших деловых успехов!

Прием рекламы в «Дайджест-Куранты» по средам и четвергам с 11.00 до 13.00 и с 16.00 до 18.00 по адресу: Москва, ул. Станкевича, 12. Телефон (095) 229-03-13. Факс (095) 292-55-15.

ЛИНИЯ

В издательстве «Прогресс» готовится к печати книга «Закливание Добра и Зла: Александр Галич — о его творчестве, жизни и судьбе рассказывают статьи и воспоминания друзей и современников, документы, а также истории и стихи, которые сочинил он сам». Составитель и автор предисловия Нина Крейтнер. С разрешения издательства мы продолжаем публикацию отдельных фрагментов из этой книги*.

...И даже для этой эпохи Дела наши здорово плохи.

А. ГАЛИЧ. «Занялись пожары!»

«Когда я вернусь...» — так назвал А. Галич одну из последних песен, созданных в Москве. «Когда я вернусь...» — говорил он здесь, —

Засвистят в феврале соловьи — Тот старый мотив — тот давнишний, забытый, запетый.

И я упаду. Победенный своею победой, И ткнусь головою, как в пристань, в колени твои!

Когда я вернусь...

«Когда я вернусь» — эти слова были мечтой, заклинанием и, при всех оговорках, выражением веры в будущее. В последние годы Галич был угрюм — тем, кто часто встречался с ним, казалось, что вокруг него сгущаются тени. В прежнее время в нем играла сила; после смерти нового «Тормоза» страна начала оживать, двигаться, улыбаться — тогда и он был феерически остроумен, бесшабашен, даже — весел. К тем годам относятся такие баллады, как «Леночка», написанная не только о молоденькой красотке, которая «милиции сержант», но и от нее, как бы от ее имени — весь мир увиден ее простодушным взглядом, да и вся нехитрая песенка — это ее мечта о волшебном принце, принимающем в ее воображении более для нее привычные черты африканского гостя, встреченного в Шереметьевском аэропорту:

Вокруг охрана стеночкой Из КГБ, но вот Машина рядом с Леночкой Свой замедляет ход.

А в той машине писанный Красавец-эфиоп, Глядит на Лену пристально Красавец-эфиоп.

И, встав с подушки кремовой, Не промахнуться чтоб, Бросает хризантему ей Красавец-эфиоп!

В сказке свои законы. Понятно, что наутро за Леночкой прибывает нарочный, который везет ее на встречу с принцем — и тот уже сидит, полный нетерпения, «сидит с моделью вымпела и все глядит надверь», и ждет, когда же появится, наконец, его красавица, и вдруг:

Вся в тюле и в панбархате В зал Леночка вошла, Все прямо так и ахнула, Когда она вошла...

Может ли быть иначе? Останкинская девочка Лена Потапова становится шахиней — и, как говорится в сказках, «стали они жить и добра наживать», «и я там был, мед-пиво пил...» Счастливая сказка про Леночку, сержанта милиции, и все же есть в ней шмяцая нотка: Леночкин идеал красоты, роскоши, богатства выражен строкой: «вся в тюле и в панбархате...» Да и видала ли она панбархат или только слышала о нем от бабушки? К тому же мечта ее осуществляется в волшебной сказке, а что будет в жизни?

Женские судьбы у Галича двойственны; их трагизм прикрыт поверхностным благополучием, в сущности только углубляющим мрачность картины. «Леночка» относится к «розовому» периоду Галича. Позднее сумерки будут сгущаться. В песне «Караганда» — судьба генеральской дочери из Ленинграда: ее родителей расстреляли, она осталась одинокой, и вот слестнулась с шофером грузовика, который иногда к ней приезжает и, нажравшись водки, заваливается спать:

Он спит, а я сижу у огня, Режу мелко на водку лучок, А ведь все-таки он жалует меня, Все-таки ходит, все-таки дышит, сучок! А и спи, проспись ты, мое золотце, А слезы — что ж, от слез хлебе солитесь, А что мадам его крутит мордую. Так мне шлевать на то, я не гордая.

Трудно представить себе историю грустнее — гибель родителей, детский дом для детей врагов народа в Караганде, смутные, далекие воспоминания о садике с «Медным всадником»:

А тридцать лет назад я с мамой в том саду... Ой, не хочу про то, а то я выть пойду...

1.

Потом — торговля сельдами в карагандинском продмаге и одна отрада — пьяный шоферюга, «он барыга, и калымщик, и жмот», и весь характер его виден из строфы о том, как он встает ночью:

Он проснулся, закурил «Беломор», Взял пинжак, где у него кошелек, И прошлепал босиком в коридор. А вернулся — обратно залег.

Для нее этот жмот — единственная возможность спастись от одиночества — Все-таки ходит, все-таки дышит, сучок! Ее история освещена любовью. И добротой: завтра им с базы сельдь завезут:

Я себе возьму и кой-кому раздам, Надо ж к празднику подзаправиться! А пяток сельдей я пошлю мадам, Пусть покушает, позабавится!..

Самоотверженная преданность, доблесть, благородство — можно ли словами говорить о галичевских пьесах? Можно. Его сюжеты полны шекспировского трагизма, только его герои — не короли, а замордованные бытом и нуждой советские бедолаги. Такова в песне «Веселый разговор» девочка, которая, потеряв маму, выучилась на кассиршу и отвергла посягательства завмага Званцева:

А она ему в ответ из-за кассы — Дожидаю, мол, прекрасного принца.

Дождалась она не принца, а техника Алешу («Хоть и лысый, и еврей, а хороший»), и его в начале войны убили, и снова она отвергла Званцева, а тот со зла стукнул на нее, «обнаружили ее в недостатке. Привлекли ее по сто тридцать пятой», и пошла она в лагерь по указу.

А там амнистия, и снова в кассу.

Глядишь, уже и дочке двадцать, и тот же Званцев завлекает дочь — и стала дочь женой Званцева, который теперь ее называет «мамашей», —

И сидит она в своей кассе, А у ней внучок в первом классе...

Обыкновенная жизнь советской женщины? Да причем воссозданная с почти неправдоподобной точностью исторических и бытовых деталей. К началу войны, когда она встретилась с Алешей, ей двадцать; проходит время, дочери восемь лет — это, значит, 1949 год, и ее отправляют в лагерь по указу. «А там амнистия» — то есть после смерти Сталина, в 1953; значит, три-четыре года она в лагере отсидела, и, когда вернулась, дочке было 12—13 лет, еще 8 лет, до брака дочери — начало 60-х годов, и ей чуть больше сорока, но последний куплет гласит:

А касса щелкает, касса щелкает, Не копеечкам — жизни счет! И трясет она белой челкою, А касса: щелк, щелк, щелк...

В сорок лет — сплошная седина, так и жили советские женщины. Если наши дети захотят получить представление о быте послевоенных лет, пусть прочитают в песни Галича, из которых каждая — роман; тем более что настоящих-то романов об этой поре почти нет. Кто рассказал о судьбе генеральской дочери из Караганды? Или о судьбе билетерши, Тонечкиной соперницы, которую бросил ее сожитель ради дачи в Павшине; он, сожитель, и сам нагло хвастает:

Я живу теперь в доме — чаша полная, Даже брюки у меня, и те на молнии; И папаша приезжает сам к полуночи, Топтуны и холуи тут все по струночке! Я папаше подношу двести граммчиков. Сообща анекдот про абрамчиков...

*Первый фрагмент из книги «Закливание Добра и Зла...» был напечатан в № 19 «45».

ЛИНИЯ

№ 20
• 45-я параллель
• 18

Даже и в этой истории нет простого решения: избравший дачу в Павшине презирает свою Тоньку и рвется к той, другой, которая «стоит в дверях замерзшая»:

**Вся замерзшая, вся продрогшая,
Но любовь свою превозмогшая,
Вся иззябшая, вся простывшая,
Но не предавшая и не противившая...**

Галич не скупится на объяснения в любви. Но любимые им женщины — это

не знаменитые кинозвезды, не цветущие красотки:

**Я люблю вас, глаза ваши, губы
и волосы;
Вас, усталые, что стали до времени
старыми,
Вас, убогих, которых газетные полосы
Что ни день — то бесстыдными славят
фанфарами...**

(«Признание в любви»).

2.

Удивительное свойство этих романсов-романов: люди, изображаемые, казалось бы, бегло, сжато, на самом деле даны как сгустки противоречий и, что особенно важно, нередко и как характеры сильные, заслуживающие восхищения, порою героические — разумеется, в соответствии с предложенными обстоятельствами. Постороннему читателю, не знающему советской действительности, как ему понять «Больничную цыганочку»? От имени шофера тут рассказана история аварии, случившейся по вине пьяного начальника, — теперь оба они в больнице, только начальник в отдельной палате со всеми привилегиями, а шофер — в общей, как вся прочая сволочь:

**Я возил его, падлу, на «Чаячке»,
И к Маргошке возил, и в Филю.
Ой, вы добрые люди, начальнички!
Соль и гордость родимой земли!**

Шоферу приходилось быть холуем, и он начальника презирает: «Падла!» —

суть советского государства, как Галич. Никто с такой афористической отчетливостью не показал того, что можно назвать парадоксом советского человека: он одновременно триумфатор и раб, победитель и побежденный, герой и ничтожество:

**Он брал Берлин! Он, правда, брал
Берлин!
И врал про это скучно и нелепо,
И вышибал со злости клином клин,
И шифер с базы угонял «налево».**

**Он водку пил и пил одеколон,
Он песни пел и женщин брал
нахрапом!
А сколько он повкалывал кайлом!
А сколько он протопал по этапам!**

Эта «Горестная ода счастливому человеку», посвященная генералу Григоренко, кончается итоговой строкой-формулой:

Александр
ГАЛИЧ.
Снимок из
семейного
архива
Галичей.
Фото-
репродукция
Сергея
СОСЕДОВА
(Москва).

говорит он. Но от санитарки он узнает о смерти начальника, и в глазах у него темнеет:

**Да, конечно, гражданка
гражданочкой,
Но, когда воевали, братва,
Мы с ним вместе под этой кожаночкой
Ночевали не раз и не два,
И тянули спиртягу из чайника,
Под обстрел загорали в пути...
Нет, ребята, такого начальника
Мне, наверно, уже не найти!..**

Как же это понять? Шофер ненавидит и презирает своего начальника или понимает общность их судьбы и свою с ним связанность? Оба утверждения верны. Никто так не обнаружил бесчеловечную

И сух был хлеб его, и прост ночлег!
И все народы перед ним — во прахе.
Вот он стоит — счастливый человек,
Родившийся в смиренной рубахе.

И хотя Галич не идеализирует своего земляка, он бесконечно далек от того, чтобы видеть в нем отвратительного и хищного, ничтожного и крысоподобного «homo sovieticus», какого принято рисовать с недавних пор в эмигрантских сочинениях. Шофер из «Больничной цыганочки», много лет униженный новофеодальными порядками, сохранил вольнолюбие, благородство, гордость, преданность и юмор, а главное — уважение к самому себе, своему прошлому и настоящему.

3.

тексте его песни строки Хармса, сохранившись, приобретают конкретно-исторический характер кошмара:

**И вот однажды поутру
Вошел он в темный лес,
И с той поры, и с той поры,
И с той поры исчез...**

Так — у Хармса. А Галич преобразует это исчезновение в символ времени:

**Он шел сквозь свет,
Он шел сквозь тьму,
Он был в Сибири и в Крыму,
И опер каждый день к нему
Стучался как дурак...**

**И много, много лет подряд
Соседи хором говорят —
Он вышел пять минут назад,
Пошел купить табак...**

**Из дома вышел человек
С веревкой и мешком
И в дальний путь, и в дальний путь
Отправился пешком...**

Галич строит свои вариации на этом детском стихотворении Хармса; в кон-

Все это у Галича называется «Легенда о табаке», и в самом деле — это легенда, потому что Хармс не исчез, не обманул опера, а погиб, как многие другие, от пули в затылок. Таков голос, повествующий о Д. Хармсе. Об О. Мандельштаме поет другой голос, близкий к мандельштамовскому, — он твердит строки из «Tristia»: «И только и света, что в звездной колючей неправде», и выражает горечь поэта, навсегда связанного с торжественной Элладой, во время обыска 1934 года:

**И хочешь, не хочешь — слезай
с карусели,
И хочешь, не хочешь — конец одиссеи!
Но нас не помчат паруса на Итаку:
В наш век на Итаку везут по этапу,
Везут Одиссея в телячьем вагоне,
Где только и света, что нету погони!..**

Галич создал галерею прославленных современников. Но главная его заслуга в том, что эти герои и мученики — знаменитые поэты и артисты — стоят в одной шеренге с теми, кого называют простыми людьми: с мучениками безвест-

Никогда Галич не опустился до того, чтобы считать свою страну страной палачей и дебильных стариков, управляющих ею. Его отъезд в эмиграцию был насильственным — незадолго до этого вынужденного самоизгнания он написал «Песню исхода», где через силу благословлял беженцев:

**Уезжаете? Уезжайте —
За таможни и облака.
От прощальных рукопожатий
Похудела моя рука.**

Он понимает тех, кого провожает и оплакивает:

**И от этих усатых шатий,
От анкет и ночных тревог —
Уезжаете? Уезжайте,
Улетайте, и дай вам Бог!**

Понимает, благословляет на новую жизнь:

**Улетайте к неверной правде,
От взаврадашних мертвых зон —**

но сам он избрал другую участь — его долг здесь:

**Я стою — велика ли странность?
Я привычно машу рукой!
Уезжайте! А я останусь.
Я на этой земле останусь.
Кто-то ж должен, презрев усталость,
Наших мертвых стеречь покой!**

Так он писал в конце 1971 года. Три года спустя, в июне 1974 года, его вытолкнули в эмиграцию. Он уехал со словами: «Когда я вернусь...» и с пониманием того, что

**Мы готовимся к зимовке,
Нам прожить на той зимовке
Предстоит немало лет...**

В этой песне есть очень грустная строфа, где предчувствие эмиграции выражено так:

**Мы потуже стянем пояс —
Порастай, беда, бьшем!
Наша льдина не на полюс,
Мы подальше, чем на полюс, —
В одиночестве плывем.**

Среди последних в Москве написанных песен была «Песня об Отчем Доме». Она же — одна из горчайших и сложнейших. Отчий дом — о нем еще сказано: «Золотой мой недолгий век» — это Россия и неотделимая от нее жизнь того мальчика, который здесь, под этим небом, родился, научился видеть и слышать мир:

**Здесь однажды очнулся я, сын земной,
И в глазах моих свет возник.**

ными и безмянными. Да и те, что кажутся смешными, даже пародийными, рассмотрены внимательно, бережно, с интересом к их человеческим свойствам, даже к их комическим чертам. У Галича к его алкашам или хапугам нет презрения — он ненавидит палачей, тех, о ком он без всякой жалости сказал: «Палачам бывает тоже страшно. — Пожалейте, люди, палачей». А презирает он ничтожных стариков, которые взвалили на свои плечи не осознанный ими груз — управление великой страной:

**По утрам их терзает кашель,
И поводят глазами шало
Над тарелками с манной кашей
Президенты Земного Шара!**

Эта песня содержит повторяющуюся строку «Старики управляют миром...» Им, старикам, не важны наши судьбы:

**Им важнее, где рваться минам,
Им важнее, где быть границам...
Старики управляют миром.
Только им по ночам не спится...**

4.

**Здесь мой первый гром говорил
со мной,
И я понял его язык.**

И вот его, Сашу Гинзбурга, прославившего свой язык и свое поколение под псевдонимом «Александр Галич», его отлучают от дома и языка:

**Как же странно мне было, мой Отчий
Дом,
Когда Некто с пустым лицом
Мне сказал, усмехнувшись, что в доме
том,**

Я не сыном был, а жильцом.

**Угловым жильцом, что копит деньги —
Расплатиться за хлеб и кров...**

Что ж, раз он непризнанный сын (вспомним у О. Мандельштама: «Я непризнанный брат, отщепенца в народной семье...»), раз надо платить по счетам — он заплатит жестокому кредитору:

**Но когда под грохот чужих подков
Грянет свет роковой зари —
Я уйду, свободный от всех долгов,
И назад меня не зови.**

**Не зови вызволять меня из огня,
Не зови разделить беду,
Не зови меня!
Не зови меня...
Не зови —
Я и так приду!**

Всякий раз, когда я слышу то ли горестные, то ли злорадные уверения, будто бы никакой России давно нет на свете и будто бы спасти последних, уже и биологически вырождающихся русских людей может только новая мировая война, и будто бы евреи в России — чужаки-иностранцы, выдающие в ней ненавистную махеху, — так вот, всякий раз я вспоминаю это рыдание изгнанного из своего Отчего Дома Саши Гинзбурга — Александра Галича, рыдание, звучащее клятвой:

**Не зови меня!
Не зови меня...
Не зови —
Я и так приду!**

Говорят, мертвые остаются молодыми. Это верно. Но верно и то, что мертвые не делятся на уехавших и оставшихся. Среди мертвых эмигрантов не бывает. Герцен и Гейне погребены во французской земле, но кто скажет, что их нет в России и Германии? Слово Галича, его доброта и юмор, его поэтический темперамент и феноменальная наблюдательность, его хрипловатый трагический голос — все это осталось в России и живет в ней навсегда.

1982.

Ефим Григорьевич ЭТКИНД

— литературовед, критик, переводчик, профессор, один из крупнейших специалистов по теории и анализу стиха. Жил в Ленинграде. В 1974 году был вынужден эмигрировать. Его фундаментальный труд «Материя стиха» пока не издан в СССР. Статья первоначально была напечатана в САМиздате, впервые опубликована в журнале «Континент» (1975, № 5).

ВЗГЛЯДЫ НА ДУХОВНОСТЬ И ЭТКУ

Пожалуй, самыми неизвестными для широкого круга читателей из вышедших в свет произведений Солженицына остаются его драматические работы. Образно говоря, проза из-под пера А. И. — это Солженицын «наиболее», а пьесы — Солженицын «наименее». Такая оценка идет от самого писателя, который однажды так сказал о своем творчестве: «Из-за полного своего невежества я особенно маху дал в пьесах. Когда стал писать пьесы в лагере /Экибастуз/, потом в ссылке, я держал в представлении единственно выделенные мною театральные спектакли провинциального Ростова 30-х годов, которые уже тогда никак не соответствовали мировому театральному уровню. Уверенный, что главное в творчестве — правда и жизненный опыт, я недооценивал, что формы подвержены старению, вкусы XX века резко меняются и не могут быть оставлены автором в пренебрежении. Теперь-то, похаживая в московские театры 60-х годов /театры, увы, уже не артистов и даже не драматургов, театры режиссеров как почти единственных творцов спектакля/, я жалею, что писал пьесы».

А. И. Солженицын, 1962 год. Возможно, именно так выглядел писатель впервые в «Современник».

Зато мы, Александр Исаевич, несколько не жалею, ибо ваши пьесы — это факт. Причем факт Большой Литературы. Вот почему «45» на этот раз обращается к биографическому срезу: Солженицын-драматург.

Прежде чем поведать об удивительных — по эмоциональной и информационной насыщенности! — встречах в Москве, которые состоялись у автора серии публикаций «Корни и корона», «45» дает короткую литературоведческую справку:

«Известно, что единственный экземпляр «Пира победителей» был захвачен КГБ в 1965 году, выпущен специальным изданием, предназначенным только для членов ЦК КПСС, и много лет служил доказательством солженицынского антисоветизма. Автор горячо протестовал против похищения рукописи. Он решился напечатать пьесу лишь в 1981 году, в 8-м томе собрания сочинений.

За нею следует трагедия «Пленники», происходящая в одной из контрразведок «СМЕРШ» /сокращенное от «смерть шпионам»/.

Пьеса «Пленники», о самом существовании которой стало известно только в 1981 году, была, по-видимому, тем горнилом, в котором Солженицын начал испытывать свою концепцию русской национальной судьбы. Первоначально она называлась «Декабристы без декабря».

Наконец, третья часть — драма «Республика труда», — запечатлевшая несколько дней жизни ИТЛ в октябре 1945 же года. Как видно, и здесь применен излюбленный автором прием сгущения времени; кроме того, все части трилогии объединены проходным персонажем — прорабом писателя, знакомым уже по роману «В круге первом» капитаном Глебом Нержиным /а в «Пленниках» появляется еще и «романный» Рубин./»

/Жорж НИВА. «Солженицын»/

А. И. Солженицын, 1968 год. Снимок подарен «45» Еленой Владимировной Рождественской. /Публикуется впервые/.

КНИГА судьбы

— 20 - 21 — № 20 — 45-я параллель

Сегодня у нас речь пойдет в основном о третьей по счету пьесе писателя — о «Республике труда»: ее А. И., для того чтобы преодолеть рогатки цензуры, назвал «Олень и шалашовка» и предложил театру «Современник».

«...Непростительным же считал Твардовский и что с «Оленем и шалашовкой» я посмел обратиться к «Современнику». Обида в груди А. Т. не покоилась, не тускнела, но шевелилась. Он много раз без необходимости возвращался к этому случаю и уже не просто порицал пьесу, не просто

говорил о ней недоброжелательно, но предсказывал, что пьеса не увидит света, то есть выражал веру в защитную прочность цензурных надоб. Более того, он сказал мне /16 февраля 1963 года, через три месяца от кульминации нашего сотрудничества!/:

— Я не то чтобы запретил вашу пьесу, если б это от меня зависело... Я бы написал против нее статью... Да даже бы и запретил.

Когда он говорил недобрые фразы, его глаза холодели, даже белели, и это было совсем новое лицо, уже несколько не детское. /А ведь для чего запретить? Чтоб мое имя побережь, побуждения добрые.../

Я напомнил:

— Но ведь вы же сами советовали Никите Сергеевичу отменить цензуру на художественные произведения?

Ничего не ответил. Но и душой не согласился, нет, внутренне у него это как-то не увязывалось. Раз вещь была не по нему — отчего не задержать ее силой государственной власти?..»

/Александр СОЛЖЕНИЦЫН. «Бодался теленок с дубом»/.

Итак, Москва. Чистопрудный бульвар. Театр «Современник». Ищу людей, которые присутствовали при чтении пьесы «Олень и шалашовка».

Помощник главного режиссера по репертуару Валерий Стародубцев посоветовал позвонить Елене Владимировне Рождественской, заведовавшей в 60-е годы литературной частью театра. Спасибо моей умной, доброй, обаятельной и благожелательной собеседнице! Ее рассказ для «45» — истинная находка.

Вспоминает Елена РОЖДЕСТВЕНСКАЯ:

— Впервые о Солженицыне я услышала от Павла Лунгина. Он раньше писал сценарии и пьесы. Его работу «Добро пожаловать» экранизировал Элем Климов. А сейчас он сам сделал фильм «Такси-блюз», уже как режиссер. Вот этот Лунгин как-то мне сказал, что в «Новом мире» через несколько месяцев будет опубликована потрясающая вещь. Она появилась в одиннадцатом номере 1962 года — «Один день Ивана Денисовича». Поэтому я знала о Солженицыне уже загодя. Я стала прикидывать, как бы заполучить его самого, потому что мы вначале думали на предмет инсценировки: но там — масса героев, это очень сложно для театра, скорее для кино. Я предположила, что у него может быть пьеса, во всяком случае, вероятность такая есть. Связалась со Львом Копелевым, зная, что он дружил с Александром Исаевичем и с Виктором Платоновичем Некрасовым. Они-то и посоветовали обратиться в «Новый мир» к Анне Самойловне Берзер: мол, она занимается всеми делами Солженицына.

бавила: — Если бы вы знали, что со мной было...»

Понять это несложно. Все, кто помогал писателю, заполучали огромные неприятности. Многие, очень многие тогда отказались от рукописи...

Вспоминает Елена РОЖДЕСТВЕНСКАЯ:

— Так вышло, что с легкой руки Анны Самойловны Солженицын получил добро на публикацию «Одного дня Ивана Денисовича». Я оставила ей свой телефон в театре, и через день мне позвонил сам Александр Исаевич. Начался разговор с вопроса. Я его спросила: «Есть ли у вас пьеса?» А он и говорит: «Вы знаете, есть, но я не думаю, что ее поставят.» — «Ну, — я говорю, — это — преждевременное решение. Мы все, «современники», очень довольны вашей вещью, опубликованной в «Новом мире», и нам очень хотелось бы заполучить вашу пьесу». Удалось его уговорить. Он спросил, когда будет удобно встретиться... На следующий день А. И. пришел в театр. Сейчас этого здания уже нет, его снесли, и теперь там просто стоянка автомашин. А располагалось оно напротив Театра сатиры, на площади Маяковского. Ну вот, пришел Александр Исаевич. Меня удивило, что он был одет просто, правда, в шляпе: она сидела на нем прямо так, как у членов правительства. И еще он был в плаще и калошах. Это был уже конец ноября, но в Москве так никто не ходил, у него был такой немного провинциальный вид.

Но вот что меня поразило больше всего: в А. И. чувствовался огромный ступок энергии, целеустремленности и конкретности. Он со всеми поздоровался, поздоровался за руку с вахтером, причем спросил у каждого, кто был в фойе, как его имя, отчество. И когда в следующий раз пришел, всех-всех помнил, то есть память у него потрясающая. Я привела его в кабинет главного режиссера, где были Олег Ефремов, Галина Волчек, Евгений Евстигнеев, Михаил Козаков, Игорь Кваша и я. Больше никого не было. И вот, познакомившись с присутствующими, Александр Исаевич начал читать пьесу. Читал он этак на провинциальный манер, очень воодушевленно, размахивал руками, жестикулировал, даже Козаков пошевелился, отвернувшись. И все это было немножко забавно. При чтке он часто оговаривался и называл настоящие фамилии, затем извинялся и продолжал дальше. Но это — детали. Главное, что все, без исключения, были потрясены. Потрясены материалом.

Мы сидели совсем онемевшие, а он вынул блокнот, ручку и говорит: «Слушаю вас теперь, что вам не понравилось, буду записывать ваши замечания». Один за другим, уж не помню в какой последовательности, мы стали говорить. И все примерно одинаковые оценки давали. Их суть: какие замечания? Вещь — потрясающая! Что исправлять? Нет нужды! Мы знали его по «Одному дню Ивана Денисовича». И это была не только политика, это была прекрасная, высокого класса литература.

«В конце ноября явления рассказа, «Современник», выслушав шовка», тоже уже труда», / настоящие вить тотчас, и театре, но за месяц было верное обещание отказал...»

Да почему же? Н что для выхода в перепечатка пьесы работе в школе и ной переписки — м ник» шел и на это ходу, — так я не мог А как же так вдруг? Вдруг да не иметь занностей? И еще: до конца полугодия вит?»

Вспоминает Елена

— Ефремов хотел Солженицын сказат. Да, кстати, до говорил, что еще нужны деньги...» М Он и говорит, что мире», потом будт А работор А. И. еш что у него сейчас е потрясены. Затем было уже через ме деление ролей. Фр на Шалашовку бы и Толмачева. И Со

вал свой выбор н Ефремов хотел с обще было много актер должен бы потому что труша

Жанр? Солжени конечно, недоумер и плакали, и смее скорее трагикоме

Нынешний спел И не хочу идти, з ча!» ...А тогда у Еф видение, он хотел в зрительном зале, ли часовые и разг было интересно! просто о нас, толь локи. Правда, был мова, и у Кваш: сказала как-то Ал он: «Да вы что?! У вот 19 августа на завидую...

Довелось автору ния «Корни и кро Светланы Рафаэл течение 25 /! / летр рии создания спел Эту работу она пр диокомпания. С лны Рафаэльвыи поминаний, проз «Лад».

через десяток дней после по-художественный совет «Современной пьесе» / «Олень и шалашовка» из «Республики» просил разрешить им ста-тупа будет обедать и спать в ц-берется ее поставить! И то-ание, уж знаю этот театр. А я —

ду, во-первых, я почувствовал, публичность нужна еще одна, это — семь чистых дней, а при наплыве бездельно-восторжен-как бы и не месяц. «Современ-», пусть я текст доизменю на бросить школу! Да почему же? стать свободным человеком? повседневных тяготящих обя-как же ребяташек не довести ня? Кто же им оценки поста-

/ Александр СОЛЖЕНИЦЫН.
«Бодался теленок с дубом»/.

на РОЖДЕСТВЕНСКАЯ:

ел ставить этот спектакль, но сразу, что вряд ли нам разре-говора он сначала не заключал, по думает. А потом: «Мне не изумлены: как не нужны?!» во т получил сейчас в «Новом» т печатать отдельной книжкой. е у читателем в Рязани. И заявил, сть деньги. Мы были, конечно, он читал пьесу на труппе, это ся ц. Затем было даже распре-оло в должен был играть Олена, ли две кандидатуры — Лаврова лженицын, похоже, останавли-

Вспоминает Игорь КВАША:

— Впечатление было ошеломляющее. Он во-шел... Мы ждали: войдет гений. Ну, знаете, он одет был очень просто, в серо-синий плащ, такие носили еще до войны. В кабинете у Ефремова читал нам пьесу. Все было расписано. Мы безумно желали поставить. Но раздался звонок из КГБ. Нам сказали: положите пьесу в сейф. Началась длительная борьба за пьесу...

Вспоминает Олег ЕФРЕМОВ:

— Это был 62-й год. Мы писали и Хрущеву, и его помощнику Лебедеву. Но это стало запретным. С тех пор она лежала в сейфе, в театре.

Вспоминает Галина ВОЛЧЕК:

— Была большая история отношений. Александр Исаевич приходил в театр каждый вечер. Он читал. На это время все было ново. Сейчас, с позиций 30-летней давности, все уже не так. Это было тогда несуществующей темой. Мы все говорили друг другу где-то под одеялом... И вдруг открылись, с точки зрения правды. Это было необычно для нас тогда, это было потрясение...

Вспоминает Елена РОЖДЕСТВЕНСКАЯ:

— В театре мы все встречали новый, 1963-й год. И у нас возникла идея: пригласить Солженицына. Правда, Ефремов сказал, что вряд ли он придет. Я говорю: «Ну, почему, а вдруг ему будет интересно?!» И написала открытку от имени театра, пригласив его и супругу. И он приехал к нам прямо из Рязани. Был приглашен, кстати, и Константин Симонов. Солженицын и его жена сидели с Ефремовым за одним столиком. Были Хрущев, я, Витя Сергачев. В общем, множество было гостей. Потом, когда начали танцевать твист, у Александра Исаевича просто лицо пятнами пошло, потому что он ничего подобного и не видел. Наверное, думал, что мы какие-то дикие...

Мы много беседовали с Александром Исаевичем, я тогда сказала: «Вам повезло: вы были в

Вспоминает Елена РОЖДЕСТВЕНСКАЯ:

— Мое отношение к нему очень теплое и нежное, хотелось бы его у нас в России увидеть. Сейчас А. И. уже, наверное, придет. Он не любит разбазаривать время, у него все по часам. Он как-то похож на военного, как мне показалось. Потому что в нем всегда присутствовал «внутренний стержень», организованность и умение распределять свое время. И, конечно, он прав, когда пишет в своем заявлении для прессы, что ему в России не дадут работать. Для него главное сейчас, как я поняла, успеть как можно больше написать, его отвлекать нельзя.

Да, вот еще о каком эпизоде хочу рассказать. Пригласила я Александра Исаевича в театр «Современник» на спектакль «Назначение» Володина. Володин был нашим драматургом, был, так сказать, любимым нашим драматургом. В репертуаре шли два прекрасных спектакля: «Назначение» и «Голый король». И вот, когда А. И. посмотрел первое действие, я у него спросила: «Ну как вам?» — «Не нравится!» Я спрашиваю: «Почему?» Он стал объяснять, что все понятно, какая схема, будет вот так и закончится вот так-то. И спрашивает меня: «Правильно?» Я обрадовалась: «Не так! Совершенно не угадали, поэтому посмотрите обязательно второе действие».

После спектакля мы должны были говорить о заключении договора с ним. И так, я попросила А. И. остаться после спектакля, а сама побежала домой кормить дочь. Прихожу в театр — Солженицына нет. Ефремов бегаёт в панике: «Как? Почему ты не была в театре и упустила Солженицына?!» Я объясняю, что он должен быть, поскольку человек слова и я ему верю безгранично. Конечно же, растерялась. А Ефремов в отчаянии: «Он, наверное, побежал в «Моссовет» и пьесу отдаст этому театру, поскольку «Теркина» Твардовского там ставили, а он с ним дружил, отдаст в «Моссовет».

Я парирую: «С какой стати? Как такая

КВАЗА

а Толмачевой. Хочу заметить: играть начальника лагеря. Во- действующих лиц, и каждый л играть по несколько ролей, б была маленькая.

ицын сказал: «Комедия». Все, али. Знакомая с материалом, ались... Мне кажется, что это ция.

спектакль у Ефремова я не видела. знакомые утверждают: «Неуда-ремова было очень интересное сделать вышки и поставить их чтобы во время антракта ходи-оняли людей с пирожками. Это И потом он говорил, что это ко нет в жизни колючей прово-а такая идея и у меня, и у Ефре-пострадать, посидеть. Я даже ександру Исаевичу об этом. А /наси Боже!»...Правда, Кваша баррикады прорвался. И я ему

у биографического исследования» встретиться в Москве и со-льевой Немцевской, которая в работала над фильмом об исто-спектакля «Олень и шалашовка». едложила Российской телера-любезного разрешения Светла-я привожу три отрывка из вос-звучавших в телепрограмме

Елена Рождественская.
Фотографии 1961 и 1991 годов.

лагере». Может быть, это прозвучало кощунст-венно. Он, однако, ответил: «Вы знаете, я тоже так думаю. Потому что я был человеком неорганизо-ванным, раздрозганным, несобранным. И ла-герь помог мне собраться...»

И потом он стал верующим в ГУЛаге. А люби-мую его поговорку «Не море топит, а лужа» я за-помнила на всю жизнь... Вот таким образом он с нами встретился. Совсем недавно Александр Исаевич прислал мне письмо, и это для меня, конечно, огромный праздник. Мне было приятно, что он не забыл меня — а ведь столько лет прошло! Я ему тоже написала, но что-то долго нет ответа, да и это письмо получила, а оно — распе-чатано. Хотя сейчас у нас гласность и все такое, но вот ведь как получается. И это обидно!

«Вложение для цензуры Московского Международного почтамта:

В вашей фактической власти всякое письмо читать, анализировать, фотографировать, изу-чать на нюх, на просвет, над огнем, с помощью мочи и других химикалий. Однако вы обязаны доставлять его адресату в сроки, правдоподобные при нынешних транспортных скоростях, — хотя бы для того, чтобы прикрыть свою деятельность и сделать, что почтовая связь как бы существует. Если еще раз какое-либо письмо ко мне или от меня пропадет или долго задержится /срочное письмо — 35 дней!/, — я вынужден буду написать вам открытое письмо на эту тему. Оно не покроет вас славой.»

/Александр СОЛЖЕНИЦЫН.
«Бодался теленок с дубом»/.

дикая мысль могла прийти в голову? Алек-сандр Исаевич нам обещал и вдруг пойдет в другой театр, бред какой-то...» И тут в разга-ре нашей дискуссии появляется Солжени-цын и говорит: «А, Елена Владимировна, вы уже пришли, а я вот немножко побродил после спектакля и решил прийти вместе с вами». Ефремову даже неудобно стало, от-чего это он вдруг на меня накричал, когда, в общем, все оказывается в норме.

«...Именно так и было присуждено об «Олене и шалашовке»: не давать, не показы-вать. «Я предупреждаю вас против театраль-ных гангстеров!» — очень серьезно внушал мне А. Т. Так говорил редактор самого либе-рального в стране журнала о самом молодом и смелом театре в стране!

...От нескольких услужливых лиц в редак-ции услышал он, что театр этот — дерзкий, подрывной, беспартийный, — и значит «ган-гстеры»...

...Едва-едва он дал согласие, чтобы я по-казал пьесу театру... только не «Современ-нику», а мертвому театру Завадского /лишь потому, что тот поставил «Теркина»/.

Позднее согласие. Положась на слабую осведомленность А. Т. /вдали и выше обык-ной литературной публики, московской динамичной среды/, я остался связан с «Современником».

/Александр СОЛЖЕНИЦЫН.
«Бодался теленок с дубом»/.

И, завершая тему сегодняшней публика-ции, вновь обращаясь к материалам, любезно предоставленным в распоряжение «45» Светланой Рафаэлевной Немцевской. Хотелось бы закончить эту историю высказы-ванием в программе «Лад» авторитетно-го критика, хорошо известного в театраль-ных кругах.

Вспоминает Михаил ШВЫДКОЙ:

— Когда мы печатали «Республику труда» в журнале «Театр», которому Александр Исаевич Солженицын предоставил исклю-чительное право публикации его пьес, Олег Ефремов и Анатолий Смелянский обратились к Солженицыну со специальной просьбой о праве первой постановки в СССР. И до последних корректур Ефремов справлялся о том, указал ли журнал на это право. Разумеется, премьера «Республики труда» на советской сцене — событие, вне зависимости от художественного результа-та. Однако премьера эта имеет некий важ-ный /тайный?/ смысл для самого Олега Ефремова, вообще для поколения шестиде-сятников, которых становится все меньше и меньше. Ефремов и Солженицын — люди несхожие, в чем-то даже противоположные. И тем не менее у них немало общего, во всяком случае понимание ответственности художника перед своими современниками, понимание социального назначения искус-ства. Эти четверть века каждый из них прожил по-разному, но воплощение давнего замысла вновь объединило их, замкнулся дух времен.

Борис СМОЛЬ,
спецкор. «45».
Фото и фотокопии автора.

ВИНИЛ

Развал империи Романов не считает абсолютной трагедией.

На вопрос корреспондента, не станет ли Борис Ельцин новым Кромвелем, Романов ответил так:

— Надеюсь, нет. Судя по сведениям, которые мне удалось собрать, это чело-век, желающий сделать все возможное, чтобы вернуть страну на добрый путь того исторического развития, который был прерван в 1917-ом. В России моло-дежь начинает осознавать, чем была эта страна до того, как ее расцвел прер-ван революцией... Ельцин представляется мне человеком, который намерен сде-лать все от него зависящее для восста-новления нормальной жизни, мне кажется, он способен это сделать...

Интересны высказывания Романова о монархии и демократии. Вот его главные мысли:

— Нельзя желать возвращения к прошлому. Надо идти вперед, к чему-то новому. Определенная форма монархии могла бы быть полезной, как фактор объединения огромной территории. Монарх, независимый от партий и влия-ний, исполняющий функции Верховного арбитра в конфликтах, которые могут возникнуть в государстве, вот какой я вижу его настоящую роль.

Думая только об интересах моей стра-ны, я абсолютно ничего не имею против демократии. Более того, для меня демокра-тия — это ожидание в течение более чем семидесяти лет в качестве полити-ческого беженца в ссылке. Теперь готов служить России всеми силами, которые дал мне Господь. Это долг, который я приму с радостью. Но прежде надо, что-бы страна желала видеть меня и хотела воспользоваться услугами, которые я мог бы оказать нашей Родине. Не знаю, позовут ли меня. По-моему, такая воз-можность реальна...

Под занавес беседы корреспондент спросил, не думает ли Великий князь, что Борис Ельцин может однажды призвать его для реставрации монархии в России.

— Мне совершенно невозможно отве-тить на подобный вопрос. Только он смог бы ответить. У него — власть. У меня — желание.

По материалам интервью Гонзаго Сен Бри с Великим князем Владимиром в «Пари-матч» публикацию подготовил Семен ВИТАЛЬЦЕВ.

Безье—Ставрополь, специально для «45».

P.S. Как известно, Романов возвра-щался на свою родину: по приглашению Анатолия Собчака Великий князь гос-тил в Санкт-Петербурге. Станет ли иск-лючение правилом?! Поживем — уви-дим.

В России молодежь начинает осознавать, чем была эта страна до того, как ее расцвел был прерван революцией.

ВИНИЛ

У классика, коим, по моим сведениям, является Анатолий Франс, есть толковая мысль: «Искусству угрожают два чудовища: художник, который не является мастером, и мастер, который не является художником». Сей афоризм приходит на ум всякий раз, когда встречаюсь с Владимиром Пашенко. Вот же наградила судьба человека по-царски: живут в нем нераздельно и Художник, и Мастер. И Мастер, и Художник...

Он как-то позвонил:

- Зайди, не пожалеешь!
- Что-нибудь новенькое?
- Заходи-заходи!..

В мастерской, словно излучая внутренний свет, искрились, поражая новыми формами, всем богатством цветовой гаммы, вазы.

Чудо, рожденное в огне, словно впитало в себя его жаркую страсть, а в какую-то минуту художник заставил это сокровище застыть мягкими, нежными складками. Казалось, они вот-вот разглядятся или обретут иные формы.

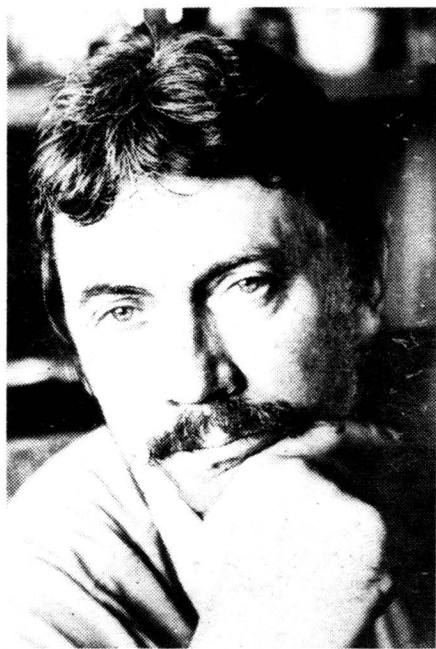
Володя, улыбаясь, наблюдал за моим изумлением.

— Сам придумал?

— А кто? Не Господь же Бог...

И еще одно впечатление. Несколько лет назад я наслаждался новой серией ваз, выполненных во французской технике «кракле». Тайна

здесь в том, что нужного эффекта — словно иней, легкий снег на вазе — керамисты добиваются тремя, в лучшем случае двумя обжигами. Володя достиг эффекта, применив лишь один обжиг.

Страна героев, мечтателей, etc... Страна парадоксов. Трюизм. Но... выпускник широко известного Абрамцевского училища пять лет не мог в Кисловодске найти работу по специ-

альности. Чем занимался? Крутил баранку.

... А сегодня не только вазы, но и панно, альпинарии Владимира Пашенко украшают здравницы, пансионаты Кавказа, Крыма, Поволжья, Урала. Произведения Пашенко можно встретить в Москве и Ленинграде, в Белоруссии и на Украине.

В скромной его квартире хранятся самые любимые, самые дорогие для Мастера работы — «Винодел», «Оркестр», «Летающая корова»... А еще — неповторимая «мелкая» пластика.

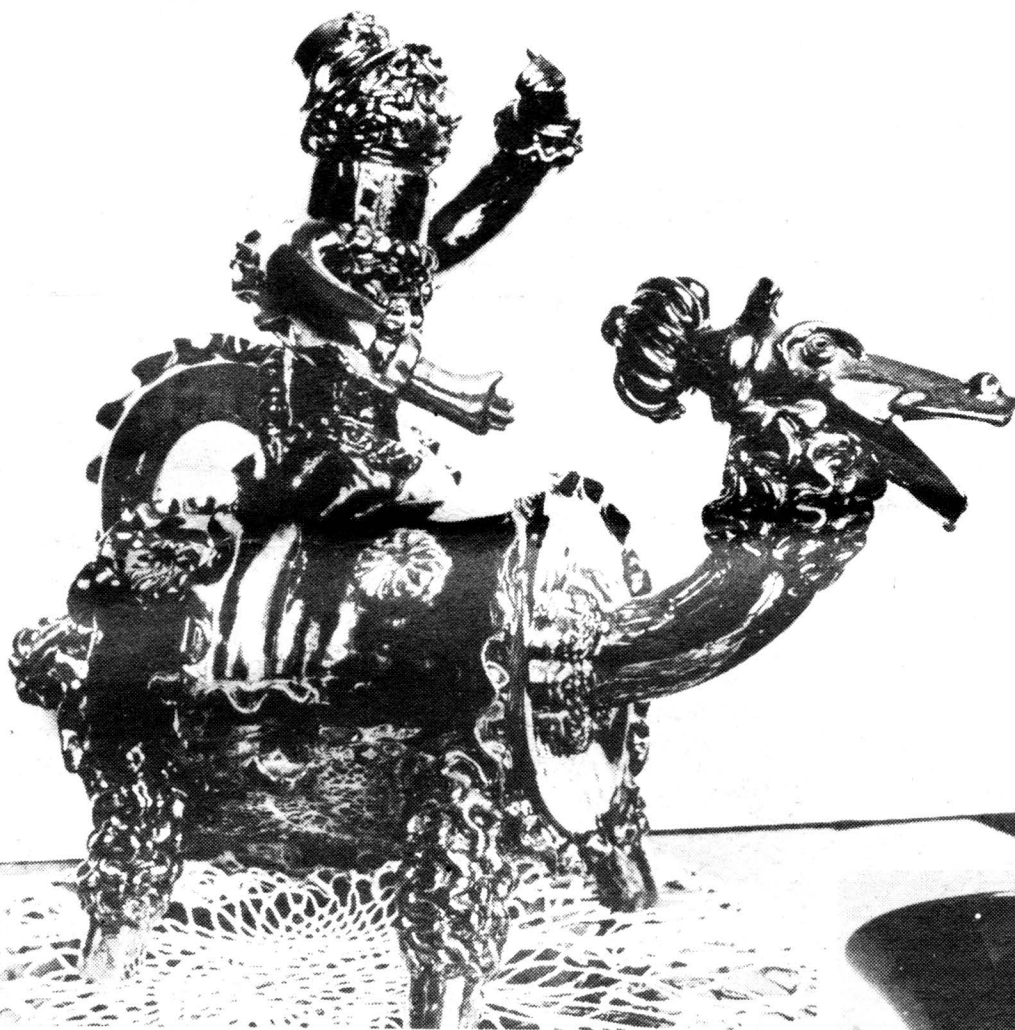
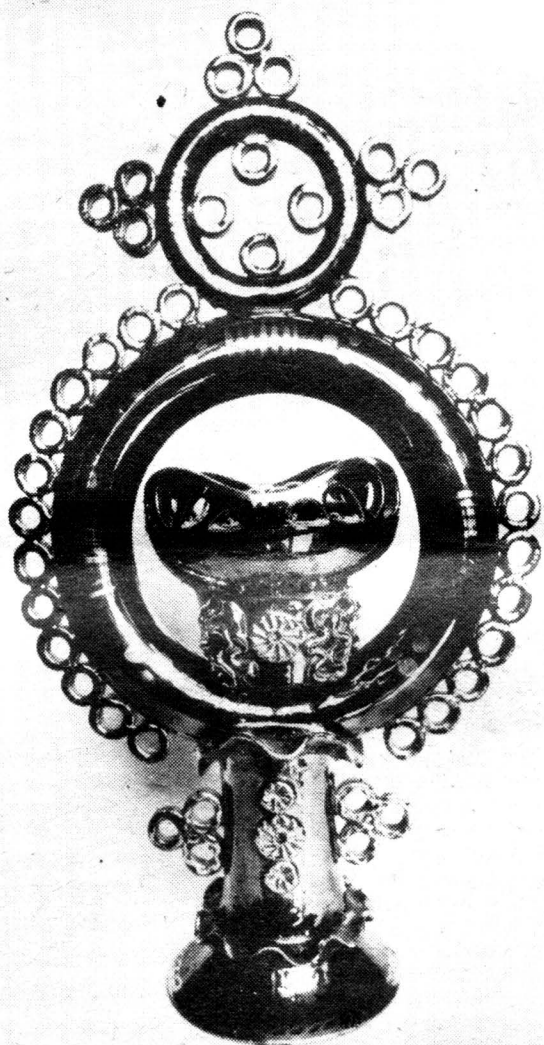
Будете в Кисловодске, постарайтесь поближе познакомиться с его волшебным миром.

«Радость, бешенство радости, — солнце, озаряющее все, что есть, и все, что будет, — божественная радость творчества! Все радости жизни — в творчестве. Любовь, гений, труд — все это вспышки сил, вышедших из единого пламени... Творить — значит убивать смерть». Так прекрасно сказал когда-то Ромен Роллан

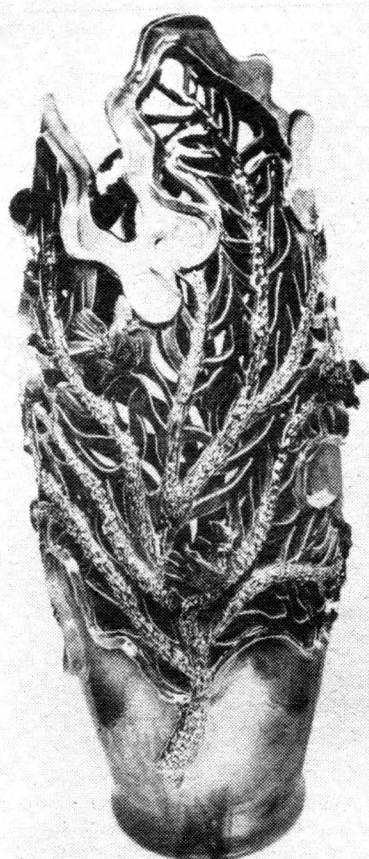
Из единого пламени выходят и удивительные творения Володи Пашенко, озаренные истинной любовью, филигранной техникой мастерства.

Репортаж из мастерской Художника и Мастера вел Юрий САМОЙЛОВ.

Керамическое пламя запечатлел на фотопленке Василий ТАНАСЬЕВ.

НАТУРА

НАТУРА

Поклонник муз,
поклонник мира,
Забыв и славу,
и любовь,
О, скоро
вас увижу вновь,
Брега веселые
Салгира!
Приду на склон
приморских гор,
Воспоминаний
тайных полный,—
И вновь
таврические волны
Обрадуют
мой жадный взор.
Волшебный край!
Очей отрада!
Все живо там:
холмы, леса,
Янтарь и яхонт
винограда,
Долин
приютная краса,
И струй
и тополей прохлады...

(А. С. Пушкин)

САЛАМИС — РЫБНОЕ ФИЛЕ

Советую сбрызнуть рыбное филе лимонным соком и посолить. В растительном масле обжариваем мелко нарезанный лук и чеснок, затем отправляем на ту же сковороду рыбу, поливая ее вином и посыпая зеленью. Тушить блюдо следует 10—15 минут под крышкой. Тонкие нарезанные колечками стручки сладкого перца обычно обжаривают отдельно и тоже в растительном масле. Через десять минут следует добавить сюда очищенный от кожицы и нарезанный дольками огурец, а еще через пять — половинки помидоров. О соли и перце, разумеется, не забыли? Когда все овощи будут готовы, их требуется выложить на рыбу и потушить все вместе еще минут пять под крышкой на небольшом огне. Саламис — так называется это вкусное блюдо греческой кухни, подают в горячем виде с белым хлебом или картофелем.

На 500 граммов рыбного филе хозяйке /или хозяйину/ нужно запастись двумя столовыми ложками лимонного сока, двумя столовыми ложками рубленой зелени, 250 граммами свежих огурцов и таким же количеством помидоров, а также — двумя-тремя стручками сладкого перца, солью, черным перцем.

РЫБНЫЙ СУП ПО-ГРЕЧЕСКИ

Итак, чистим рыбу, удаляя голову, кожу, хребет и разделяя туловище на части. В полулитре воды варим голову, кожу и кости, добавляя лук, зелень, перец и лавровый лист. Варить можно примерно полчаса. Затем полученный бульон цедим, тут же опускаем туда подготовленные порционные куски, и кипятим порцию на слабом огне до готовности рыбы. Далее нужно растопить на сковороде маргарин, всыпать муку и влить немного бульона. Полученную заправку отправляем в бульон, добавляя томат-пюре или помидоры, толченый чеснок и сливки. Приправа — по вкусу! — соль и перец. Положив в готовый бульон отваренные ранее куски рыбы, даем супу еще раз вскипеть и, сняв с огня, оставляем его на пять минут настояться, прикрыв плотно крышкой. Подается это блюдо с белым хлебом.

На килограмм морского окуня или какой-либо другой морской рыбы вам потребуются луковица, пучок суповой зелени, лавровый лист, 5—6 горошин черного перца, две столовые ложки муки, две столовые ложки маргарина, подольки чеснока, два помидора или немного томата-пюре, шесть столовых ложек сливок, соль, перец.

ФАРШИРОВАННЫЕ ОГУРЦЫ

Внимание! Прежде всего следует очистить огурцы от кожицы, нарезать их поперек и вынуть семена. Очищенные половинки заполняют фаршем. Фарш готовится следующим образом: рубленое мясо или грибы смешивают с репчатым луком, рисом или размягченным белым хлебом, к массе добавляют сырые или рубленые крутые яйца, зелень петрушки, соль, перец. Наполненные половинки огурцов кулинар накрывает пустыми половинками, перевязывает ниткой и укладывает в смазанную жиром огнеупорную посуду. Запомнили? Действия дальше таковы: несколько

О, древняя и вечно прекрасная Таврида! Промелькнувшие тысячелетия не изуродовали твоего лица... Глаза закрою и вновь и вновь вижу темную громаду Копет-Дага, чудесные бухточки, берега, усеянные кровавыми каплями сердолика и полосатыми агатами, бесконечные виноградники, перемежаемые знойными степями. Твои уютные курортные городки, Крым, приветливы в любое время года, а старинная музыка их названий завораживает своей загадочностью... Коктебель, Гурзуф, Севастополь, осененный Андреевским флагом, Ялта, Судак, Бахчисарай...

Ялта стала второй родиной Чехова, Гурзуф — Волошина. А непревзойденного и величайшего из маринистов Айвазовского дала нам Феодосия. Мировая слава Фороса... впрочем, не будем. Судак? Это — родина российского шампанского, один из великолепных сортов которого «Ай-Даниль» сотворил князь Воронцов. Чу, просят слова Массандра и Магарач — слава и гордость отечественного виноделия, подарившие миру херес и мадеру, прекрасные мускаты и портвейны. По именам? Пожалуйста! «Массандра», «Сурож», «Ливадия», «Таврида» получили на авторитетных международных выставках множество золотых медалей. Эти сорта поставлялись в Ялту, в прекрасный дегустационный зал. Его основателем можно считать князя Голицына. О винах иногда говорят — продукция. В данном случае стоит поспорить, ибо грех назвать продукцией произведения великого искусства Бахуса, искусства Виноделия! Крым нынче переживает не лучшие времена. Однако его кухня, как и вина, прошла испытания не годами, а веками. Так что, дай Бог, все сладится и на земле прекрасной и многострадальной Тавриды.

ложек сметаны или йогурта/кефира/вы смешиваете с томатной пастой. Полученный соус выливаете на подготовленные огурцы, которые сбрызгиваются соком лимона и ставят для тушения под крышкой на 20 минут /по желанию в соус можно добавить немного муки/. Готовые огурцы посыпают зеленью укропа и подают с белым хлебом.

Если вы обзаведетесь двумя-тремя свежими огурцами, это еще не все.

Для приготовления блюда любителю потребуется 150 граммов рубленого мяса или 500 граммов мелко нарезанных тушеных грибов, 350 граммов белого хлеба или две столовые ложки отварного риса, крупная луковица, одно-два яйца, петрушка, соль, перец, две столовые ложки томатной пасты, сметана или йогурт, укроп, сок лимона, жир для жаренья, немного муки.

Рубрику ведет
Ставропольский
врач
и кулинар
Евгений Шипов.

Из Крыма наш репортер решил отправиться на Украину... Стоп! Так ведь это и есть... Или нет? Ну, хорошо. Выразимся иначе. Из самостоятельного Крыма спецкор «45» по кулинарной части отбыл в самостоятельную Украину. Ожидаются старинные рецепты. Галушки, борщ, вареники... Аж голова идет кругом!

БУТЕРБРОД С ТЫКВОЙ

ЮШКА ФИРМЕННАЯ
/по рецепту мастера-повара
В. А. Лотыша/

В алюминиевую кастрюлю кладутся — кусочками! — сливочное масло, сверху — тыква, очищенная от корки и нарезанная мелкими ломтиками, они слегка присолены. Кастрюля, плотно закрытая крышкой, ставится на хороший огонь. На восьмой минуте выложить тыкву на сковороду с подогретым маслом, залить ее яйцами и запечь. Еще не все! Блюдо впоследствии охлаждают, нарезают ломтиками по форме гренков, укладывают на один гренок запеченную тыкву, закрывая ее вторым.

Вот какие затраты получатся, если вы затеете это блюдо: на 150 граммов тыквы нужно яйцо, 20 граммов сливочного масла, соль, специи.

КУЛЕШИК ГОРОХОВЫЙ

Когда затевается это блюдо, первоначально хозяйки варят морковь и петрушку — до готовности, но отвар не сливают. Затем перебранный и промытый горох заливают холодной водой так, чтобы она только покрывала массу, дают ей набухнуть, добавляют немного сливочного масла, чертовой булки, тертой на терке, и варят. Сваренный горох вводят в овощной отвар с морковью и петрушкой, протирают через сито, заправляют пассерованным, нарезанным соломкой и смешанным с пассерованной мукой луком. Посолить, хорошо перемешать и довести до кипения. Кулешик хорош с нарезанными кубиками и зарумяненным в духовке белым хлебом /гренками/.

На 300 граммов гороха: две моркови, петрушка, луковица, две столовые ложки муки, две-три столовые ложки сливочного масла, половина городской булки, 2,5 литра воды, соль.

Из подготовленной индейки сделать бульон. За 30-40 минут до конца варки добавьте корень петрушки, лук, а в конце варки — соль, перец и лавровый лист. Перебранные и промытые сушеные грибы замочите, сварите до мягкости и промойте. При использовании свежих белых грибов /или шампиньонов/ их очищают, хорошо промывают и варят. Морковь и корень петрушки нарежьте мелкими кубиками и пассеруйте на масле. Цветную капусту промойте и разделите на соцветия. Если нет цветной капусты, используйте белокочанную, нарезав «шашками» /квадратиками/.

Стручки зеленой фасоли разрежьте на две-три части /вместо фасоли подойдет зеленый горошек/. В процеженный бульон кладите кубики картофеля, доводите до кипения, добавляйте подготовленные капусту, фасоль, дольки помидоров и варите до готовности. За пять-семь минут до конца варки не забудьте про пассерованные корни, нарезанные вареные грибы и вливайте процеженный грибной бульон.

При подаче на стол в тарелку положите мякоть индейки /кубиками/, подогретую сметану, залейте юшку, посыпьте зеленью.

На 500 граммов индейки: 50 граммов сушеных или 200 граммов свежих грибов, пять-шесть картофелин, кочан цветной или полкочана белокочанной капусты, морковь и петрушка, луковица, два помидора, 20 стручков фасоли или три-четыре ложки зеленого горошка, две столовые ложки сливочного масла, три столовые ложки сметаны, зелень, соль, перец.

ЖАРКОЕ ИЗ БАРАНИНЫ

Из обмытой баранины удалите кости, нашинкуйте ее салом, натрите толченым чесноком с солью, обжарьте на смальце или сливочном масле до светло-коричневой корочки, переложите в сотейник, залейте бульоном, сваренным из поджаренных костей баранины, добавьте жир и подождите до готовности. Пассерованную пшеничную муку разведите соком /в котором тушилась баранина/, добавьте бульон, соль и перец. Варите. Подливу процедите, залейте ее в баранину и нагревайте до кипения. Теперь фасоль замочите, сварите до готовности и отделите отвар. Лук зарумяньте на сливочном масле, добавьте томат-пюре, жарьте еще 4-5 минут. Сразу же влейте отвар от фасоли /0,5 стакана/, дайте покипеть, заправьте вареную фасоль, посолите и хорошо прогрейте.

Нарезанную тонкими ломтиками баранину гарнируйте вареной заправленной фасолью, полейте подливой и щедро посыпьте мелко нарезанной зеленью петрушки.

На 500 граммов баранины: 1 столовая ложка смальца, 80 граммов сала, 5 зубчиков чеснока, столовая ложка пшеничного масла, два стакана бульона, один стакан фасоли, луковица, соль, перец, зелень.

КОТЛЕТЫ «ЭНЕЙ» (по рецепту мастера-повара В. А. Лотыша)

Корейку с косточкой разделите на порционные куски, нарежьте их до половины, косточку зачистите, мясо слегка отбейте, придайте форму котлет, посыпьте солью, перцем и обжаривайте с обеих сторон. Затем сложите их в сотейник, вместе с нарезанным соломкой луком, корнем петрушки, морковью, заливайте бульоном и тушите час. За пять минут до готовности прибавьте соль, перец, кориандр, лавровый лист.

Для гарнира варите очищенный картофель, сливайте отвар и подсушивайте клубни. Свежую или квашеную капусту тушите, заправляйте ее жареным луком, вареными шинкованными грибами, солью и перцем. Подсушенный картофель пропустите через мясорубку, прибавьте подсушенную муку, яйца, соль, хорошо вымешайте. Из этой массы сделайте круглые лепешки, на середину которых разложите начинку из капусты и сформируйте крокеты-пирожки овально-приплюснутой формы. Их жарят на разогретом жире с обеих сторон.

Готовые крокеты-пирожки укладывают на блюдо стопкой, рядом кладут котлеты, поливают соусом, в котором они тушились, и посыпают зеленью петрушки и укропа. Блеск!

На 750 граммов свинины /корейки/ с косточкой: столовая ложка смальца, луковица, морковь, петрушка, лавровый лист, соль, перец, зелень.

Для гарнира: полтора килограмма картофеля, 400 граммов свежей или 300 граммов квашеной капусты, пол-луковицы, 25 граммов сушеных грибов, две-три столовые ложки смальца, две столовые ложки муки, одно-два яйца, соль, перец.

ТЫКВЕННАЯ КАША С МАСЛОМ

Очищенную нарезанную тыкву припустите в кастрюле до полуготовности, добавив немного воды. Потом соедините с перебранным и промытым пшеном, залейте молоком, посолите и оставьте на огне до полного разваривания пшена. Лишнюю влагу выпарьте. Готовую тыкву с пшеном протрите над кастрюлей через сито или дуршлаг, прибавьте сахар, перемешайте и хорошо прогрейте.

При подаче на стол в тарелку с кашей нелишне положить кусочек сливочного масла.

На один килограмм тыквы: стакан пшена, две столовые ложки сахара, полтора стакана молока, соль.

ТВОРОЖНЫЕ ГАЛУШКИ

Хорошо перемешайте творог с сахаром, растопленным сливочным маслом, яйцами, солью, соедините с пшеничной мукой, замесите тесто. Разделите его на тонкие колбаски, разрежьте их на ромбики и сварите в подсоленной воде.

При подаче на стол галушки поливают растопленным сливочным маслом и посыпают молотыми поджаренными сухарями. Отдельно подают сметану.

На 500 граммов творога: стакан муки, два яйца, две с половиной столовые ложки сахара, две-три столовые ложки сливочного масла, столовая ложка молотых сухарей, полстакана сметаны.

РЕПОРТЕРА

№ 20
45-я параллель

— 23 —

реклама

— ЭТО РЕК

В 45 ГАММА

**ХОТИТЕ ПРОЦВЕТАТЬ?
МЫ ВАМ ПОМОЖЕМ!**

Вот города — от А до Я. Архангельск, Брянск, Вильнюс, Владивосток, Волгоград, Гомель, Горно-Алтайск, Грозный, Киев, Краснодар, Москва, Нальчик, Новгород, Новороссийск, Псков, Ростов-на-Дону, Санкт-Петербург, Симферополь, Сочи, Ставрополь, Таганрог, Тула, Усть-Илимск, Хабаровск, Харьков, Черкесск, Шевченко, Ярославль. Мало? Смело добавьте еще два-три десятка. Достаточно? Тогда учтите, что в вышеперечисленных населенных пунктах, а также во Франции, Канаде, США распространяется наше издание.

О вас узнают благодаря «45!»

Реклама на наших страницах — не дешевле, чем в..., ..., etc., зато лучше! Пляшите от цифр 10.000 за полосу. И... пишите письма: мол, мечтаем, а главное — присылайте рекламный текст с гарантиями.

Деловой человек не забудет указать реквизиты и добавить строчку о том, что заказчик не возражает против снятия оговариваемой суммы инкассо.

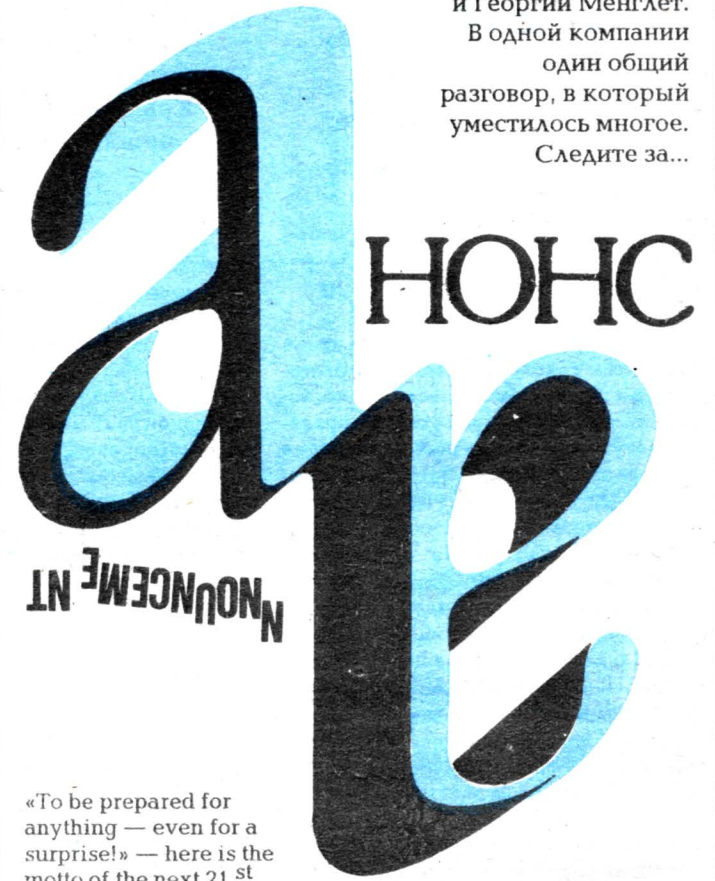
Контактные телефоны по рекламе: в Ставрополе — 3-18-94, 9-76-50; в Пятигорске — 9-64-47, в Кисловодске — 5-26-36, в Москве — 383-90-88, в Шевченко — 2-02-34, в Вильнюсе — 777-507.

РЕКЛАМА — ЭТО РЕКЛАМА

Девиз нового, 21-го номера «45-й параллели» — «Будьте готовы ко всему, даже к неожиданностям». Это важно подчеркнуть особо. Ведь дело в следующем: Владимир Войнович говорит с нашим человеком о себе, и не только. Он говорит под рубрикой «Первоисточник» на фоне Москвы 1992—2042. А рубрика «Гамбургский счет» представит уникальные фотографии и воспоминания об Арсении Тарковском.

Презентация президентов в «45» (первым есть, разумеется, Борис Ельцин) получила логическое продолжение. Витаутас Ландсбергис представлен в эксклюзивном интервью 21-го номера.

Фото прилагается. Если этого недостаток, вот еще о ком: Сергей Юрский, Ролан Быков, Зиновий Высоковский и Георгий Менглет. В одной компании один общий разговор, в который уместилось многое. Следите за...

«To be prepared for anything — even for a surprise!» — here is the motto of the next 21st issue of our «45th parallel» (edition). And this is to be emphasized!

Vladimir Voinovich is speaking to our newspaper man about himself and if only about himself! You see, that's the point! He is speaking under the heading «The Original» and against the backcloth of Moscow (1992—2042, of course!). We continue to present our presidents to our readers (it goes without saying, Boris Elzsyn is the first one). Here is a logical continuation of this presentation: our 21st issue's exclusive interview with Vitautas Landsbergis (the photo is appended). Isn't it quite enough? The only thing is to say: «Great stuff! I look forward to reading it!» If so, you may keep us company and meet Serge Yurski and Rolan Bykov, Zinovi Vysokovski and George Menglet. They are in one (not bad!) company and they have one common talk which contains a lot... So, look forward...

ТЕЛЕИГРА

«ЧЕРТОВА ДЮЖИНА»

СЛЕДУЮЩИЙ ТИРАЖ 13 ЯНВАРЯ	1	2	3	4	Ф. И. О. _____ _____ АДРЕС: _____ индекс _____ город (район), село _____ улица _____ дом № _____ кв. № _____
	12	13	5		
	11		6		
	10	9	8	7	

СЛЕДУЮЩИЙ ТИРАЖ 13 ЯНВАРЯ	1	2	3	4	Зачеркните из 13 цифр (чисел) любые пять. Укажите вашу фамилию, имя, отчество, домашний адрес. Эту часть бланка вместе с квитанцией о почтовом переводе на 7 рублей вышлите нам. Копию таблицы с зачеркнутыми цифрами (числами) оставьте себе. Угадали счастливое сочетание? Крушный выигрыш!!! АДРЕС ПЕРЕВОДА: МФО 231307, Пятигорск, расчетный счет 000609837 Жилсоцбанка г. Пятигорска, Телеигра «Чертова дюжина». А бланки с квитанциями направляйте по адресу: г. Пятигорск, ул. Мира, 1, телеигра «Чертова дюжина». Контактные телефоны 5-09-46, 5-21-85.
	12	13	5		
	11		6		
	10	9	8	7	

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ — ПЛАКАТ ГЕННАДИЯ ТКАЧЕНКО «РАПСОДИЯ № 4».

© Иллюстрированный ежемесячник «45-я параллель». Регистрационное удостоверение № 296 выдано 31. 10. 90 года Министерством печати и массовой информации РСФСР. Учредитель — Ставропольский фонд культуры. Главный редактор Сергей СУТУЛОВ. Художественный редактор Александр МАКУШЕНКО. Адрес: 355045, Ставрополь, ул. Суворова, 1.

Рукописи не возвращаются и не рецензируются. Мнения авторов не обязательно совпадают с точкой зрения редакции. При перепечатке ссылка на «45» обязательна. Цена в пределах Ставрополя 1 руб. Типография издательства «Ставропольская правда».

Подписано в печать 14. 11. 91 г. Замаз 1773.